

ISSN 0236-2007

ЧЕЛОВЕК

2·2024

ЧЕЛОВЕК

2024. Том 35, номер 2

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Н.Б. Афанасов

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург), И.Е. Гарбер (США),
А.Ю. Дудчик (Минск), К.Р. Вестфаль (Италия), А.И. Любжин (Москва),
В.С. Мартыанов (Екатеринбург), Е. Намли (Швеция), С.А. Никольский (Москва),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), А.В. Павлов (Москва),
Н.Е. Покровский (Москва), Н.Н. Ростова (Москва), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург),
Е.В. Сердюкова (Ростов-на-Дону)

Редакционный совет

Ф.Е. Ажимов (Москва), А.А. Гусейнов (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
А.П. Козырев (Москва), С.А. Коначева (Москва), О.В. Попова (Москва),
А.В. Прокофьев (Москва), Р.В. Светлов (Калининград), О.А. Матвейчев (Москва),
А.В. Смирнов (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

CHELOVEK

The Human Being

2024. Volume 35, Number 2

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Nikolai Afanasov

Editorial Board

Avanesov S. (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Dudchik A.* (Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk), *Westphal K.* (Academia Europaea, Trieste), *Lyubzhin A.* (National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology", Moscow), *Martianov V.* (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Nickolsky S.A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Ostrovskaya Z.* (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pavlov A.* (Higher School of Economics; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rostova N.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Serdyukova E.* (Southern Federal University, Rostov-on-Don)

Editorial Council

Azhimov F. (Higher School of Economics, Moscow), *Guseynov A.A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Diev V.S.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Konacheva S.* (Russian State University for the Humanities, Moscow), *Matveychev O.* (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Prokofyev A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Svetlov R.* (Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2024

© Chelovek / The Human Being Editorial Board (compilation), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

О.В. Артемьева

Проблема моральной идентичности 7

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Ростовцева

**Феномен человеческого доверия:
междисциплинарный обзор 27**

Л.В. Баева

**Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации
с позиции цифровой гуманитаристики 44**

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Д.А. Шевелева

**Возможности межкультурного диалога в современности:
поиски решений 69**

М.Д. Горбачев

Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм 87

Х.С. Эмеретли

**Об антропологии удачи: объекты моральной
ответственности и нравственность случая 103**

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

С.В. Андиев

**От левой меланхолии к реальной утопии: современные
левые о будущем 121**

Г.Л. Тульчинский

**Социальность и субъектность в советском проекте
человека 136**

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

В.В. Кажберова

**Человек и социальные медиа: новая ценность или
обесценивание личности? 153**

И.А. Матвеева

**Знахарство и колдовство в Пензенской области:
современное состояние магической традиции 174**

CONTENTS

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN

O.V. Artemyeva

The Problem of Moral Identity 7

SCIENTIFIC RESEARCH

V.V. Rostovtseva

The Phenomenon of Human Trust: An Interdisciplinary Review 27

L.V. Baeva

**Analysis of School Shooting Phenomenon and Its Mediatization
from the Perspective of Digital Humanitaristics 44**

SOCIAL PRACTICES

D.A. Sheveleva

**Problems of Intercultural Dialogue in Modern Society:
Finding Solutions 69**

M.D. Gorbachev

Consciousness and Illusion: Does Illusionism Threaten a Human 87

K.S. Emeretli

**On the Anthropology of Luck: Objects of Moral Responsibility
and the Morality of Chance 103**

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

S.V. Andiev

**From Left Melancholy to Real Utopia:
Modern Left About the Future 121**

G.L. Tulchinskii

Sociality and Subjectivity in the Soviet Man Project 136

TIMES. MORALS. CHARACTERS

V.V. Kazhberova

Person and Social Media:

New Value or Devaluation of Personality? 153

I.A. Matveeva

Sorcery and Witchcraft in the Penza Region:

Current State of the Magical Tradition 174

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31857/S0236200724020014

©2024 О.В. АРТЕМЬЕВА

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Артемьева Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109249 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID 0000-0001-8266-8730

o_artemyeva@mail.ru

Аннотация. Понятие идентичности личности сегодня оказывается в фокусе самых разных исследований. В современной философии к анализу идентичности личности обращаются при рассмотрении вопросов философии сознания, а также онтологических, гносеологических, эстетических, этических и прочих проблем. В применении к этике понятие идентичности личности, как правило, исследуют в связи с анализом моральной ответственности, а также биоэтических проблем. При этом современные подходы к понятию идентичности в сфере морали отличаются тем, что ограничиваются перенесением на представления о морали (интуитивные и не концептуализированные) понятий идентичности, выработанных в рамках различных «метафизических» концепций. Сложности такого метода, некоторыми авторами осознаваемые как неудачи, обусловлены отсутствием этической контекстуализированности понятия идентичности личности. Для того чтобы понять, как идентичность личности связана с теми или иными моральными заботами и проблемами, необходимо вписать Я (как и все эти заботы и проблемы) в концепцию морали и обсуждать не различные понятия идентичности личности, выработанные во внеэтическом контексте, в их отношении к этике, а само понятие моральной идентичности как понятие, заданное этикой. Анализ

От идентичности личности к морали?

Проблема идентичности личности актуализируется сегодня при решении исследовательских и практических задач в самых разных областях знания — в философии, антропологии, теологии, психологии, психиатрии, юриспруденции, IT-сфере (при обсуждении проблем искусственного интеллекта) и т.д. [см. об этом подробнее: Логинов, 2018]. Вопрос об идентичности личности в философии — это прежде вопрос о Я: кто я такой, как я себя определяю, что отличает меня от других существ и от других людей. Он может касаться идентичности личности в какой-то момент времени (синхроническая идентичность): человек часто одновременно испытывает самые разные чувства, совершает разные действия, имеет множество интересов, обладает добродетелями и пороками, строит планы и т.д. — что же позволяет судить о нем как о единой личности? Другой вопрос касается идентичности личности во времени (диахроническая идентичность): как можно судить о том, что личность, претерпевая разного рода изменения, на разных этапах своего существования остается одной и той же личностью?

Принято считать, что проблему идентичности личности как таковую впервые сформулировал Дж. Локк [Локк, 1985: 380–402]. Однако так или иначе она обсуждалась и прежде, например Платоном в «Федоне» и Лукрецием в поэме «О природе вещей» в связи с вопросами о бессмертии души. По Платону, разумный человек — это его бессмертная, устремленная к истине душа, тело же с его страстями препятствует такому устремлению. Поэтому, по крайней мере тому, кто ценит разумение (единственное, что стоит ценить), то есть философу, смерть тела приносит облегчение и радость, ведь только в Аиде (царство мертвых) душа полностью освобождается от тела и обретает возможность без каких-либо помех и препятствий приобщиться к разуму [Платон, 1993: 19]. Сократ в «Федоне» уверен в том, что он (его душа) переживет смерть тела и отойдет к мудрым и добрым богам, а также по-настоящему добрым людям [там же: 13]. Лукреций же, напротив, убежден в том, что человек представляет собой единство духа, души и тела и когда эти элементы разъединятся, человек прекращает свое существование [Тит Лукреций Кар, 1983: 115].

В Новое время обсуждение проблемы идентичности личности было в значительной мере сосредоточено вокруг концепции Локка. С его точки зрения, поскольку личность по своей уникальной природе есть «разумное мыслящее существо» и может рассматривать себя как то же самое существо в разное время в разных местах исключительно благодаря не отделимому от мышления сознанию, то именно сознание и определяет идентичность (тождество)

О.В. Артемьева
Проблема
моральной
идентичности

для того чтобы отвечать за свои действия в прошлом или в настоящем, личность должна присваивать их себе, признавать своими, отождествлять их с собой. Поэтому он оценивает различные теории идентичности, исходя из того, в какой из них объяснение природы непрерывности, определяющей идентичность личности во времени, а также единства личности в настоящем, оказывается наилучшим для решения этических проблем. Согласно мнению Шумейкера, ни одна из теорий идентичности не является с этой точки зрения безупречной, однако наиболее приемлема психологическая теория идентичности. Скажем, с точки зрения биологической теории человек, переживший трансплантацию мозга и унаследовавший психологию донора (в частности, воспоминание обо всех его поступках как о своих собственных), не может отвечать за эти поступки, так как идентичность здесь задается не психологической, а биологической непрерывностью. Такое представление, по убеждению Шумейкера, контринтуитивно, поскольку предполагает, что человек, действительно и осознанно отождествляющий себя с поступками, признающий себя их автором, не несет за них ответственность.

В рамках различных подходов выстраиваются фактически разные понятия идентичности. Такая многозначность дает вполне обоснованный повод для сомнения в том, что проблема идентичности как таковая вообще существует. Э. Олсон определенно изложил эту точку зрения, утверждая, что под именем идентичности в философии обсуждается широкий круг весьма слабо связанных между собой вопросов [Olson, 2023; 2007: 16–17]. К их числу он относит вопрос установления особенностей личности (characterization question), сформулированный М. Шехтман в качестве ключевого для определения идентичности личности [Schechtman, 1996]. Речь идет о тех особенностях, которые, по убеждению человека, определяют его как личность или делают его тем, кем он является. Другой вопрос Олсон связывает с термином «личность» (personhood). Ответом на него может стать выявление критериев, отличающих личность от не-личности (данные критерии позволяют установить, например, на каком этапе развития оплодотворенную яйцеклетку следует считать личностью). Или ответом на этот же вопрос может быть установление психических свойств, присущих только личности (таких, например, как память). Еще один вопрос об идентичности касается «сохранения»/устойчивости (persistence) конкретной личности во времени. Идентичность здесь трактуется как необходимое свойство или набор необходимых свойств, благодаря которым личность на разных этапах своего существования остается той же самой. Этот вопрос возникает и в связи с представлением о посмертном существовании.

об идентичности является вопрос «что я/мы такое», а не «кто я/мы такой/такие». Данный вопрос Олсон называет онтологическим и строго отделяет от всех упомянутых выше вопросов, замечая, что он не имеет ничего общего ни с одним из них [Olson, 2007: 17]. Онтологический вопрос связан с выявлением метафизической природы человека, он является фундаментальным и в этом смысле первичным по отношению к разным вопросам об идентичности. Первичность проявляется в том, что речь здесь идет не об идентичности личности, исходя из представления о личности, а об идентичности того, что эту личность со всеми ее особенностями определяет и отличает от других существ. Ответ Олсона на онтологический вопрос состоит в том, что человек — это биологический организм, человеческое животное. Благодаря такому пониманию можно обосновать представление о том, например, что человек, который поочередно был плодом, младенцем, подростком, взрослым, пожилым, а потом в результате аварии впал в перманентное вегетативное состояние, является одним и тем же человеком. Ни один из описанных до этого Олсоном подходов к пониманию идентичности, по его убеждению, не может обеспечить такого обоснования.

Мысль Олсона о том, что проблема идентичности является фактически зонтичной для рассмотрения самых разных, слабо связанных друг с другом вопросов, казалось бы, дезавуирует саму проблему. Однако вывод Олсона можно интерпретировать и по-другому: проблемы идентичности личности не существует как проблемы самостоятельной, самодостаточной; по своей природе эта проблема инструментальная, она задана определенной теорией и значима в рамках последней. Видимо, в этом кроется причина разочарования Шумейкера в результатах собственной попытки осмыслить значимость идентичности личности в морали на основе анализа различных концепций идентичности личности. Понятно, например, почему трудно связать с этикой концепцию идентичности Олсона, в которой личность определяется как «некто с человеческим телом». В интерпретации Олсона данное определение предполагает следующее: когда мы видим человека — мы видим человеческое животное и сознаем, что человек воспринимает мир с помощью органов чувств человеческого животного и т.д. Именно это делает человека человеком, а не коровой, божеством или ангелом [ibid.: 10]. Но для осмысления специфически этической проблематики понимания человека как животного, пусть и человеческого, по меньшей мере недостаточно. Шумейкер признает, что такой подход не связан с практическими заботами человека о себе и других людях, но этого и не отрицают сами сторонники биологического подхода [Shoemaker, 2021]. Олсон, например,

по Локку, — разные понятия. Личность — разумное мыслящее существо, и ее идентичность определяется сознанием. А для того чтобы прояснить проблему ответственности, Локк считает недостаточным исходить из общего определения личности, поэтому конкретизирует его, представляя уточнение как юридическое (*forensic*). Термин «юридический» в интерпретации Локка касается «действий и их ценности» и относится только «к разумным существам, знающим, что такое закон, счастье и несчастье» [там же: 400]. Личность в юридическом понимании не просто знает закон, счастье и несчастье, но и стремится к счастью как к «неизбежному спутнику сознания». Это стремление выражает существенную особенность личности, а также служит причиной тому, что последняя «беспокоится о прошлых действиях, становится ответственной за них, приписывая их себе совершенно на том же самом основании и по той же причине, что и настоящие действия» [там же].

Д. Юм высказывает мысль о том, что понимание Я, личности, идентичности задается перспективой рассмотрения и разные перспективы определяют разное понимание этой идеи, причем в некоторых из них она вовсе не схватывается. Чтобы не искать Я там, где его невозможно найти, Юм проводит важное различие между «тождеством личности, поскольку оно касается нашего мышления или воображения, и тождеством личности, поскольку оно касается наших аффектов или нашего отношения к самим себе» [Юм, 1996б: 299]². В сфере мышления и воображения Юм вообще не находит никакого Я. Обсуждая идею Я, самости в философии Юма, часто ссылаются на его метафору духа как театра, на сцене которого сменяются и возвращаются в бесконечных положениях и сочетаниях различные восприятия, но при этом у людей не возникает «ни малейшего представления о том

² Большинство исследователей, обсуждая проблему идентичности личности в философии Д. Юма, обращаются лишь к рассмотрению Юмом данного понятия в сфере «мышления и воображения». Это характерно даже для тех из них, кто специально анализирует феномен моральной идентичности [см., напр.: Atkins, 2008: 17–29; Рикёр, 2008: 157–159]. Лишь немногие принимают во внимание само различие Юмом двух контекстов понятия идентичности личности и стремятся прояснить то понятие, которое соотносится со сферой аффектов и отношения человека к самому себе. Например, О.П. Зубец достоинство позиции Юма видит в постановке им проблемы возможностей гносеологического и аксиологического подходов к конституированию морального субъекта, перенесении проблемы идентичности в сферу аффектов и морали, а также указании на то, что идентичность человека, его чувство самости связаны с аффектом гордости [Зубец, 2012: 169–170]. Дж. Сигал обращает внимание на другую сторону проблемы идентичности в морали у Юма — ту, которая связана с отношениями и взаимодействиями с другими людьми [см.: Seigel, 2005: 124–127].

месте, в котором разыгрываются эти сцены и о том материале, из которого этот театр состоит» [там же: 298]. Еще чаще приводят утверждение Юма о том, что идеи Я, или идеи самости, вообще не существует, а существует лишь «связка, или пучок различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении» [там же]. Однако такое представление Юм формулирует в первой книге «Трактата о человеческой природе», посвященной познанию. Совсем другая картина Я складывается во второй книге. Здесь Юм фиксирует, что «идея или, скорее, впечатление нас самих всегда непосредственно налично в нас и что наше сознание дает нам такое живое представление о нашей личности, которое ничто не может превзойти в данном отношении» [там же: 368].

Юм не дает определения Я во второй и в третьей книгах «Трактата», посвященных соответственно аффектам и морали, он лишь описывает «наше Я» как «тождественную себе самой личность, мысли, поступки и ощущения которой мы сознаем интимнейшим образом» [там же: 378]. Но прежде он говорит о Я как качествах нашего духа и тела, которые являются объектом аффектов гордости и униженности [там же: 354]. В представлении философа, Я существенным образом связано с этими аффектами. Именно на Я устремляется взор, утверждает Юм, когда мы переживаем гордость или униженность. Там, где Я не входит в расчет, нет места ни той, ни другой [там же: 330]. Переживание аффектов гордости и униженности обнаруживает Я, неоспоримо свидетельствует о Я. Именно Я, или собственная личность, выступает конечным объектом гордости и униженности, но причины этих аффектов иные — порождает их все то, что обладает такими качествами, которые сами по себе порождают удовольствие и неудовольствие, а также имеет особое (тесное, непосредственное) отношение к Я [там же: 338].

Причины гордости и униженности могут быть самыми разнообразными (порок, добродетель, собственное остроумие, честность, мужество, ловкость, привлекательная внешность, умение танцевать и ездить верхом, родина, семья, богатство и т.д. или отсутствие всего этого). Все они обладают рядом особенностей. Наиболее важные в перспективе проблемы идентичности состоят в том, что причины, порождающие гордость и униженность, должны выделять человека из числа других, также быть постоянными, соразмерными продолжительности существования Я [там же: 353]. Так, постоянство и длительность порождающих гордость причин обуславливают ее устойчивость и неискоренимость во времени вне зависимости от обстоятельств: какие бы беды ни обрушивались на человека, делая его несчастным, они не способны ослабить его

гордость [там же: 346]. Гордость неискоренима и в другом смысле: иногда для поддержания общительности, взаимодействия с другими людьми (что для Юма является существенной составляющей человеческой жизни) необходимо скрыть свою гордость, точнее «знаки и выражения», в которых она проявляется, однако это никак ее не умаляет и тем более не уничтожает — гордость сохраняется и нисколько не утрачивает своей значимости [там же: 633]. Если описывать позицию Юма на языке идентичности, то получается, что идентичность Я в его философии удостоверяется и в определенном смысле формируется аффектами гордости и униженности. Гордость и униженность характеризуют Я в определенный момент времени, а также обеспечивают постоянство Я во времени. Они интегрируют все разнородные свойства Я в некоторое единство и целостность. Идея постоянства Я во времени выражена, в частности, в высказывании Юма о том, что гордость, сопровождаемая осознанием собственного достоинства, дает человеку веру в себя и тем самым в успех всех его планов и начинаний [там же]. Гордость переносит Я в будущее в качестве того же гордого Я, таким образом сохраняя его во времени.

Моральный аспект Я связан с добродетелью и пороком как свойствами характера — наиболее естественными, с точки зрения Юма, причинами гордости и униженности [там же: 346, 347]. Эти причины он к тому же считает наиболее устойчивыми, поскольку они относятся к числу внутренних причин и в большей мере, чем внешние (богатство, слава и пр.), зависят от самого человека. Добродетельность Юм описывает как расположение духа, которое побуждает человека к деятельности, делает его восприимчивым к общественным аффектам, «закаляет сердце против ударов судьбы», надлежащим образом умеряет аффекты, делает предметом увеселения собственные мысли, склоняет к удовольствиям, доставляемым обществом и беседой, а не чувственными наслаждениями [Юм, 1996а: 586]. Порочность в своих проявлениях противоположна добродетельности. И добродетельность, и порочность — не просто отдельные свойства характера, а расположение духа в целом, устойчиво определяющее поступки морального агента [Юм, 1996б: 612]. Из рассуждений Юма можно заключить, что для него моральность (добродетельность или порочность) человека составляет значимую часть Я и его идентичности как в некоторый момент времени, так и на протяжении длительного времени. По содержанию то, что можно было бы назвать моральной идентичностью у Юма, определяется его пониманием смысла морали, который раскрывается в отношении человека к самому себе и в его отношении к другим людям, а потому характеризуется не только такими добродетелями, как величие души, мужество и

следовательно, моральным, не может быть совершен из частных, партикулярных оснований, например из личного интереса, каприза, влечения, страсти и т.п. Все, что связано с эмпирической природой человека и обстоятельствами его жизни, не определяет его сути как морального существа. Поступать свободно — значит неизменно следовать только такой максиме, которую человек мог бы избрать в качестве всеобщего закона, отвлекаясь от всего, что последний внешним образом обуславливает. Однако свобода разумного существа проявляется не просто в подчинении всеобщему практическому закону, а только когда человек может рассматривать себя как автора этого закона. Такое возможно, если его воля становится единственным источником максим и в буквальном смысле слова «верховой законодательницей», не зависящей ни от каких приводящих оснований. Принцип самозаконотворчества, или автономии воли, Кант сформулировал в третьей формуле категорического императива, согласно которой «воля должна быть не просто подчинена закону, а подчинена ему так, чтобы она рассматривалась также как самой себе законодательствующая (творцом которого она может считать самое себя)» [Кант, 1965в: 273]. Более того, разумное существо только тем законам и может подчиняться, «которые оно (само или по крайней мере совместно с другими) себе устанавливает» [Кант, 1965б: 132]. Оно не может слепо подчиняться законам (приказам, указаниям, распоряжениям), исходящим от других людей. Предпосылкой принципа автономии выступает принцип человечности — вторая формула категорического императива, запрещающая относиться к человечеству как в своем лице, так и в лице всякого другого только как к средству и предписывающая относиться к нему как к цели [Кант, 1965в: 270]. Именно в силу того, что человек как разумное существо обладает безусловной ценностью, целью самой по себе, он должен рассматривать себя в качестве всеобще-законодательствующего.

Принципу автономии И. Кант противопоставляет принцип гетерономии, которая, по точному выражению Э. Соловьева, характеризуется терминами «чужемотивность» и «чужезаконность» [Соловьев, 2005: 114]. Гетерономность как «чужемотивность» проявляется в том, что человек совершает поступок не ради очевидного смысла, а исходя из внешних соображений (разного рода склонностей). Для иллюстрации «чужемотивного» поступка Соловьев обращается к Кантовому примеру благодетеля, который благодетельствует не из чувства долга и сострадания, а из страха наказания или ради одобрения окружающих. «Чужезаконность» характеризует поступки, совершенные «по чужому распоряжению, указанию или приказу»; в их основе лежит убеждение в невозможности существования каких-либо надежных императивов,

Канта также выражена в понятии добродетели как твердости воли в исполнении долга, или морального закона [см.: Кант, 1966: 341]. Твердость воли означает в данном случае решимость следовать своему нравственному самоопределению. Она предполагает исполнение положительного предписания и соблюдение запрета. Предписание вменяет человеку подчинять самому себе (своему разуму) все способности и склонности. Запрет не позволяет ему дать чувствам и склонностям господствовать над собой (своим разумом) [см.: Кант, 1965б: 344]. Добродетель, замечает Кант, «всегда находится в состоянии поступательного движения» и одновременно «всегда начинает сначала» [там же: 345]. Первое связано с тем, что с объективной точки зрения добродетель есть идеал, потому она недостижима и к ней надо непрерывно стремиться. В качестве идеала добродетель задает перспективу и в этой перспективе — единство существования человека. Второе обусловлено тем, что человек всегда находится под влиянием самых разнообразных склонностей, которые добродетель не может постоянно не обуздывать — «если она не движется вверх, она неотвратимо гаснет» [см.: там же]. Добродетель как твердость и решимость воли в исполнении долга непрерывно возвращает человека к самому себе, к своей личности, к сохранению своего Я в каждом поступке, принуждая его на протяжении жизни быть верным самому себе, то есть своему предназначению быть свободным.

Примечательно, что проблематика идентичности личности, связанная с определением моральной личности и критериев сохранения ее в этом качестве во времени, вычитывается у Канта, однако сам он обсуждает ее на другом языке — языке морали. Вместо вопроса о моральной идентичности Кант ставит вопрос о том, каковы условия моральности человека, в чем она состоит и как осуществляется. И если признать, что понятие идентичности является инструментальным, заданным теорией для решения определенных исследовательских задач, то важно разобраться, какие особые задачи могут быть решены с помощью именно этого понятия в моральной философии. Ответ на этот вопрос стремится дать К. Корсгаард [Korsgaard, 1989: 26].

В полемике с Д. Парфитом, утверждавшим, что понятие идентичности не имеет значения для сохранения личности во времени, К. Корсгард указывает, что для оценки значения понятия идентичности надо сменить теоретическую позицию с метафизической на практическую, то есть начать рассматривать человека в первую очередь как действующего субъекта, и тогда по-другому откроются природа идентичности личности и ее моральные импликации. Идентичность личности в рамках такого подхода определяется как единство субъекта в любой момент времени и как единство

понятия морали. Невозможно осознать роль понятия идентичности в осмыслении моральных проблем с внешних по отношению к моральной философии позиций в том смысле, что за ними не предполагается никакой концепции морали, даже если функцию этической перспективы выполняют интуитивные представления о морали теоретиков идентичности (как это часто бывает). Проблематика моральной идентичности должна разрабатываться на основе моральной философии, на языке моральной философии и с учетом всей полноты морального опыта. Попытки выстраивания идеи моральной идентичности в рамках понятия идентичности вообще, какими бы логичным они ни казались, вряд ли имеют какой-либо смысл. Морально-философский дискурс идентичности сосредоточен не на личности как таковой, а на моральной личности, или моральном субъекте как авторе суждений и поступков. И стало быть, вопрос об идентичности в моральной философии — это вопрос о том, что значит быть моральным субъектом в отношении к самому себе, другим и миру ценностей, которые, собственно, и задают пространство морали.

О.В. Артемьева
Проблема
моральной
идентичности

The Problem of Moral Identity

Olga V. Artemyeva

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of Ethics Department.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-8266-8730

o_artemyeva@mail.ru

Abstract. The concept of personal identity is now the focus of a wide variety of studies. In modern philosophy, the analysis of personal identity is addressed in connection with the consideration of problems in philosophy of consciousness, as well as ontological, epistemological, aesthetic, ethical, etc. problems. When applied to ethics, the concept of personal identity is usually explored in connection with the analysis of moral responsibility, as well as bioethical problems. Contemporary approaches to the concept of identity in the field of morality differ in that they are limited to transferring concepts of identity developed within the framework of various “metaphysical” approaches to the notions of morality (intuitive and non-conceptualized). The difficulties of this approach, which some authors recognize as failures, are due to the lack of ethical contextualization of the concept of personal identity. In order to understand how a personal identity is related to certain moral concerns and problems, it is necessary to fit the Self (like all these concerns and problems) into the concept of morality and discuss rather the very concept of moral identity as a concept set by ethics, than the various concepts of personal identity developed in a nonethical context, in their relation to ethics. Analysis of ethical and philosophical approaches to

- Kant I. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.], ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman. Vol. 4, Pt 2. Moscow: Mysl' Publ., 1965b. P. 107–438.
- Кант И. Основы метафизики нравственности / пер. с нем. Л.Д.Б. под ред. В.М. Хвостова // *Кант И. Собр. соч.:* в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965в. С. 219–310.
- Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals], transl. from Germ. by L.D.B., ed. by V.M. Khvostov. Kant I. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.], ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman. Vol. 4, Pt 1. Moscow: Mysl' Publ., 1965c. P. 219–310.
- Логоinov Е.В., Мерцалов А.В., Салин А.С. и др. Прологомены к проблеме тождества личности // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 6–40.
- Loginov E.V., Mertsalov A.V., Salin A.S. et al. Prolegomeny k probleme tozhdestva lichnosti [Prolegomena to the Problem of the Personal Identity]. *Finikovyi kompot*. 2018. N 13. P. 6–40.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А.Н. Савина // *Локк Дж. Соч.:* в 3 т. / общ. ред. И.С. Нарского, А.Л. Субботина. Т. 1. М.: Мысль, 1985.
- Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding], transl. from Engl. by A.N. Savin. Locke J. *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vol.], ed. by I.S. Narskii, A.L. Subbotin. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1985.
- Платон. Федон / пер. с древнегреч. С.П. Маркиша // *Платон. Собр. соч.:* в 3 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.
- Plato. *Fedon* [Phaedo], transl. from Ancient Greek by S.P. Markish. Plato. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vol.], ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1993. P. 7–80.
- Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008.
- Ricoeur P. *Ya-sam kak drugoi* [Oneself As Another], transl. from French by B.M. Skuratov. Moscow: Humanitarnaya literatura Publ., 2008.
- Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Solov'ev E.Yu. *Kategoricheskii imperativ npravstvennosti i prava* [Categorical Imperative of Morality and Law]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005.
- Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. с лат. Ф. Петровского. М.: Худож. лит., 1983.
- Titus Lucretius Carus. *O prirode veshchei* [On the Nature of Things], transl. from Latin by F. Petrovkii. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1983.
- Юм Д. Скептик / пер. А.Н. Чанышева // *Юм Д. Соч.:* в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1996а. С. 578–598.
- Hume D. *Skeptik* [Sceptic], transl. from Engl. by A.Y. Chanyshv. Hume D. *Sochineniya: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vol.], 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1996a. P. 578–598.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели // *Юм Д. Соч.:* в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Мысль, 1996б. С. 53–656.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S0236200724020025

©2024 В.В. РОСТОВЦЕВА

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБЗОР

Ростовцева Виктория Викторовна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека.

Институт этнологии и антропологии РАН.

Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, д. 32а.

ORCID: 0000-0002-1846-9865

victoria.v.rostovtseva@gmail.com

Аннотация. В статье представлен междисциплинарный обзор исследований, посвященных феномену человеческого доверия к окружающим. Доверие является одним из самых многогранных проявлений психологии и поведения человека, понимание которого сложно вместить в какую-либо единую научную парадигму. В работе освещаются различные аспекты проявления доверия человека, а также разные подходы к исследованию этого феномена. Автор рассматривает социокультурные, психологические, этологические и биологические факторы, оказывающие влияние на формирование предрасположенности доверять окружающим. Особое место в работе уделено доверию к незнакомцам и механизмам, отвечающим за его реализацию. Феномен доверия представлен в эволюционном ракурсе, в качестве одной из основополагающих составляющих кооперативного поведения человека.

Статья опубликована в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

пластичностью поведения (эусоциальность) [Wilson, Hölldobler, 2005; Suarez, Goodisman, 2021]. Одним из необходимых условий для развития уникальной человеческой кооперативности, несомненно, является способность человека доверять другим людям, в том числе незнакомцам.

Феномен межличностного доверия на сегодняшний день исследуется во множестве научных областей — от социальных наук, психологии и экономики до эволюционных направлений [Купрейченко, 2008; Bateson, 1988; Hardin, 2002; The Oxford Handbook of Social and Political Trust, 2018; Kumar et al., 2020; McLeod, 2021]. В разных дисциплинах доверие рассматривается с разных ракурсов, что отражено в многообразии определений, затрагивающих различные аспекты этого явления [Леонова, 2015]. В поведенческих и эволюционных исследованиях доверие обычно определяется как действие, которое ставит человека в уязвимое положение по отношению к доверенному лицу [Riedl, Javor, 2012]¹. Доверие основано на ожидании проявления взаимности, которая в свою очередь ничем не гарантирована. В данной трактовке доверие тесно связано с надеждой на положительные намерения другого человека и ожиданием взаимной отдачи [Rousseau et al., 1998; Hardin, 2002]. Также оно часто рассматривается в связи с риском, на который человек готов пойти для получения потенциальной взаимной выгоды [Luhmann, 1988]. Однако доверие может выражаться и другим образом. Доверяя, человек может делиться с другим личной информацией без ожиданий какой-либо прямой отдачи либо, наоборот, — доверять сказанному (такое доверие является одним из важнейших аспектов социального научения [Mascaro, Kovács, 2022]).

Основными инструментами эмпирического исследования феномена доверия человека на сегодняшний день являются эксперименты с использованием экономических игр и разнообразные социологические и психологические опросники. Самая известная экспериментальная игра, которая используется во всем мире для измерения индивидуальной предрасположенности доверять окружающим, — игра «Доверие» (*Trust Game*) [Berg et al., 1995] и ее модификации [Автономов, Елизарова, 2016; Cochard et al., 2004; Johnson, Mislin, 2011; Andreozzi et al., 2020; Rostovtseva et al., 2022a]. Игра представляет собой взаимодействие двух игроков:

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

¹ В психологии доверие, как правило, рассматривается не в качестве действия, а в качестве психологического состояния, которое способно вызывать определенные действия либо само являться следствием каких-либо действий или событий [Леонова, 2015; Riedl, Javor, 2012].

присуща устойчивая склонность доверять окружающим. Однако более масштабные кросс-культурные исследования указывают на большую вариабельность межличностного доверия в разных странах. Согласно результатам, полученным в международном проекте World Values Survey [World Values Survey wave 7, 2017–2021], основанном на ответах респондентов из 88 стран мира, уровень доверия к незнакомцам варьировал между странами от 7,8 % (Эквадор) до 75,3 % (Дания). Интересно отметить, что данные, получаемые с помощью опросника в рамках проекта WVS, который проводится периодически, начиная с 1981 года, согласуются с результатами независимых экспериментальных исследований с использованием экономической игры «Доверие», проведенных в тех же странах. Такое соответствие было показано в сравнительной аналитической работе, включившей выборки из 35 стран (более 23 тыс. участников) [Johnson, Mislin, 2012].

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что уровень межличностного доверия весьма пластичен и сильно зависит от средовых факторов, которые посредством каждодневного опыта и социального научения влияют на склонность людей доверять окружающим [Trust and Trustworthiness across Cultures, 2021]. Исследователи обращают внимание и на роль особенностей культуры в формировании склонности к доверию. Еще в 1996 году вышла в свет книга Фрэнсиса Фукуямы, посвященная кросс-культурному анализу, в которой автор рассматривает доверие как основной фактор экономического благосостояния человеческих обществ [Fukuyama, 1996]. Автор предложил классификацию обществ (общества низкого и высокого доверия), основываясь на развитии производственных и финансовых экономических объединений, свойственных для отдельных стран. Превалирование небольших семейных компаний, по мнению автора, свидетельствует о низком уровне доверия в обществе (Тайвань, Гонконг, Италия, Франция), в то время как развитие крупных корпораций говорит о высоком уровне доверия, которое выходит за рамки семейных кругов (США, Япония, Германия). Несмотря на спекулятивность концепции Ф. Фукуямы³, это произведение явилось своего рода отправной точкой в кросс-культурном изучении феномена доверия человека. Было показано, что культурные традиции оказывают глубинное влияние на структуру доверительных отношений. Например,

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

³ В работе Ф. Фукуямы практически не рассматриваются научные исследования доверия как такового, а представляется лишь аналитическая точка зрения автора. Стоит отметить, что эта концепция не нашла эмпирического подтверждения в более поздних исследованиях (см. статистику проекта World Values Survey).

при которой доверие к окружающим подрывалось даже среди родственников, которые нередко оказывались посредниками [ibid.].

Несмотря на многообразие гипотез, вопрос о причинах кросс-культурных различий в уровне доверия к окружающим до сих пор остается открытым и требует более целенаправленных исследований. Весьма интересным представляется то, что уровни доверия в разных странах не коррелируют с уровнями взаимной надежности окружающих, выявленными в этих же странах [Johnson, Mislin, 2012]. Это обстоятельство указывает на значительно более сложные механизмы формирования межличностного доверия в том или ином обществе, нежели просто социо-экономическая обстановка и повседневный опыт. Одним из эволюционных факторов, потенциально влияющих на уровень межличностного доверия в обществе, является этническая гомогенность/гетерогенность социальной среды. Исследования показывают, что родственники, друзья и члены собственной группы обычно вызывают больше доверия, чем незнакомые люди и члены других групп. В мета-аналитической работе, рассматривающей результаты 87 независимых исследований, было установлено, что межличностное доверие отрицательно связано с этнической гетерогенностью социальной среды, что особенно сильно проявлялось, когда этническая неоднородность определялась на локальном уровне (то есть среди непосредственных соседей) [Dinesen et al., 2020]. Этот эффект является прямым отражением феномена парохиализма (внутри-группового фаворитизма), который у человека имеет глубокие эволюционные корни и тесно связан с процессами родственного и группового отбора [Ростовцева, Бутовская, 2018].

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

Внешность и доверие к незнакомцам

Даже в странах, где уровень межличностного доверия достигает очень высоких показателей, люди остаются избирательными при взаимодействии с окружающими. Самым эффективным маркером при выборе партнера, которому человек готов доверять, является репутация, которая позволяет строить доверительные отношения в долгосрочной перспективе. Исследования показывают, что способность различать надежных и ненадежных партнеров, основываясь на их прошлом поведении, и варьировать свое доверие соответствующим образом, развивается у человека еще в детском возрасте (примерно к шести годам) [Rosati et al., 2019]. Однако для использования репутации как маркера надежности необходима информация о прошлом поведении человека, которая не всегда доступна. Взаимодействия с незнакомцами играют

результат, наряду с упоминавшимися выше положительными эффектами этнической гомогенности социальной среды, свидетельствует о важной эволюционной роли внутригрупповых предпочтений в социальных взаимодействиях человека, которая сохраняется и в современных полиэтничных индустриальных обществах.

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

Доверие и невербальная коммуникация

Невербальная коммуникация оказывает сильное влияние практически на все социальные взаимодействия человека [Бутовская, 2004]. Несмотря на то, что невербальная коммуникация проявляется различным образом (выражения лица, жесты, телодвижения, походка, пространственное поведение), на сегодняшний день наибольшее внимание в научной литературе уделено мимическим выражениям как одному из наиболее важных каналов передачи информации невербальным способом. Будучи чрезвычайно важным коммуникативным компонентом, мимика (и ее невербальное вокализированное сопровождение) оказывает большое влияние на психологическое состояние и поведение окружающих людей. Исследования показывают, что позитивные выражения лица (определенные типы улыбок и смеха) способны вызывать ответные эмоциональные реакции и расположение окружающих [Scharlemann et al., 2001; Owren, Bachorowski, 2003; Rychlowska et al., 2017]. Искренняя улыбка является сильным стимулом для положительного эмоционального ответа, вследствие которого происходит возрастание доверия к партнеру, на что указывают результаты многочисленных экспериментальных исследований [Tortosa et al., 2013; Centorrino et al., 2015; Galinsky et al., 2020; Li et al., 2021]. Немного сложнее обстоят дела со смехом. Как известно, человеческий смех связан не только с юмором, но также несет и большую социальную нагрузку — имеет сложную функциональность и проявляется в самых разных социальных ситуациях [Козинцев, 2007; Scott et al., 2014; Neves et al., 2018]. Спонтанный и произвольный смех основаны на разных физиологических и нервных механизмах [Bryant, Aktipis, 2014] и выполняют разные социальные функции. Спонтанный смех в большей степени связан с проявлением радости, он сигнализирует о том, что смеющийся не представляет опасности, что обычно способствует установлению социальных связей и доверительных отношений [Dunbar et al., 2012; Bryant, Aktipis, 2014]. В свою очередь, произвольный смех является сознательным, контролируется механизмами, отвечающими за речь человека, и служит для передачи определенной социальной информации. Как правило, такой смех оказывается

более громким и обладает набором отличительных акустических характеристик [Bryant, Aktipis, 2014; Lavan et al., 2016; Wood et al., 2017]. Произвольный смех может использоваться эгоистичными индивидами («обманщиками») для имитации естественного смеха в различных целях. В одном из недавних экспериментальных исследований было показано, что громкий вокализированный смех в мужских коллективах способствовал установлению доверительных отношений в группе, хотя использовался исключительно «обманщиками», которые активно агитировали членов группы инвестировать в «общее благо», при этом сами (в конфиденциальных условиях) вели себя эгоистично и бесплатно пользовались чужими инвестициями [Rostovtseva et al., 2022c].

Использование невербальных сигналов для распознавания надежности потенциальных партнеров является неотъемлемой частью коммуникативного процесса у взрослых людей [Oda et al., 2009; Fetchenhauer et al., 2010]. В то же время исследования показывают, что особое внимание к невербальным сигналам не является врожденной особенностью человека, а развивается в ходе онтогенеза. В одном из недавних исследований детям в возрасте 4–6 лет предлагалось найти игрушку, спрятанную в одной из двух коробок. Перед тем, как выбрать место, участники просматривали видеозапись, на которой взрослый произносит вербальную информацию и демонстрирует невербальные сигналы о местонахождении игрушки. Результаты исследования установили, что при несоответствии вербальной и невербальной информации младшие дети следовали вербальным инструкциям, а старшие (шестилетние) предпочитали полагаться на невербальную информацию [Ghossainy et al., 2021]. При этом младшие дети, очевидно, понимали значение невербальных сигналов (в условиях наличия только последних дети всех возрастов использовали их для нахождения игрушки). Полученный результат свидетельствует о том, что человек примерно к шестилетнему возрасту развивает способность опираться на невербальное поведение говорящего при принятии решений о том, доверять ли его словам.

Биология человеческого доверия

В последние десятилетия в литературе стали появляться работы, исследующие феномен человеческого доверия с биологической точки зрения, в таких областях как генетика, эндокринология, нейробиология. Основой для таких исследований послужило как совершенствование технологий, так и растущее число свидетельств того, что индивидуальные различия в поведенческих

предрасположенностях человека отчасти определяются биологическими факторами [Riedl, Javor, 2012]. Исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии выявляют мозговые структуры, которые связаны с проявлением доверия у человека [ibid.]. При этом в работах, использующих разные подходы к измерению уровня доверия (экспериментальная игра «Доверие», реакции на внешность потенциальных партнеров, исследования в торговой сети eBay), выявляется активация одних и тех же областей мозга, что свидетельствует об относительной независимости нейронных коррелятов доверия от конкретного контекста.

На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что гены оказывают модулирующий эффект на формирование индивидуальных предрасположенностей к доверию. Изучение генетики доверия в настоящее время находится, можно сказать, в зачаточном состоянии. Исследования, проводившиеся на моно- и дизиготных близнецах (монозиготные близнецы являются полными генетическими копиями, а дизиготные генетически относятся друг к другу как обычные сиблинги), показали, что предрасположенность к доверию в значительной степени (на 10–20 %) определяется наследственностью [Cesarini et al., 2008; Sturgis et al., 2010]. Однако вопрос о том, какие именно гены (или части генов) отвечают за наследование такой поведенческой особенности, как склонность к доверию, остается малоисследованным. Основное внимание в генетике просоциального поведения обычно уделяется генам рецепторов «социальных» гормонов и нейромедиаторов, таких как окситоцин, вазопрессин, серотонин, а также андрогенам [Бутовская, Ростовцева, 2021]. Несмотря на то, что во множестве исследований были установлены значимые связи полиморфизмов таких генов с альтруистичным поведением и склонностью к кооперации, экстраполяция этих результатов на феномен доверия весьма затруднительна, так как кооперативное поведение и предрасположенность к доверию далеко не одно и то же (наличие доверия к партнеру не обязательно приводит к просоциальному поведению). В свою очередь, работы по изучению связи непосредственно склонности к доверию и полиморфизмов «социальных» гормонов и нейромедиаторов крайне редки, а имеющиеся приходят к противоречивым результатам [Apicella et al., 2010; Krueger et al., 2012; Nishina et al., 2018]. Роль окситоцина, вазопрессина, серотонина, дофамина, кортизола, эстрогенов и андрогенов в проявлении доверия к окружающим на сегодняшний день уже установлена [Riedl, Javor, 2012], однако генетические механизмы, стоящие за этими физиологическими реакциями, еще предстоит выявить в будущем.

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

aspects of human trust, as well as different approaches to the investigation of this phenomenon. The author considers the socio-cultural, psychological, ethological and biological factors that influence predispositions to trust others. A special place in the article is given to trust toward strangers and the mechanisms responsible for its functioning. The article also presents trust from an evolutionary perspective as a fundamental component of human cooperative behavior.

Keywords: trust, trustworthiness, cooperation, human behavior, evolutionary psychology, human face, facial expressions, nonverbal communication, behavioral genetics, Trust Game.

For citation: Rostovtseva V.V. The Phenomenon of Human Trust: an Interdisciplinary Review // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 27–43. DOI: 10.31857/S0236200724020025

Литература/References

Автономов Ю.В., Елизарова Е.Т. Доверие, ожидания и чрезмерный оптимизм: экспериментальное исследование // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. Т. 1, № 29. С. 27–53.

Avtonomov Y.V., Elizarova E.T. Doverie, ozhidaniya i chrezmernyi optimizm: ehksperimental'noe issledovanie [Trust, Expectations and Excessive Optimism: Experimental Study]. *Jurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2016. Vol. 1, N 29. P. 27–53.

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004.

Butovskaya M.L. *Yazyk tela: priroda i kul'tura* [Body language: nature and culture]. Moscow: Nauchnyi Mir Publ., 2004.

Бутовская М.Л., Ростовцева В.В. Эволюция альтруизма и кооперации человека: биосоциальная перспектива. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Butovskaya M.L., Rostovtseva V.V. *Ehvolutsiya al'truizma i kooperatsii cheloveka: biosotsial'naya perspektiva* [Evolution of Human Altruism and Cooperation: Biosocial Perspective]. Moscow: LELAND Publ., 2021.

Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Издательство Алетейя, 2007.

Kozintsev A.G. *Chelovek i smekh* [Man and Laughter]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007.

Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Kupreichenko A.B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of Trust and Distrust]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2008.

Леонова И.Ю. Доверие: понятие, виды и функции // *Вестник Удмуртского университета*. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. № 2. С. 34–41.

Leonova I.Yu. Doverie: ponyatie, vidy i funktsii [Trust: Conception, Types, and Functions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»*. 2015. N 2. P. 34–41.

Ростовцева В. В. Общебиологические основы альтруизма // *Человек*. 2015. № 5. С. 30–42.

В.В. Ростовцева
Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор

- Fukuyama F. *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. New York: Simon and Schuster, 1996.
- Gächter S., Herrmann B., Thöni C. Trust, voluntary cooperation, and socio-economic background: survey and experimental evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2004. Vol. 55(4). P. 505–531.
- Galinsky D.F., Erol E., Atanasova K. et al. Do I trust you when you smile? Effects of sex and emotional expression on facial trustworthiness appraisal. *PLoS One*. 2020. Vol. 15(12). DOI: 10.1371/journal.pone.0243230
- Ghossainy M.E., Al-Shawaf L., Woolley J.D. Epistemic Vigilance in Early Ontogeny: Children's Use of Nonverbal Behavior to Detect Deception. *Evolutionary Psychology*. 2021. Vol. 19(1). DOI: 10.1177/1474704920986860
- Gintis H., Henrich J., Bowles S., Boyd R., Fehr E. Strong reciprocity and the roots of human morality. *Social Justice Research*. 2008. Vol. 21(2). P. 241–253.
- Hamilton W.D. The genetical evolution of social behaviour. II. *Journal of theoretical biology*. 1964. Vol. 7(1). P. 17–52.
- Hardin R. *Trust and trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
- Idemudia E.S., Olawa B.D. Once Bitten, Twice Shy: Trust and Trustworthiness from an African Perspective. *Trust and Trustworthiness across Cultures*, C.T. Kwantes, B.C. Kuo (eds.). Cham: Springer, 2021. P. 33–51.
- Jaeger B., Oud B., Williams T., Krumhuber E.G. et al. Can people detect the trustworthiness of strangers based on their facial appearance? *Evolution and Human Behavior*. 2022. Vol. 43(4). P. 296–303.
- Johnson N.D., Mislin A.A. Trust games: A meta-analysis. *Journal of Economic Psychology*. 2011. Vol. 32(5). P. 865–889.
- Johnson N.D., Mislin A. How much should we trust the World Values Survey trust question? *Economics Letters*. 2012. Vol. 116(2). P. 210–212.
- Kacelnik A. Meanings of rationality. *Rational animals?* S. Hurley, M. Nudds (eds.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. P. 87–106.
- Kartolo A., Kuo B.C. Trust in the Taiwanese Context. *Trust and Trustworthiness across Cultures*. Cham: Springer, 2021. P. 53–69.
- Krueger F., Parasuraman R., Iyengar V. et al. Oxytocin receptor genetic variation promotes human trust behavior. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2012. Vol. 6(4). DOI: 10.3389/fnhum.2012.00004
- Kumar A., Capraro V., Perc M. The evolution of trust and trustworthiness. *Journal of the Royal Society Interface*. 2020. Vol. 17(169). 20200491. DOI: 10.1098/rsif.2020.0491
- Kret M.E., De Dreu C.K. The power of pupil size in establishing trust and reciprocity. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2019. Vol. 148(8). P. 1299–1311.
- Lavan N., Scott S.K., McGettigan C. Laugh like you mean it: Authenticity modulates acoustic, physiological and perceptual properties of laughter. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2016. Vol. 40(2). P. 133–149.
- Li Y., Chen Z., Liu X., Qi Y. Perceiving the facial trustworthiness: Facial age, emotional expression, and attractiveness. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2021. Vol. 75(5). P. 818–829.
- Liu L., Chen X. Conditional investment strategy in evolutionary trust games with repeated group interactions. *Information Sciences*. 2022. Vol. 609. P. 1694–1705.

В.В. Ростовцева
Феномен чело-
веческого до-
верия: междис-
циплинарный
обзор

- Scharlemann J.P., Eckel C.C., Kacelnik A., Wilson R.K. The value of a smile: Game theory with a human face. *Journal of Economic Psychology*. 2001. Vol. 22(5). P. 617–640.
- Scott S.K., Lavan N., Chen S., McGettigan C. The social life of laughter. *Trends in Cognitive Sciences*. 2014. Vol. 18(12). P. 618–620.
- Shinada M., Yamagishi T. Physical attractiveness and cooperation in a prisoner's dilemma game. *Evolution and Human Behavior*. 2014. Vol. 35(6). P. 451–455.
- Sturgis P., Read S., Hatemi P.K., Zhu G. et al. A genetic basis for social trust? *Political Behavior*. 2010. Vol. 32(2). P. 205–230.
- Suarez A.V., Goodisman M.A.D. Non-kin Cooperation in Ants. *Frontiers in Ecology and Evolution*. 2021. Vol. 9. DOI: 10.3389/fevo.2021.736757
- Takahashi C., Yamagishi T., Tanida S., Kiyonari T., Kanazawa S. Attractiveness and cooperation in social exchange. *Evolutionary Psychology*. 2006. Vol. 4(1). DOI: 10.1177/147470490600400127
- The Oxford Handbook of Social and Political Trust*, E.M. Uslaner (ed.) New York: Oxford University Press, 2018.
- Tognetti A., Berticat C., Raymond M., Faurie C. Is cooperativeness readable in static facial features? An inter-cultural approach. *Evolution and Human Behavior*. 2013. Vol. 34(6). P. 427–432.
- Tortosa M. I., Strizhko T., Capizzi M., Ruz M. Interpersonal effects of emotion in a multi-round Trust Game. *Psicologica: International Journal of Methodology and Experimental Psychology*. 2013. Vol. 34(2). P. 179–198.
- Trust and Trustworthiness across Cultures*, C.T. Kwantes, B.C. Kuo (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2021.
- Verplaetse J., Vanneste S., Braeckman J. You can judge a book by its cover: the sequel.: A kernel of truth in predictive cheating detection. *Evolution and Human Behavior*. 2007. Vol. 28(4). P. 260–271.
- Watanabe S., Kanazawa Y. Trust Building in the Globalizing Workplace of Japan. *Trust and Trustworthiness across Cultures*. Cham: Springer, 2021. P. 139–161.
- Wilson R.K. Trust experiments, trust games, and surveys. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*, E.M. Uslaner (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 279–304.
- Wilson R.K., Eckel C.C. Judging a book by its cover: Beauty and expectations in the trust game. *Political Research Quarterly*. 2006. Vol. 59(2). P. 189–202.
- Wilson R.K., Eckel C.C. Trust and social exchange. *Cambridge handbook of experimental political science*, J.N. Druckman, D.P. Green, J.H. Kuklinski, A. Lupia (eds.). New York: Cambridge University Press, 2011. P. 243–257.
- Wilson E.O., Hölldobler B. Eusociality: origin and consequences. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102(38). P. 13367–13371.
- Wood A., Martin J., Niedenthal P. Towards a social functional account of laughter: Acoustic features convey reward, affiliation, and dominance. *PloS One*. 2017. Vol. 12(8). DOI: 10.1371/journal.pone.0183811
- World Values Survey wave 7 (2017–2021)*. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (date of access: 03.08.2022).
- Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18(2). P. 129–166.

В.В. Ростовцева
Феномен чело-
веческого до-
верия: междис-
циплинарный
обзор

DOI: 10.31857/S0236200724020037

©2024 Л.В. БАЕВА

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СКУЛШУТИНГА И ЕГО МЕДИАТИЗАЦИИ С ПОЗИЦИИ ЦИФРОВОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Баева Людмила Владимировна — доктор философских наук, профессор, проректор по научной деятельности и приоритетным проектам, профессор кафедры философии, культурологии и социологии.

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева.

Российская Федерация, 414056 Астрахань, ул. Татищева, д. 20 А.

ORCID 0000-0003-0439-525X

baevaludmila@mail.ru

Аннотация. Острота проблемы скулшутинга (массовых нападений в учебных заведениях с использованием оружия) обусловлена его вирусным продвижением по странам мира и трагичностью вызываемых последствий. Изучение этого феномена находится на фронтире социальных, психологических, информационных, философских, правовых исследований. Это обусловило междисциплинарный подход к его изучению, сочетающий возможности case-study и цифровой гуманитаристики с применением data-анализа, которые применяются в данной работе. Целью исследования является выявление факторов продвижения скулшутинга в медиасреде и осмысление комплекса запускающих его внешних и внутренних причин. Объектом исследования стали эпизоды скулшутинга, совершенные в 2023 году, включая нападения в США, России и Чехии. Раскрывается специфика и сходные черты совершенных

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00765, <https://rscf.ru/project/23-28-00765/>.

нападений в учебных заведениях, проведен анализ их освещения в медиасреде и реакций на совершенные преступления аудитории. Впервые представлен компаративный анализ кейсов скулшутинга как экзистенциального преступления-манифестации личности и вызываемого им медиа-эффекта, способного вызвать «вирусное» подражание и распространение. Результаты исследования могут быть применимы не только в теоретическом аспекте в философско-антропологических, социальных и медиа-исследованиях, но и в практической сфере для педагогов, психологов, специалистов по работе с молодежью.

Ключевые слова: массовые расстрелы (стрельба) в учебных заведениях, скулшутинг, Колумбайн, экзистенциальное преступление, травля, брянский расстрел, пражский расстрел, суицид, медиа-эффект, вирусное подражание.

Ссылка для цитирования: Баева Л.В. Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 44–68. DOI: 10.31857/S0236200724020037

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

Исследование массовых преступлений в учебных заведениях получает все большую актуальность на фоне совершения новых трагических событий 2023 года как в России, так и в мире. Нападения в школах, колледжах и вузах с применением огнестрельного оружия подростками и молодыми людьми (скулшутинг) стало одним из наиболее резонансных и труднопрогнозируемых преступлений, имеющих различные источники, но похожий сценарий совершения и мощный последующий вирусный эффект, вызывающий подражание. В декабре 2023 года были совершены расстрелы в университете США, в российской школе в Брянске и в Карловом университете в столице Чехии Праге, в начале января произошло вооруженное нападение в школе Перри в штате Айова в США. Все эти преступления имели собственные мотивы, были совершены в разных социокультурных пространствах и различными по своим параметрам людьми (68-летним преподавателем, 14-летней восьмиклассницей, 24-летним студентом, 17-летним школьником). В тоже время их объединяет, помимо временных рамок, мотивы ненависти, возмездия и похожие способы их выражения.

Объектом нашего исследования являются совершенные в течение декабря 2023 года — января 2024 года вооруженные нападения в учебных заведениях, а целью — выявление общих и специфических черт совершенных преступлений в контексте вызванно-го этими преступлениями освещения в медиа.

Методология и методы исследования

Методология исследования обусловлена применением экзистенциально-аксиологического подхода, разрабатываемого нами на протяжении ряда лет. Скулшутинг рассматривается нами как экзистенциальное преступление, связанное с неспособностью личности противостоять внешним вызовам и внутренней дисфункцией в формировании ценностей и смыслов существования [Баева, 2023]. В наших исследованиях мы развиваем экзистенциальный подход к пониманию скулшутинга, оценивая его как манифестацию деструктивности личности и радикальную форму отрицания ею существующих ценностей, смыслов, социальных и моральных принципов и запретов. Основой для этого отрицания выступают неспособность выработать позитивные смыслы существования и ненависть к окружающим, порожденная, как правило, явными или скрытыми конфликтами, неудовлетворенностью собственным существованием и местом в социуме, стремление выразить свое Я, быть заметным и исключительным. Экзистенциальные факторы скулшутинга рассматриваются как связанные с неспособностью позитивно ответить на вызовы (смерти, одиночества, несвободы и др.) и сформировать конструктивные смыслы, обрести формы трансценденции в творчестве, коммуникации, познании. На этой почве вырабатывается стремление обрести мнимые свободу и бессмертие через деструктивный акт. Характерно, что сами нападавшие позиционируют свой поступок как вызов обществу, протест, поступок, способный изменить мир. Однако этот протест происходит на фоне несформированности либо отрицания нравственных императивов, когда самовозвеличение становится основанием для отрицания ценности Другого. Экзистенциально-аксиологический подход не отвергает и роли иных факторов, влияющих на совершение преступления: психологических, возрастных, социальных, информационных, каждый из которых усиливается при их конвергенции.

Важную роль в исследовании играет коммуникативный подход, с позиции которого общество рассматривается как совокупность коммуникаций [Luhmann, 1996: 257–267], приобретающих в условиях медиасреды новые характеристики. Виртуализация межличностного и глобального коммуникативного пространства формирует условия для симуляции диалога с Другим, масштабирования как позитивного, так и негативного экзистенциального опыта, возрастание роли символического и мультипликационного эффекта.

В работе исследованы совершенные в декабре 2023 — январе 2024 годов акты скулшутинга, а также их информационное

освещение для оценки особенностей медиатизации этого явления и его восприятия аудиторией.

Методы исследования связаны с кейс-анализом и возможностями цифровой гуманитаристики, аналитикой больших данных, полученных на основе программы «Kribum». В работе применяются элементы компаративного анализа и общегуманитарные методы работы с текстами: биографический, идеографический, интерпретация текстовых документов. Применение метода case-study направлено на описание эпизодов скулшутинга, совершенных в близком временном интервале (в течение декабря 2023 года) в различных странах мира, с их последующим компаративным анализом для выявления сходных и уникальных черт. Для анализа мотивов поведения были применены элементы биографического анализа на основе изучения данных о личности стрелков из открытых источников в русскоязычном, англоязычном и чешском сегментах Интернета.

В исследовании медиатизации скулшутинга были использованы методы машинного анализа текста из социальных сетей и сообществ. В качестве исходных данных выступили датасеты сообщений и комментариев из новостных СМИ, социальных сетей, мессенджеров за определенный период. Среди набора данных были изучены уникальные тексты постов в новостных сообщениях и тексты комментариев к ним, проверенные на релевантность и прошедшие очистку. Машинный анализ социальных медиа и новостных ресурсов был дополнен анализом частотности и направленности новостных сообщений в интернет-СМИ по странам, где были совершены акты скулшутинга (США, Россия, Чехия). Применение этих методов позволило связать в единую систему нападения в различных странах, показать их идейно-смысловую связь, экзистенциальный характер преступлений и охарактеризовать информационные потоки, формирующие отношение к ним аудитории.

Исследование проблемы скулшутинга в научных подходах

Обзор источников по теме скулшутинга показывает, что специалистами исследовались разнообразные факторы совершения этих преступлений, такие как психологический, физиологический, правовой, социальный, информационный и др. Важную роль для компаративных исследований школьных расстрелов играет создание информационных ресурсов, аккумулирующих информацию об этих преступлениях. Такой ресурс — «School Shooters.info»

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

степень заинтересованности аудитории этой темой и анализируют потенциальные риски, связанные с продвижением и распространением медиаконтента, связанного с идеологией колумбайна [Гриненко, Ромеро Рейес, 2021].

Социологические аспекты скулшутинга исследуются в трудах А.Ю. Карповой и Н.Г. Максимовой, которые изучают его социальные детерминанты и связи скулшутеров и вовлеченность стрелков в сообщества деструктивной направленности [Карпова, Максимова, 2021]. Правовой, криминологический подход к проблеме скулшутинга раскрываются в работах Ю.В. Суходольской [Суходольская, 2019], А.С. Чунина [Чунин, 2020], К.Б. Ваняна [Ванян, 2020] и др., в работах которых изучены возможности и ограничения современного законодательства. Особое внимание при изучении расстрелов в школах исследователи уделяют росту оборота оружия, вопросам его доступности для подростков и детей [Мосечкин, 2019]. В США, где в ряде штатов продажа оружия является легальной, эта тема звучит особенно остро, вызывая публичные дискуссии об отмене подобных прав.

Экзистенциальные факторы скулшутинга исследуются через анализ смысловой направленности этого вида бунта против социума на фоне возвеличения значимости собственной личности. Этот подход представлен в работах Б. Пфайфер [Pfeifer, 2014], Н.Д. Узлова и М.Н. Семеновой [Узлов, Семенова, 2017]. Противодействие скулшутингу с позиции этого подхода связано с выявлением кризисных состояний личности, отрицающих ценность своего существования и жизни других людей и практиками логотерапии по формированию положительной мотивации и смыслов.

Опираясь на многочисленные предшествующие исследования нами будет представлено аналитическое изучение случаев школьной стрельбы 2023 года на основе применения case-study, машинного анализа больших данных и компаративного метода. Это позволит выявить особенности и общие черты произошедших эпизодов, определить их медиа-эффект и «вирусный» потенциал.

Кейс 1. «Расстрел в университете Невады в Лас-Вегасе»

Нами были отобраны случаи скулшутинга, произошедшие в декабре 2023 года, вызвавшие широкий резонанс и медиа-эффект. Первый из них произошел в США 6 декабря недалеко от Лас-Вегаса в университете Невады, где были убиты 3 человека и еще 3 ранены. Это один из множества расстрелов в США, где за прошедший год произошло рекордное количество нападений

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

О личности нападавшего информация была представлена кратко: отмечалось, что это профессор 67 лет, и что его принадлежность к данному университету не подтверждена [Miller, Mossburg, Smart, Romine, 2023].

По данным агентства USA Today, 7 октября была дана информация о стрелявшем с указанием его имени (Энтони П.); уточнялось, что он имел при себе список людей, по которым планировал стрелять (хотя убитые ему не соответствовали), а также то, что он до этого безрезультатно искал работу в университетах. Стрелок был преподавателем менеджмента с двадцатилетним стажем работы в различных колледжах и университетах, обладателем докторской степени.

Англоязычными новостными агентствами, сообществами и авторами было представлено более 8 млн сообщений по запросу о массовой стрельбе в университете в Лас-Вегасе в декабре 2023 года. В российском сегменте по этому запросу сформировано 10,5 тысяч сообщений, причем большая часть — отсылки к бойне 2017 года. Эта новость не вызвала значительного обсуждения в России, так как на следующий день произошел расстрел в гимназии в Брянске, получивший массовое освещение. В США сообщение вызвало виток новых обсуждений по поводу оружия, в частности, Национальная организация по борьбе с насилием «Брэдли» (США), отмечала, что «в Америке детей расстреливают с угрожающей скоростью, и огнестрельное оружие теперь является причиной смерти номер один для наших детей» и что это требует пересмотра норм в отношении доступности оружия [Brawn, 2023]. Количество нападений с огнестрельным оружием в США в 2023 году было рекордным, в результате за год было убито 197 человек [The Washington Post, 2023].

Анализ этого кейса позволяет сделать следующие выводы:

- скандал в университете Невады стал типичным для США, где сочетаются доступность оружия и высокая степень «вирусного эффекта» подобных преступлений;

- расстрел в Неваде имел близкие совпадения с другими преступлениями по времени и по месту (за день до этого произошел расстрел в Техасе; в Лас-Вегасе за 6 лет до этого был совершен самый массовый расстрел в США);

- подверженность воздействию от информации о совершенных массовых нападениях может быть характерной не только для подростков и молодежи, но для людей пожилого возраста;

- расстрел в университете Невады стал исключительным, поскольку был совершен профессором университета, имевшим значительный педагогический опыт, что выступает предельным уровнем агрессии и дисфункции с профессиональной позиции;

Л.В. Баева

Анализ феномена скандала в университете Невады и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

защиты прав детей [Мухина, 2023]. Версия травли в школе со стороны одноклассников остается одной из наиболее вероятных, но следствие еще не вынесло официального заключения.

Нападение 14-летней школьницы в брянской гимназии было, как и многие подобные нападения, детально продуманным, неимпульсивным, подготовленным с опорой на материалы из Интернета. Девушка оказалась не способна разрешить копившиеся психологические и коммуникативные проблемы с окружающими, хотя при этом она не испытывала полного одиночества. Следует отметить, что наличие брата или сестры у нападавших и в других случаях не являлось сдерживающим фактором, для них наиболее важным была отчужденность от внешнего социума, который играл более весомую роль для их социального благополучия. Нападавшая не имела психических расстройств, обладала возможностью выбора действий, однако, предпочла суицид и убийство иным вариантам реагирования на сложившийся экзистенциальный кризис. Неспособность к осознанию ценности жизни, как своей, так и другого, отсутствие доверия, открытости, поддержки во многом стали источниками деструктивного и саморазрушительного поступка.

Стрельба в брянской гимназии в тот же день получила освещение в СМИ и Интернет, хотя были приняты меры для ограничения потока информации, в том числе в российских новостных каналах не разглашалась фамилия девушки. Отметим, что в англоязычных источниках уже 7 декабря были названы фамилия и имя девушки, совершивший расстрел в Брянске.

Для оценки уровня медийной активности по освещению расстрела и реакции аудитории нами был использован сетевой анализ, основой которого стали методы машинного анализа текста из социальных сетей и сообществ. В качестве исходных данных выступили датасеты сообщений и комментариев из новостных СМИ, социальных сетей, мессенджеров, за период с 7 декабря 2023 года по 14 декабря 2023 года. Были исследованы два набора данных: тексты постов в новостных сообщениях и тексты комментариев к ним. Нерелевантные сообщения, не относящиеся к исследуемой тематической категории, были исключены в процессе очистки, сохранены только уникальные тексты. Набор данных составил 2460 сообщений, структурированных в формате Excel. Среди них 1796 авторских сообщений из соцсетей, 506 — мессенджеров, 28 — блогов, 386 — видеохостингов. Общее количество подписчиков из всех источников — 20 326 565. Наибольшее количество сообщений зафиксировано 7 декабря 2003, созданных 1471 автором (табл.1).

Л.В. Баева

Анализ феномена
на скулшутинга
и его медиатизации с
позиции цифровой
гуманитаристики

Сущности для анализа содержали следующие атрибуты: динамика количества сообщений, источников и численности аудитории; типы платформ, платформы в динамике, типы сообщений, типы сообщений в динамике, типы авторов, гендерная принадлежность авторов, возраст авторов, рейтинг платформ, тональность, рейтинг авторов, рейтинг событий, семантика.

Сообщения о расстреле в Брянске 7 декабря были переданы всеми основными новостными агентствами, распространились в соцсетях и мессенджерах. Основным каналом передачи неофициальной информации стали соцсеть ВКонтакте (более 1500 сообщений, более 20 тысяч репостов и более 2 миллионов просмотров), мессенджер Telegram (более 500 сообщений, около 650 тысяч просмотров), при этом Tik Tok показывают значительную аудиторию просмотров и высокую вовлеченность в обсуждение (табл. 2).

Авторы большинства сообщений находятся в среднем возрасте 35-44 лет (34,6%), более 55 лет (25%) и 45-54 лет (19%). Судя по возрастной границе, это родители и педагоги, которых эта тема затронула в наибольшей степени (Таблица 3). Тональность всех сообщений квалифицирована как нейтральная. Что касается комментариев, то в них главным образом отмечается негативная реакция, хотя также присутствуют сообщения, в которых высказываются позиции о том, что подростки доведены до суицида и агрессии буллингом, который является главной проблемой, требующей решения.

С помощью программы «Kribgum» был проведен анализ и составлен рейтинг событий, связанных с брянским расстрелом. На первое место вышло сообщение о том, что учитель закрыла собой детей от пуль, получившее наибольшее количество одобрений («лайков») (табл. 4).

Таблица 4.

События	Лайки
Во время стрельбы в школе Брянска 26-летняя учительница закрывала собой детей от пуль	1 609
В Брянске 14-летняя ученица гимназии устроила стрельбу на уроке биологии	875
Стрельба в школе: Два человека погибли и четверо получили ранения в Брянске	674
26-летняя учительница при стрельбе в брянской гимназии закрывала собой школьников от пуль	412
26-летняя учительница закрывала собой детей от пуль во время стрельбы в Брянске	346

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

Обсуждение темы нападения в школах выступило источником и новых форм информационной войны, так, например, в родительских чатах и телеграм-каналах в Астрахани в декабре 2023 года был осуществлен вброс информации о намерении совершить расстрел в одной из школ (не называлось место, но был указан день). В течение суток в городских СМИ появилось сообщение, что это информационный «фейк», и его источники были закрыты. Известно, что большинство подростков накануне нападения в учебных заведениях оставляли предупредительные сигналы (на которые не было должной реакции), что было использовано в данном случае в качестве инструмента дестабилизации обстановки в школах, порождения устрашения, создание хаоса. В то же время отличить фейк от предупредительного знака может только специалист, поэтому для выявления истинных причин и источников такой информации необходимо оперативное обращение к ответственным за безопасность в организациях.

Кейс событий в брянской гимназии показал следующее:

- девушки, как и юноши, имеют деструктивный и саморазрушительный потенциал и способны реализовать его в актах скулшутинга, что необходимо учитывать в работе психологов и педагогов;
- нападавшая не делала предупредительных знаков, как в других случаях нападения;
- школьная система оповещения и охраны не сработала, чтобы защитить людей в момент нападения;
- возможность получить доступ к оружию в собственном доме у подростка — прямая угроза безопасности;
- травля является наиболее часто упоминаемым мотивом нападения;
- информация о нападении наиболее активно распространялась в социальной сети ВКонтакте;
- основная аудитория, вовлеченная в обсуждение нападения, относится к возрасту более 35 лет (предположительно родители и педагоги);
- среди реакций значительно преобладали одобрения действий учителя, закрывавшего собой детей;
- мировые СМИ более активно освещали новость, чем российские;
- в сообщениях мировых СМИ прослеживается политизированная реакция;
- школьные стрельбы и сообщения о них становятся инструментом новых форм информационной войны против России.

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

Кейс 3. «Стрельба в Праге»

Декабрь 2023 года стал трагическим и для чешского университета в Праге, где 21 декабря 24-летний студент-историк из Карлова

Таблица 5. Распределение сообщений, подписчиков, вовлеченности и иных показателей по типам платформ

Типы платформ	Сообщения	Подписчики	Авторы	Просмотры	Вовлеченность	Лайки	Репосты	Комментарии	Индекс
Социальные сети	36,81%	8,53%	41,68%	6,08%	73,65%	69,12%	90,32%	91,67%	20,37%
Мессенджеры	60,91%	91,04%	55,96%	93,91%	10,55%	10,98%	9,68%	6,25%	79,24%
Блоги	1,66%	0%	1,59%	0%	0%	0%	0%	0%	0,26%
Видеохостинги	0,62%	0,43%	0,77%	0,00%	15,80%	19,90%	0%	2,08%	0,13%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 6. Распределение сообщений, подписчиков, вовлеченности и иных показателей по возрастам авторов

Возраст авторов	Сообщения	Подписчики	Авторы	Просмотры	Вовлеченность	Лайки	Репосты	Комментарии	Индекс
18 - 24 лет	3,95%	0,49%	4,84%	0,12%	1,69%	1,96%	0%	0%	1,68%
25 - 34 лет	17,11%	9,07%	17,74%	1,85%	1,69%	1,96%	0%	0%	8,38%
35 - 44 лет	18,42%	32,57%	17,74%	24,99%	33,90%	37,25%	0%	16,67%	35,75%
45 - 54 лет	17,11%	35,33%	19,35%	39,39%	42,37%	39,22%	0%	83,33%	35,75%
55 и старше	43,42%	22,53%	40,32%	33,66%	20,34%	19,61%	100%	0%	18,44%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Л.В. Баева
 Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

установленных фактов о том, что чешский стрелок знал русский язык и вел телеграм-канал по-русски, представлено так и не было. Особенно активно влияние брянских событий на чешские преступления демонстрировали польские и украинские источники.

Особое внимание следует обратить на последующую реакцию чешской аудитории на нападения в университете и предшествующие расстрелы. По данным чешской полиции, после теракта были выявлены многочисленные случаи одобрения действий боевика. По данным на 8 января 2024 января было начато следствие в отношении 156 случаев, связанных с одобрением стрельбы в пражском университете и угрозами ее повторения. Было заведено 88 уголовных дел, против двух подозреваемых выдвинуты обвинения, сообщает чешский источник [ТАСС, 2023]. При этом первые случаи одобрения датируются 28 декабря 2023 года, 31 случай одобрения действий нападавшего преступника был выявлен в Праге, трое авторов постов были направлены на принудительное обследование к психиатрам. В отношении 4 человек выдвинуты уголовные дела по подстрекательству к совершению преступления и публичному одобрению преступления (с наказанием до года лишения свободы). Подобная реакция молодежных сообществ и психически нестабильных людей, с одной стороны, является типичной, поскольку каждое из преступлений и суицидов способно порождать «вирусный эффект», однако таких массовых открытых проявлений это, как правило, не имеет, а носит более закрытые формы.

Взаимосвязь нападений в Брянске и в Праге нуждается в проверке, однако предварительные выводы показывают, что одно событие могло послужить фактором второго. Напомним, что нападение в брянской гимназии вызвало больше сообщений в англоязычном интернете по сравнению с российским сегментом, в том числе в странах, где до этого не было зафиксировано ни одного подобного эпизода. На фоне того, что внимание всего мира приковано в настоящее время к России, многие новости о внутренней ситуации в стране становятся инструментом для продвижения политических идей в международной сфере, в том числе с целями дестабилизации общества или подрыва авторитета власти.

Отметим, что расстрел в Праге 21 декабря 2023 года стал приоритетной новостью всех ведущих новостных агентств мира (как национальных, так и многонациональных агрегаторов). Чешский источник от 21 декабря сообщает: «О стрельбе в главном здании факультета искусств Карлова университета в Праге сегодня сообщают все крупнейшие мировые СМИ, в том числе британская публичная компания ВВС и американское новостное телевидение CNN, которые оценили событие как экстраординарную новость. Мировые информационные агентства, такие как Reuters,

Л.В. Баева

Анализ феномена
на скулшутинга
и его медиатизации с
позиции цифровой
гуманитаристики

характеристиками нападавших. В тоже время можно выделить общие параметры и черты этих преступлений:

- все акты совершены на почве ненависти нападавших к окружающим и учебному заведению в целом, а также стремления к смерти как концу переживаемых проблем;

- ненависть связана с неудовлетворенностью собственным положением и неспособностью нахождения конструктивного выхода из кризисной ситуации;

- негативные, деструктивные установки формируются под влиянием внешних и внутренних факторов, в том числе в группе риска находятся лица, высоко подверженные манипуляторному влиянию, со слабой волей, лишённые социальной поддержки в семье и среди сверстников, а также лица, имеющие высокий порог агрессивности поведения и низкий уровень сформированности морального сознания, способность преодолеть «грань» нормы;

- нападения, как правило, имеют рациональную основу, тщательно планируются, являются осознанными поступками, отражающими желание нанести ущерб жизни и здоровью людей;

- совершение суицида во многих случаях сопутствует нападению, являясь одной из основных целей совершивших теракт, что свидетельствует об экзистенциальной кризисной ситуации, из которой человек не видит иных выходов.

Субъекты, совершившие нападения, отличаются по полу, возрасту, социальному положению, принадлежности к социокультурному пространству и традициям, при этом все они были знакомы с аналогичными примерами поведения, обладали доступом к оружию, находились в состоянии ненависти к окружающим, стремились к наказанию их как виновных в своем положении.

Анализ информационного пространства, где освещена проблема скулшутинга, показывает следующее:

- наибольшее внимание аудитории приковано к событию в первый день совершения нападения;

- основными источниками передачи информации о нападениях остаются социальные сети, на втором месте — телеграм-каналы, затем — ТВ и другие источники;

- нападения освещались новостными агентствами всех ведущих стран мира, включая страны, где не было проявлений скулшутинга (как правило, это страны с высоким уровнем контроля за продажей огнестрельного оружия); количество англоязычных сообщений о нападениях преобладает над русскоязычными, даже в освещении нападения в российской школе (Брянск);

- наиболее активной аудиторией, вовлеченной в обсуждение темы после выхода новостей, выступают люди в возрасте более

Л.В. Баева

Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

55 лет; возрастная группа 18-24 лет проявила наименьший интерес к информации о нападениях;

- хроника совершенных нападений в декабре 2023 — январе 2024 годов в мире показывает, что наиболее подверженной этому типу преступлений является система образования в США, где совершены два и четыре нападения в течение месяца. Несмотря на проводимые в школах США тренировки учащихся и педагогов, скоординированность действия полиции и охраны, в стране сохраняется высокий порог преступлений в учебных заведениях как одно из проявлений высокого уровня правонарушений с огнестрельным оружием в целом;

- в России учебные заведения также имеют уязвимости и подвержены нападениям стрелков, что требует разработки программ профилактики и противодействия скулшутингу;

- в Чехии, где ранее не имели место подобные преступления, событие в Карловом университете получило широкий резонанс и вызвало неоднозначную реакцию, а именно, зафиксировано значительное число одобрительных реакций на действия скулшутера;

- информация о школьной стрельбе является значительным источником влияния на общество, с одной стороны мобилизуя силы на бдительность и проверку системы безопасности, а с другой, запуская цепную реакцию новых инцидентов;

- в условиях современной информационной войны тема школьных расстрелов становится одним из инструментов дестабилизации общества.

Выражаем надежду, что информированность специалистов о факторах и формах проявления скулшутинга будет способствовать противодействию этой крайней форме деструктивного и саморазрушительного поведения личности, не способной найти позитивный ответ на вопрос, о том стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой.

Analysis of School Shooting Phenomenon and its Mediatization from the Perspective of Digital Humanitaristics

Liudmila V. Baeva

DSc in Philosophy, Professor, Vice-rector for Research Activities and Priority Projects.

Astrakhan Tatischev State University.

20 A, Tatischeva Str., 414056 Astrakhan, Russian Federation.

ORCID 0000-0003-0439-525X

baevaludmila@mail.ru

Abstract. The severity of the problem of school shooting (mass attacks in educational institutions with the use of weapons) is due to its viral spread in the countries and the tragic consequences caused. The study of this phenomenon is on the frontier of social, psychological, informational, philosophical, legal studies. This has led to an interdisciplinary approach to its study, combining the possibilities of case-study and digital humanitaristics, applying data analysis described in this paper. The aim of the study is to identify the factors of school shooting promotion in the media and to comprehend the complex of external and internal reasons that trigger it. The object of the study is the episodes of school shootings committed in 2023, including attacks in the United States, Russia and the Czech Republic. The specifics and similarities of the attacks committed in educational institutions are revealed, their media coverage and audience reactions to the crimes are analyzed. A comparative analysis of cases of school shooting as an existential crime-manifestation of personality and the media effect caused by it, which can cause “viral” imitation and dissemination, is presented for the first time. The results of the research can be applied not only in theoretical aspect in philosophical-anthropological, social and media studies, but also in practical sphere for teachers, psychologists, specialists in work with youth.

Keywords: mass shootings (shooting) in educational institutions, school shooting, Columbine, existential crime, bullying, Bryansk shootings, Prague shootings, suicide, media effect, viral imitation.

For citation: Baeva L.V. Analysis of School Shooting Phenomenon and its Mediatization from the Perspective of Digital Humanitaristics // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 44–68. DOI: 10.31857/S0236200724020037

Литература/References

- Баева Л.В. Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» // *Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия*. 2023. Т. 27, № 3. С. 774–792.
- Baeva L.V. Ekzistencial'nye istochniki skulshutinga i «kolumbajna» [Existential Sources of Schoolshooting and Columbine]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofiya*. 2023. Vol. 27. N 3. P. 774–792.
- Ванян К. Современные массовики как новое воплощение проблемы преступности на почве маниакальной одержимости // *Вопросы российской юстиции*. 2020. №10. С. 309–324.
- Vanyan K. *Sovremennye massoviki kak novoe voploshchenie problemy prestupnosti na pochve maniakal'noj oderzhimosti* [Modern Mass Media as a New Embodiment of the Problem of Crime Based on Manic Obsession]. *Voprosy rossijskoj yusticii*. 2020. N10. P. 309-324. https://www.novinky.cz/clanek/kriminalu-budove-prazske-fakulty-byl-obrovsky-arzenal-zbrani-a-streliva-0455133#dop_ab_variant=0&dop_source_zone_name=novinky.web.nexttoart (date of access: 21.12.2023).
- Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» // *Психология и право*. 2021. № 4. С. 180–195.

Л.В. Баева
Анализ феномена
на скулшутинга
и его медиатизации с позиции
цифровой
гуманитаристики

- Measures to Overcome]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2019. N 1(131). P. 18–21.
- Суходольская Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования // Вестник науки и образования. 2019. № 6-1. С. 51–53.
- Suhodol'skaya Yu.V. *Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nyh organizacijah kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya* [Mass Murder in Educational Institutions as an Object of Criminological Research]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2019. N 6-1. P. 51–53.
- ТАСС. Полиция Чехии завела 88 уголовных дел, связанных с одобрением стрельбы в Праге. 8 января, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19688289> (дата доступа: 08.12.2023).
- TASS. *Policiya SHekhii zavela 88 ugovolnyh del, svyazannyh s odobreniem strel'by v Prage* [Czech Police Have Opened 88 Criminal Cases Related to the Approval of the Shooting in Prague]. January 8, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19688289> (date of access: 08.12.2023).
- Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор НЦПТИ. 2020. № 3(22). С. 48–52.
- Chunin A.S. *Fenomen skulshutinga v sovremennoj Rossii. Pravovoj aspekt* [The Phenomenon of School Shooting in modern Russia. The Legal aspect]. *Obzor NCPTI*. 2020. N 3(22). P. 48–52.
- Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. № 3(28). С. 40–53.
- Uzlov N.D., Semenova M.N. *Igra, transgressiya i setevoj suicid* [Gaming, Transgression and Online Suicide]. *Suicidologiya*. 2017. N 3(28). P. 40–53.
- About Gun Violence and School Shootings (2012). URL: <https://www.sandyhookpromise.org/blog/gun-violence/16-facts-about-gun-violence-and-school-shootings/> (date of access: 10.01.2024).
- Azərbaycan24.Kremlin comments on Bryansk school shooting. URL: <https://www.azerbaycan24.com/en/kremlin-comments-on-bryansk-school-shooting/> (date of access: 07.12.2023).
- BNN. Tragedy in Bryansk: School Shooting Claims Two Lives, Leaves Five Injured. December 8, 2023. URL: <https://bnnbreaking.com/breaking-news/crime/tragedy-in-bryansk-school-shooting-claims-two-lives-leaves-five-injured/> (date of access: 08.12.2023).
- Brawn K. Brady Responds to Shooting at The University of Nevada, Las Vegas. URL: <https://www.bradyunited.org/press-releases/brady-unlv-shooting> (date of access: 07.12.2023).
- Denik.cz. Co se ví o útočníkovi na fakultě v Praze? Byl to student, měl více zbraní. 27.12.2023. URL: <https://www.denik.cz/krimi/strelba-v-praze-co-vime-o-utocnikovi-20241221.html> (date of access: 27.12.2023).
- The Guardian. Three people killed and one critically wounded in Las Vegas university shooting. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/dec/06/las-vegas-shooting-unlv> (date of access: 07.12.2023).
- Gorman S., Brooks B. Las Vegas campus shooting leaves 4 dead, including suspect. URL: <https://www.reuters.com/world/us/las-vegas-police-say-reports-active-shooter-university-multiple-victims-2023-12-06/> (date of access: 07.12.2023).

Л.В. Баева
Анализ феномена скулшутинга и его медиатизации с позиции цифровой гуманитаристики

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.31857/S0236200724020043

©2024 Д.А. ШЕВЕЛЕВА

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОСТИ: ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

Шевелева Дарья Алексеевна — кандидат философских наук, приглашенный преподаватель. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190121 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
ORCID: 0009-0001-8873-3334
dsheveleva@hse.ru

Аннотация. В статье представлены возможные основания для межкультурного диалога. В связи с поляризацией международных отношений и политической напряженностью рассматривается вопрос о принципиальной возможности оснований для межкультурного диалога в современности. Понятие межкультурного диалога осмысляется как интегративный процесс, основанный на принятии культурных различий. Автор утверждает, что использование современных социологических подходов не всегда применимо в качестве основы для построения диалогических отношений, поскольку такие подходы не отражают культурные особенности отдельных сообществ. Зачастую социологические исследования политизированы, и применяемые в них методы классификаций разных культурных сообществ нуждаются в переосмыслении. Также социологические подходы к взаимодействию разных культурных общностей ориентированы на долгосрочную идеологическую работу, но существующие проблемы показывают, что необходимы быстрые и конструктивные решения. По мнению автора, требуются другие основания для взаимодействия культур и сообществ, более общие и применимые на нынешнем этапе в глобальном транснациональном масштабе. Автор выделяет две

[Аршба, Татунц, 2013]; в странах Кавказа — неприязнь к русским [Paniп, Tikunov, 2015, Трофимов, 2020]; в самой России — это голоса правых русских [Малеко, 2020]; в странах Средней Азии также фиксируются подобные взгляды [Малабаев, 2022; Солиев, 2014]. Можно привести другие многочисленные примеры. Эти тенденции — последствия социально-политических решений, принятых в последние тридцать–пятьдесят лет. Подобные же веяния можно наблюдать и в других регионах, см., например [Farzana, 2021]. Они опасны как сами по себе, так и в совокупности с нынешними сепаратистскими настроениями внутри государств, а также в заявлениях их лидеров. В связи с указанными тенденциями возникают сомнения, является ли провальной сама по себе попытка наладить полноценный межкультурный диалог. Скорее, она дискредитирована недобросовестными научными исследованиями и нестабильной политической ситуацией.

Вопрос о принципиальной возможности позитивного межкультурного взаимодействия, на наш взгляд, следует переформулировать: почему поиски оснований для межкультурного диалога до сих пор безуспешны. Несмотря на то, что написано большое количество теоретических работ по методике и методологии бесконфликтного и конструктивного культурно-социального диалога, см., например [Galtung, 1987], в реальности нет даже межгосударственного нейтралитета. Действенное основание для кросс-культурного взаимодействия предложили Г. Хофстеде и его последователи [Hofstede, 1980], введя типологии культуры применительно к экономическим процессам. Экономические показатели транснациональных компаний показывают, что это на нынешний момент это один из немногих работающих вариантов взаимодействия представителей различных культур. Кроме того, отметим, что экономическое сотрудничество между различными государствами, представляющими разные культуры, носит помимо прочего принципиальный характер поиска собственной идентичности [Reckwitz, 2020]. Мы рассмотрим эту тенденцию подробно ниже.

Таким образом, цель данного исследования — попытаться отыскать основания для возможного межкультурного диалога, весомые в нынешнее время. Задачами данного исследования являются прояснение некоторых методологических аспектов межкультурного диалога, а также предложение конкретных возможных ориентиров для построения поликультурного, и вместе с тем глобалистского мира.

Методология

Само словосочетание «межкультурный диалог» неоднозначно. Диалог предполагает, что все участники равноправны, и что они

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

туризм служит экономическому и в целом социальному развитию стран третьего мира [Marquard, 2001; Smith, 1989; Каган, 2013].

В связи с этим идея интегративного подхода во взаимодействии культур предполагает поиск такого основания, которое бы не зависело от политической конъюнктуры. Но, поскольку межкультурный диалог в современности напрямую обусловлен политическими решениями, а также межгосударственным взаимодействием, вносятся коррективы в использование терминов. Например, не существует чистых ассимиляционных или аккультурационных процессов, они зачастую проводятся под определенными политическими лозунгами. Многие современные социологические исследования тяготеют к одностороннему взгляду на проблему межкультурного взаимодействия. Начиная с 1950-х – 1960-х годов западная цивилизация пытается сглаживать углы, возникающие при межкультурном взаимодействии, она нивелирует тот факт, что межкультурный диалог сам по себе может быть травматичным и не всегда приводит к ожидаемым результатам. Признание неоднозначности и сложности построения межкультурного диалога является важным шагом к пересмотру стереотипов и теоретических установок, которые последние семьдесят лет оказывали влияние на развитие глобального общества.

Критика современной политической социологии

Решения, которые были предложены в условно «западных» концептуальных рамках, показали свою неоднозначность для работы с незападными культурными сообществами, в отношении как трансляции демократических ценностей, так и ценностей христианской культуры. Для конструктивного межкультурного и межгосударственного диалога требуются более широкие интегративные основания, то есть нужны решения, которые подойдут не только «западным» странам, но и странам, идущим не по западному пути развития.

В последние годы неоднозначную и зачастую негативную реакцию вызывают социологические исследования, написанные с позиций критики взаимоотношений «мы — Другой». В качестве примера рассмотрим три работы: Т. Саррацина [Саррацин, 2012], Т. Ванханена [Ванханен, 2014] и Г. Баума [Баум, 2015].

Работа Т. Саррацина «Германия. Самоликвидация» была воспринята крайне негативно в политических кругах Германии, поскольку ей свойственна политическая и социологическая пристрастность. Основная идея работы заключается в том, что при

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

кодификации, и построение конструктивных межкультурных связей сложно основывать на количественных закономерностях. Кроме того, национальные культуры, даже обладая закономерностями в реализуемых социальных практиках, могут эти практики реализовать таким образом, что их трудно корректно подсчитать в условиях ограниченного времени, а межкультурное взаимодействие зачастую требует быстрых решений.

Третья работа, на которую мы хотели бы обратить внимание, — это работа Г. Баума «Спаси права граждан». В ней проводится, как и в предыдущих двух работах, идеализация европейского, западного мировидения. В нынешнюю эпоху, при сохранении реальных террористических угроз, государство боится собственных граждан. И крайне необходимы поддержание и сохранение базовых прав человека: на свободу, независимое волеизъявление и личную неприкосновенность. Баум критикует действия правительства, направленные против личной неприкосновенности. Эта работа также получила неоднозначную оценку, поскольку «личная несвобода», отмеченная автором, определяет нынешнюю жизнь человека. Во многом речь в работе Г. Баума идет именно об отношениях «я — Другой». В ситуации структурного и организованного на государственном уровне недоверия к чужакам, взаимоотношения людей, а также государств между собой будут настроженными.

Обращают на себя внимание два факта: во-первых, все три работы написаны людьми, тесно связанными с европейской политикой, то есть людьми, которые принимали решения на государственном уровне и видят проблемы, связанные с последствиями тех или иных политических решений, связанных с мигрантами в Европе. Во-вторых, эти работы невозможно рассматривать в отрыве от вопросов, возникающих в обществе, в СМИ. Это проблемы отношения к другому, к мигрантам, к террористической угрозе, к туристическому бизнесу, а также в целом к диалогу с другими. Три указанные работы — маркеры времени, они очень хорошо иллюстрируют противодействие политике культурной толерантности, проводимой в европейских и, более широко, в западных странах; при этом они очевидно идеологизированы.

Таким образом, отметим, что слабостью европейских социологических исследований, посвященных межкультурному диалогу и взаимодействию с другими, является ориентация на долгосрочную перспективу, в то время как взаимодействие должно быть достигнуто в минимальные сроки. Еще одним существенным недостатком многих исследований является их политизированность и пристрастность по отношению к другим культурам и культурным общностям.

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

цивилизационно-культурные барьеры между общностями и государствами могут быть если не преодолены, то хотя бы нивелированы в конкретной ситуации. Поиск консенсуса (возможно, с привлечением медиаторов и третьих сторон) по частным вопросам, например, принадлежности территории или использования флага, в большинстве случаев приводит к позитивным результатам. Достижение частных договоренностей видится реальным даже в условиях социальной нестабильности или военных действий. Некоторые примеры показывают, что на интегративном юридическом основании могут быть найдены решения, удовлетворяющие народы, представляющие разные стороны.

По Й. Галтунгу [Galtung, 2009] и Л. Козеру [Козер, 2000], нейтралитет и отсутствие военных действий также могут служить основой для позитивного взаимодействия, понимания другого, а также для принятия его ценностей. Диалог возможно и необходимо начинать, даже если между общностями и государствами нет видимых оснований для культурной интеграции, и в силах участников взаимодействия вести взаимодействие таким образом, чтобы достичь успеха. Такая позиция при первом приближении выглядит идеалистической, а также европоцентристской, но мы знаем по новейшей истории, что объединения стран и общностей, между которыми не было ничего объединяющего, успешно сосуществовали и принимали конструктивные решения. Классическим примером такого вынужденного взаимодействия является кооперация стран в ходе Второй мировой войны, когда был достигнут консенсус по торговому, военному и социальному сотрудничеству между странами-участницами.

Однако военно-политические союзы — неочевидный путь сотрудничества между странами, культурами и цивилизациями. Л. Козер, один из основоположников современной теории конфликта, указывает, что сообщества, созданные во время военных действий для отпора противнику [Козер, 2000], оказываются наиболее слабыми, когда заканчиваются военные действия. Страны с разными культурами могут сотрудничать в рамках гуманитарной или военной помощи, однако окончание активного военного столкновения часто влечет за собой намного более серьезные противоречия, чем были до объединения в союз. Кроме того, иногда страны со слабой военной силой привлекают на свою сторону государства, которым нет нужды участвовать в серьезных столкновениях. В современных условиях возможны коллаборации государств на основе противостояния общему врагу, однако они зачастую носят искусственный конъюнктурный характер и не способствуют конструктивному диалогу между государствами и, шире, культурными общностями. В годы холодной войны были

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

причинами. Он также отмечает, что именно внутри современного общества сингулярностей активизируются процессы, направленные на культурную самоидентификацию, в том числе, наблюдается всплеск националистических, фундаменталистских идей. Однако технологический прорыв стал отправной точкой для современных глобальных экономических трендов, ориентированных на поддержку уникального и единичного, в том числе культурных паттернов и особенностей, в чем мы видим позитивную тенденцию [Reckwitz, 2020].

Большое количество работ опубликовано в контексте управления транснациональными компаниями. Начало этим исследованиям положили труды Г. Хофстеде [Hofstede, 1980], и в наше время продолжаются многочисленные исследования по кросс-культурным коммуникациям в сфере торговли, логистики и международного менеджмента.

Современное состояние глобальной и региональных экономик таково, что не принимать во внимание участников рынка нельзя, а принимать — значит, в том числе, принимать их религиозно-культурные особенности, а также политическую «проблемность» с точки зрения мирового сообщества. Этот фактор влияет на позитивное и конструктивное восприятие любых экономических взаимоотношений. Один из характерных примеров — отношения мировой экономической элиты с арабскими странами-экспортерами углеводородов. Вне зависимости от того, какие религиозные и культурные особенности присущи игрокам на мировом рынке, необходимо с ними сотрудничать. Важно, что экономическое взаимодействие может являться основанием для диалога, даже если сейчас страны ограничиваются только этим взаимодействием, поскольку оно может служить основой для дальнейшего культурного взаимодействия. В качестве еще одного примера можно упомянуть искусственную военизированную коллаборацию России и Ирана в 2022–2023 годах, которая затем переросла в сотрудничество на основе экономических интересов в условиях изоляции двух стран от западных источников экспорта и импорта. Однако она привела к возросшему интересу к стране и арабскому региону. Упомянем также, что концепт «Диалог между цивилизациями» в нынешнем его виде развивается, например, бывшим иранским политическим деятелем, Мохаммедом Хатами².

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

² Khatami Speaks of Dialogue among Civilizations // <http://www.irdiplomacy.ir/en/news/8798/khatami-speaks-of-dialogue-among-civilizations>, дата обращения: 11.09.2023.

экологически-ориентированных отдельных государств. Например, в России эти идеи развиваются внутри проекта построения экологической цивилизации, подобную же тенденцию можно наблюдать в «зеленой экономике» Китая.

Изолированным странам сложно принимать эффективные экологические решения в глобальном масштабе. Совместные усилия в этом направлении так же, как и экономические связи и консенсусы, способны повлиять на принятие и принятие других государств, даже если мировоззренческие и культурные особенности страны не позволили бы этого при обычных условиях. Сейчас становится очевидно, что людям необходимо взаимодействовать, чтобы выжить. В этой связи проблематика устойчивого развития напрямую связана не только с философскими концепциями ноосферы, экофилософии, но и с видовым разнообразием на планете и выживанием человеческого социума.

Можно выделить несколько экологически-обусловленных культурных процессов, происходящих в нынешнее время в глобальном пространстве. Например, опыт построения экологически ответственного государства в Китае в последние годы весьма успешен и перенимается другими государствами. Отношения других стран с глобальными экологическими трендами также привлекают интерес, поскольку активные деятели инвайроментализма выступают от лица не только западных стран. Как академические работы, так и научно-популярные исследования появляются в Индии [Guha, 2006], Китае [Dzikevich, 2021; Wang et al, 2014], арабских странах [Al-Jayyousi, 2012]; эти страны принимают активное участие в экологических конвенциях, например, в начале декабря 2023 года в Арабских эмиратах состоялась конференция “UN Climate Change Conference COP 28”⁴.

Взаимодействие по экологической повестке может являться интегративной платформой для диалога, поскольку предполагает конструктивное взаимодействие, не опирающееся на культурные различия. Интерес к экологическим проблемам, который проявляют промышленные страны с разными религиозно-культурными особенностями, является показательным.

* * *

Современное состояние общества нестабильно и не располагает к диалогу, однако нельзя прекращать поиски возможностей для взаимодействия. В исследованиях современных социологов

⁴ UN Climate Change Conference – United Arab Emirates Nov/Dec 2023 // <https://unfccc.int/cop28>, дата обращения: 06.09.2023.

communities are required, more general and applicable at the current stage on a global transnational scale. The author identifies two main starting points for intercultural dialogue: scientific and environmental cooperation and economic cooperation. Each of these paths has ample opportunities in the modern world for implementation in the field of the global economy or in the field of scientific cooperation and environmental protection. On the basis of transnational economic cooperation, it is possible to find an economic consensus between states which often represents different cultural systems. International scientific and environmental elaborations also serve as a basis for constructive interaction in front of common environmental problems or by qualitatively new scientific developments. The two paths presented are points for formal interaction, which can further be an entry point of an integrative cultural dialogue.

Keywords: intercultural dialogue, economics, ecology, modern society.

For citation: Sheveleva D.A. Problems of intercultural dialogue in modern society: finding solutions // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 69–86. DOI: 10.31857/S0236200724020043

Литература/References

Аршба О.И., Татунц С.А. Особенности правого радикализма в европейских странах // Государственная служба. 2013. № 4(84). С. 98–101.

Arshba O.I., Tatunts S.A. Osobennosti pravogo radikalizma v evropeiskikh stranakh [Features of Right-Wing Radicalism in European Countries]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2013. N 4(84). P. 98–101.

Баум Г. Спасти права граждан. Свобода или безопасность. Полемические заметки. М.: Сектор, 2015.

Baum G. *Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost'. Polemicheskie zametki* [Save Citizen's Rights: Freedom or Security], transl. from English. Moscow: Sektor Publ., 2015.

Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические конфликты в этническом фаворитизме / пер. с англ. Д.О. Румянцева; вступ. статья В.Б. Авдеева. М.: Кучково поле, 2014.

Vankhanen T. *Etnicheskie konflikty: ikh biologicheskie konflikty v etnicheskom favoritizme* [Ethnic Conflicts: Their Biological roots in Ethnic Nepotism], transl. from English by D.O. Rumyantsev, introd. art. V.B. Avdeeva. M.: Kuchkovo pole Publ., 2014.

Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? / пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бендет. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

Giddens E. *Nespokoyniy i mogushchestvennyi kontinent. Chto zhdet Evropu v budushchem* [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?], transl. from English by A. Matveenko, M. Bendet. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS Publ., 2015.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: Росспэн, 2002.

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в современности: поиски решений

- Sarratsin T. *Germaniya. Samolikvidatsiya* [Germany Abolishes Itself], transl. from German by T.A. Nabatnikova. Moscow: Rid Grupp Publ., 2012.
- Солиев Б.Х. Взаимоотношение современного политического ислама с процессами глобализации и модернизации // Вестник Педагогического университета (Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни). 2014. № 3–1(58). С. 10–17.
- Soliev B.Kh. *Vzaimootnoshenie sovremennogo politicheskogo islama s protsessami globalizatsii i modernizatsii* [The Relationship of Modern Political Islam with the Processes of Globalization and Modernization]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta (Tadzhikskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni S. Aini)*. 2014. N 3–1(58). P. 10–17.
- Трофимов Е.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве в XXI веке // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 1. С. 23–29. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29
- Trofimov E.A. *Migratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve v XXI веке* [Migration Processes in the Post-Soviet space in the XXI century]. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. T. 30, N 1. P. 23–29. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations], transl. from English. Moscow: AST Publ., 2003.
- Al-Jayyousi O.R. *Islam and Sustainable Development: New Worldviews*. Gower Publishing, 2012. ISBN 9781409456490.
- Aguilar L.M.H. Islamophobia in Germany, still a debate?: D’Haenens L., Mekki-Berrada A. (eds.), *Islamophobia as a Form of Radicalisation: Perspectives on Media, Academia and Socio-political Scapes from Europe and Canada*. Leuven University Press, 2023. P. 75–88. DOI: 10.2307/j.ctv34h08d.7
- Claviez T. *The conditions of hospitality: Ethics, politics, and aesthetics on the threshold of the possible*. Fordham University Press, 2013. ISBN 0823251489
- Dzikevich D. The Ecological Turn: Constructive Postmodernism and Construction of Ecological Civilization in China. *Process Studies*. 2021. Vol. 50. Iss. 2. P. 255–269. DOI: 10.5840/process202150214
- Ferreira D. *Research on Big Data, VGI, and the Tourism and Hospitality Sector: Concepts, Methods, and Geographies: Managerial Approaches, Techniques, and Applications: Big Data and Innovation in Tourism, Travel, and Hospitality*. Springer, 2019. P. 75–85. DOI:10.1007/978-981-13-6339-9_5
- Galtung J. Introduction: peace by peaceful conflict transformation – the TRANSCEND approach: Webel C., Galtung J. (eds.) *Handbook of Peace and Conflict Studies*. Routledge, 2009. P. 14–34.
- Galtung J. Language and war: is there a connection? *Current Research on Peace and Violence*. Vol. 10, N 1. War, Peace & Culture. 1987. P. 2–6.
- Gerhart B., Fang M. National Culture and Human Resource Management: Assumptions and Evidence. *International Journal of Human Resource Management*. 2007. V.16. I. 6. P. 971–986. DOI:10.1080/09585190500120772
- Guha R. *How Much Should a Person Consume? Thinking Through the Environment*. Berkeley. Oxford University Press (OUP): University of California Press, 2006. ISBN 978-93-5009-259-0.

Д.А. Шевелева
Возможности
межкультурного
диалога в совре-
менности: пои-
ски решений

DOI: 10.31857/S0236200724020054

©2024 М.Д. ГОРБАЧЕВ

СОЗНАНИЕ И ИЛЛЮЗИЯ: УГРОЖАЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ИЛЛЮЗИОНИЗМ

Горбачев Максим Дмитриевич — аспирант, стажер-исследователь НУЛ Трансцендентальной философии.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066 Москва, Старая Басманная улица, д. 21/4.

ORCID: 0000-0002-8374-5889

mgorbachev@hse.ru

Аннотация. Иллюзионизм — сравнительно недавно появившаяся теория сознания, вобравшая и последовательно развившая физикалистские интуиции относительно сознания. Такой подход дает достаточные основания считать его противоречащим основным идеям реалистов в отношении феноменального сознания, ведь согласно иллюзионизму феноменального сознания нет, это просто иллюзия. Автор считает, что то, насколько опасен этот тезис для реалистов и тех, кто считает себя обладающими феноменальным сознанием, зависит от того, какого понятия иллюзии придерживаться. После краткого обзора иллюзионистского подхода в статье приводятся два возможных содержания понятия иллюзии феноменальности. Затем автор рассматривает, действительно ли реалисты не могут согласиться ни с одним из них. Одно из возможных пониманий: иллюзии — концептуальное искажение данных опыта или интроспекции в ходе их интерпретации. Такой взгляд хотя и не является базовым для иллюзионистов, но имплицитно, а иногда явно, содержится в их примерах и

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

в иллюзионизме можно обнаружить, что есть как минимум два основных понимания иллюзорности феноменального сознания или феноменальных свойств. Суть одного заключается в указании на иллюзорность как ошибочную концептуализацию опыта; в другом случае, если концептуализация и имеет место, то объектом ее служат уже искаженные интроспекцией данные опыта. Я хочу проверить, действительно ли реалисты не могут согласиться ни с одним из указанных пониманий иллюзии в отношении сознания, и так ли опасно потенциальное согласие для сохранения реалистских интуиций о феноменальном сознании. Предварительно я склонен думать, что верна, как минимум, одна из следующих гипотез: 1) есть возможность применять понятие иллюзии феноменальных свойств, не следуя за иллюзионистской теорией в вопросе о существовании феноменального сознания; 2) иллюзионизм, отвергая особый метафизический статус феноменальности, вынужден тем не менее признавать наличие феноменальности как свойства эпистемологически отличного от того, что принято не называть феноменальным.

На пути к иллюзии

Перед рассмотрением возможных трактовок понятия иллюзии и их следствий я кратко обозначу путь, которым иллюзионисты приходят к утверждению иллюзорности сознания, и проясню то, что именно они считают иллюзорным.

Фрэнкиш настаивает на том, что иллюзионисты не отрицают существование субъективного опыта или сознания, если, говоря о его наличии, мы имеем в виду наличие некоторого переживаемого субъектом опыта [Frankish, 2022]. При этом иллюзионизм отрицает качественный характер этого опыта — наличие невыразимых, приватных, субъективных, внутренне присущих и безошибочных квалиа [Lewis, 1929]. Всех этих феноменальных свойств опыта, скажет иллюзионист, на самом деле нет; нам только *кажется*, что они есть, поскольку данные нашего опыта систематически искажаются в ходе интроспективного доступа к ним [Франкиш, 2022а]. Важно и то, что для иллюзионизма феноменальное сознание не является на самом деле физическим процессом или системой, а его вообще нет, поскольку ФС, как полагают сторонники рассматриваемого подхода, предполагает наличие ряда метафизически уникальных характеристик, как упомянутые выше свойства квалиа, которые подрывают саму возможность исследования сознания, поскольку делают его принципиально недоступным с перспективы третьего лица (здесь видна уже и сциентистская ориентированность иллюзионистов) [Франкиш, 2022а]. Поэтому

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

с ней отсылаю к переводу программного текста [Франкиш, 2022a; Франкиш, 2022b] этого подхода.

Иллюзия концептуализации

В части, где я представляю иллюзионизм, я пишу, что иллюзия возникает в результате искажающего действия интроспекции. Однако, если понимать под интроспекцией некую систему, близкую к перцептивной, это, на мой взгляд, не единственная возможная трактовка одного из центральных тезисов иллюзионистов. Хотя, разумеется, интроспекции может быть свойствен тот или иной уровень концептуальности, зависящий от того, насколько знание о собственных ментальных состояниях подвержено влиянию некоторой базовой теории или контингентной (зависящей от контекста субъекта) интерпретативной рамки [см.: Kammerer, Frankish, 2023]. Да, сами иллюзионисты действительно в большинстве случаев указывают именно на интроспективное искажение, которое, как часто из их указаний можно предположить, не зависит от того, что я думаю о своем опыте, так как он сам уже содержит иллюзию феноменальности. Более того, объяснение устойчивости этой иллюзии (в частности, почему эта иллюзия сохраняется даже в том случае, если я являюсь иллюзионистом) — одна из главных проблем, стоящих перед сторонниками иллюзионизма [Франкиш, 2022b]. Тем не менее, во-первых, исходя из аргументов иллюзионистов, можно заключить, что иллюзия возникает на этапе интерпретации или концептуализации опыта; во-вторых, в текстах сторонников этого подхода нередко встречаются пассажи, говорящие в большей мере именно о таком варианте возникновения иллюзии.

Обращаясь к текстам с прямым указанием на роль концептуализации, проводимой человеком, в возникновении иллюзии, можно упомянуть ряд подобных мест (их, конечно, больше, но приводить все нет необходимости). Так, например, Деннет, полемизируя с Чалмерсом, пишет, что для возникновения трудной проблемы сознания необходимо не чтобы было *каково-то* (перевод мой. — М.Г.) быть нами, а чтобы мы *думали*, что *каково-то* быть нами [Dennett, 2019: 54]. Более того, далее он говорит о том, что, например, у собак не возникает трудной проблемы, даже если у них есть феноменальное сознание, есть то, *каково* быть собакой; а у человека трудная проблема возникает, когда он особенно рефлексивен [ibid.]. Но оба этих пассажа свидетельствуют, скорее, о концептуальной природе иллюзии ФС, ведь ее наличие в этом случае зависит от того, как я интерпретирую свой опыт. Так, если я не «думаю», что обладаю ФС, то я и не подвержен иллюзии, и тогда ее упомянутую устойчивость можно было бы объяснить тем,

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

Случай с помидором подводит нас ко второму способу продемонстрировать концептуальный характер иллюзии феноменальности. Это различные примеры иллюзий или неполной информации о собственном ФС, подтверждающей возможность ошибки, в том числе о его наличии в принципе. Рассмотрим три: Санта-Клаус Деннета, его же аргумент инвертированного спектра и Грегандрум, о котором пишет Фрэнкиш.

В первом случае Деннет приводит этот пример в контексте развенчивающего (англ. *debunking*) аргумента, согласно которому наши убеждения о Санта-Клаусе могут быть объяснены без обращения к Санта-Клаусу, поэтому нет оснований считать, что он существует (также пример работает в случае с НЛО); по аналогии иллюзионисты предлагают развенчать феноменальное сознание [Dennett, 2020]. Меня в этом случае интересует не то, насколько хорош этот аргумент, а лишь то, в каком смысле он демонстрирует нам иллюзорность Санта-Клауса или ФС. У нас есть некоторый опыт, в результате которого мы приходим к убеждению об их существовании: в случае с Санта-Клаусом это могут быть подарки утром и услышанные истории. Действительно, этого будто бы недостаточно для того, чтобы точно сказать, есть ли он на самом деле. Но сейчас это не так важно. Достаточно лишь представить человека, который, обладая таким же опытом, не сформировал такого же убеждения. Или — в случае с ФС — обладая такими же интроспективными данными, он не считает, что ФС есть. Если в этом случае иллюзионист согласится, что человек не подвержен иллюзии феноменальности, то, вероятно, он придерживается концептуальной природы этой иллюзии, поскольку в обоих упомянутых примерах (не)возникновение того или иного убеждения зависело не от опыта, а от его интерпретации. Если же иллюзионисты не согласятся, то придут к сомнительному результату, где им, отрицающим существование ФС, придется убеждать того, кто с ними согласен, что ему на самом деле кажется, что ФС *есть*, но он об этом просто не знает и поэтому не понимает, с чем он согласен.

Аргумент Деннета про инвертированный спектр появился сравнительно давно и направлен на демонстрацию того, что у нас нет непосредственного доступа к квалиа: если нейрохирург проведет операцию, в результате которой мне будет казаться, что я вижу инвертированные цвета, я не смогу с уверенностью сказать, изменился ли мой зрительный опыт или мои воспоминания о прошлом зрительном опыте [Dennett, 1988]. Однако, можно сказать, что вынесение суждения об изменении опыта или воспоминаний — это также результат концептуализации, пусть и на простом уровне. Едва ли реалисты станут отрицать возможность что-то забыть — даже что-то очень важное и, казалось бы, простое.

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

данные опыта [Nida-Rümelin, 2016]. Однако, если иллюзионисты будут понимать под иллюзией именно такую концептуальную ошибку, они и сами не будут отрицать, что есть нечто концептуально интерпретируемое в опыте, что реалист и назовет феноменальностью. Более того, реалисты могут признать и то, что некоторые из характеристик феноменальных свойств, упомянутые выше со ссылкой на Льюиса, навеяны этой ошибочной концептуализацией, и, например, на самом деле они каким-то образом могут быть доступны от третьего лица, и мы просто пока не обнаружили такую возможность. Но это лишь ослабит концепт феноменальности, что все еще не устраивает иллюзионистов, которые хотят отказаться от нее совсем.

На наличие такой концептуализации и на возможность ошибиться в ходе ее указывали многие. Так, Хамфри, совершивший знаменательный переход от иллюзионизма к реализму, указывает на палитру феноменальных концептов, которые мы используем для интерпретации опыта, что делает его реальнее реальности, которая сама по себе лишена, например, смешного или красивого [Humphrey, 2016]. Из-за эффекта, привносящего в результате применения этих концептов в реальность нечто новое, он, вероятно, и называет свой подход сюрреализмом. Балог также отмечает, что феноменальность именно концептуально, в силу применения феноменальных концептов, принципиально отличных от физических, изолирована от научных концептов [Balog, 2016]. При этом для нее важно, что, несмотря на наличие такого концептуального уровня и непрямых феноменальных концептов, которые мы применяем, не будучи в соответствующем феноменальном состоянии (вспоминаем боль), эта возможность концептуализации все еще обеспечивается теми состояниями, к которым все эти концепты применяются; их и можно считать ФС, которое даже при возможности концептуальной ошибки действительно есть [ibid.].

Шварц, хотя и решает иные проблемы, но идет еще дальше и, следуя стратегии, похожей на гуссерлианскую, вводит воображаемые пропозиции (его аналог феноменальных свойств), которые являются неотъемлемой частью опыта как такового [Schwarz, 2018: 17]. И хотя эти пропозиции предполагают возможность ошибки (я думаю, что за окном дождь, а на самом деле передо мной не окно, а экран), они обеспечивают нормальное функционирование опыта и реакций человека на него [ibid.].

Поэтому понимание иллюзии как искажения опыта в ходе его интерпретации вполне может быть адаптировано реалистами. Иллюзионизм должен придерживаться другого понятия иллюзии, чтобы сказать, что ФС на самом деле нет, предлагая реальную альтернативу реалистам, а не только указывая на возможность концептуальной ошибки.

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

ошибка возникает, когда интроспекция дает мне доступ к данным опыта; именно в этот момент возникает иллюзия того, что я обладаю феноменальным сознанием и магической внутренней жизнью, скажет иллюзионист [Франкиш, 2022a]. Так, в отличие от концептуального понимания иллюзии при указании на интроспективное искажение отсутствует зазор между феноменальными свойствами и иллюзией: этот субъективно переживаемый опыт уже оказывается искаженным и неполным, как только я начинаю его субъективно переживать, быть осведомленным о том, что я переживаю какой-то опыт. И в этом смысле такая иллюзия действительно угрожает реализму, ведь в таком случае человек ошибается не потому, что каким-то образом думает о своем опыте, а в силу изначально искаженного опыта. Однако нельзя не упомянуть, что среди иллюзионистов все еще ведется дискуссия о том, насколько велика роль концептуализации данных интроспекции. В частности, Каммерер предлагает два варианта: либо концептуальная рамка применяется к неполным, но не ошибочным данным неконцептуального уровня интроспекции, в результате чего именно концептуальный уровень ответственен за искажение; либо уже на том уровне информация оказывается ошибочной [Kammerer, 2022]. Сам он склоняется именно ко второму варианту, который совпадает с рассматриваемым в этой части.

Анализируя тезис об искажающей интроспекции, Нида-Рюемелин приходит к такому же выводу относительно его сути: она сомневается, что иллюзионисты хотят указать на искажение на этапе размышления об опыте (хотя, как мы видели, к такой трактовке иногда подталкивают сами иллюзионисты) или на этапе направления внимания на наш опыт, и склоняется к тому, что, согласно этому тезису, обладая опытом, мы уже находимся под впечатлением, что он обладает феноменальными свойствами [Nida-Rümelin, 2016]. Такое понимание действительно отражает интенцию иллюзионистов, ведь и реалисты часто говорят, что феноменальные свойства или феноменальное знание принадлежат не описанию опыта, а сами являются опытом [Prinz, 2016]. Соответственно и атаку на феноменальное сознание нужно совершать, ставя под сомнение именно опыт, а не его интерпретацию.

В силу сказанного, с одной стороны, интроспективное искажение, как источник иллюзии, не приемлемо для реалистов, поскольку в этом случае даже попытка отказаться от ряда убеждений относительно феноменального сознания или — более нейтрально — опыта не решит проблему того, что сам этот опыт подвержен иллюзии. Даже если мы откажемся от некоторых существенных характеристик феноменальных свойств, иллюзионист либо настаивает на отказе от всех, поскольку у нас не останется оснований быть уверенными в безошибочности хотя бы части наших суждений о

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

свойства, принадлежащие опыту, то вторые — принадлежат уже субъекту опыта [Nida-Rümelin, 2016]. Если иллюзионисты считают, что нет первых, то реалисты в безопасности, так как они считают феноменальным сознанием не характеристику опыта, а нечто, присутствующее человеку, тому, кто переживает опыт. Однако Фрэнкиш легко принимает вызов и утверждает, что нет никаких препятствий говорить об иллюзорности свойств субъекта опыта [Frankish, 2017].

Однако я не уверен, что такой переход можно совершить без его серьезного обоснования. И это не потому, что, как пишет Бреган, чтобы отрицать существование феноменальности и ее совместимость с физикалистской метафизикой, мы должны признать ее существование [Lipuš, Bregant, 2021]. Мы все же можем говорить о несовместимости, например, идеи души с научной картиной мира, даже если души действительно нет. А в силу того, что без постулирования, как кажется, метафизически нагруженных свойств опыта не совсем ясно, что иллюзионист имеет в виду, когда предлагает какие-либо тезисы. Ведь, если нет того, *каково* это отрицать существование ФС (даже если это не является уникальным свойством, требующим пересмотра метафизики), выдвигать иллюзионистский тезис или, наконец, быть подверженным иллюзии, иллюзионизм оказывается лишен содержания. Но он явно им обладает, что склоняет нас, скорее, к выводу о том, что иллюзионисты признают, что есть то, *каково* это быть подверженным иллюзии или думать, что я обладаю феноменальным сознанием.

Да, это возвращает нас к известной дискуссии между иллюзионистами и реалистами о разрыве между реальностью и кажимостью, который последние в случае ФС отрицают. В этом споре можно пойти и до Декарта, задаваясь вопросом, могу ли я ошибаться, что сомневаюсь, но это отдельная большая проблема как для иллюзионизма, так и для реализма, содержание которой и возможные решения описывать здесь было бы излишним. Сказанное выше заставляет вновь обратиться и к проблеме определения феноменального сознания, ведь последняя из упомянутых стратегий парирования иллюзионистского тезиса указывает как раз на то, что, отвергая метафизическую уникальность ФС, иллюзионизм вынужден признать его эпистемологическое отличие от доступа от третьего лица. Даже в случае понимания иллюзии как результата действия интроспективного искажения до всякой интерпретации данных интроспекции у реалистов есть способы сохранить феноменальное сознание, указав на пробелы и проблемы иллюзионистской позиции.

* * *

Возвращаясь к предложенным в начале статьи гипотезам, я считаю, что одна из них нашла подтверждение, а вторая оказалась,

agree with any of them. One of the possible understandings of illusion is the conceptual distortion of the data of experience or introspection in the course of their interpretation. Although this view is not basic for illusionists, it is implicitly and sometimes explicitly contained in their examples and arguments. In this case, realists can agree that phenomenal consciousness is an illusion, not only without weakening their position, but also emphasizing the special status of phenomenality, which allows a person to expand reality when faced with what is not in the world. When an illusion is understood as a distortion by introspection itself, before any conceptual reactions to its data, the position of illusionists turns out to be much more dangerous for phenomenal consciousness. However, even in this case, realists can introduce a number of counterarguments to which illusionism does not yet have answers acceptable to both sides. Although this discussion is complicated by ambiguities in the relation of definitions of key terms of representatives of these two approaches, which complicates its analysis, the author comes to the conclusion that realism has a chance, if not to adapt the illusion, then to demonstrate the problems and gaps of the illusionist position in connection with this concept.

Keywords: consciousness, man, illusionism, realism, philosophy of consciousness, Keith Frankish, phenomenal consciousness, qualia, introspection, perception

For citation: Gorbachev M.D. Consciousness and Illusion: does Illusionism Threaten a Human // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 87–102. DOI: 10.31857/S0236200724020054

Литература/References

Гиренок Ф.И. Аффект и эмоция: проблема расширения реальности посредством мнимости // *Человек*. 2023. Т. 34. № 2. С. 7–22.

Girenok F.I. Affekt i emotsiya: problema rasshireniya real'nosti posredstvom mnimosti [Affect and Emotion: the Problem of Expanding Reality Through Imaginary]. *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 2. P. 7–22.

Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть I / пер. с англ. М.Д. Горбачева // *Вопросы философии*. 2022а. № 3. С. 110–121.

Frankish K. Illyuzionizm kak teoriya soznaniya, Chast' I [Illusionism as a Theory of Consciousness. Part I], transl. by M.D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. N 3. P. 110–121.

Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания. Часть II / пер. с англ. М.Д. Горбачева // *Вопросы философии*. 2022б. № 4. С. 59–71.

Frankish K. Illyuzionizm kak teoriya soznaniya, Chast' II [Illusionism as a Theory of Consciousness, Part II], transl. by M.D. Gorbachev. *Voprosy Filosofii*. 2022. N 4. P. 59–71.

Balog K. Illusionism's discontent. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23. N 11–12. P. 40–51.

Blackmore S. Delusions of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, N 11–12. P. 52–64.

М.Д. Горбачев
Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм

©2024 Х.С. ЭМЕРЕТЛИ

ОБ АНТРОПОЛОГИИ УДАЧИ: ОБЪЕКТЫ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРАВСТВЕННОСТЬ СЛУЧАЯ

Эмеретли Харлампий Савельевич — аспирант Школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 115054 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-9782-2390
kemeretli@hse.ru

Аннотация. В статье исследуется одно из понятий последовательной теории морали — моральная удача. Она имеет место в тех случаях, когда моральное положение человека определяется факторами, которые он не контролирует, другими словами, удачей. Однако все действия и их результаты в той или иной степени обусловлены такими факторами. В этом аспекте моральная удача противостоит моральной ответственности и нарушает естественную практику взаимоотношений между людьми. Возникает проблема: как можно хвалить или винить человека за определенные действия или их последствия, если они частично или полностью не зависят от его индивидуального выбора. Рассмотрению данной проблемы посвящена статья. С одной стороны, в ней приводятся аргументы против результирующей моральной удачи — того ее вида, который связан с результатами действий. Для этого анализируются «принцип контроля» и природа человеческого действия. С другой стороны, отстаиваются доводы в пользу значительной важности учета фактора моральной удачи для актуализации нравственного поведения людей.

по моральной удаче. Но подобное единение носит локальный характер и не делает дискурс о моральной удаче более компромиссным. Наоборот, последний всегда состоял из значительного числа разрозненных точек зрения, каждая из которых встречает как активную поддержку, так и напористую критику.

Данная статья, во-первых, вводит читателя в проблематику моральной удачи и анализирует типологию удачи; во-вторых, отстаивает позитивные решения по некоторым из аспектов вопроса; в-третьих, синтезирует позицию, которая отрицает один из видов моральной удачи — результирующую удачу, с позицией, согласно которой моральная удача играет значительную роль для понимания морали в целом. Необходимо отметить, что когда философы отрицают феномен моральной удачи, речь идет не о том, что реальность удачи или неудачи, как объективного условия среды, является ошибочной, но о том, что такая реальность не может или не должна определять моральное положение субъекта, то есть его моральную ответственность. И, наоборот, признание моральной удачи означает, что случайные внешние и внутренние факторы обладают такой функцией. Также понятие ответственности следует понимать именно в значении моральной ответственности.

В основе статьи лежат пять тезисов:

1) Существование конститутивной, обстоятельственной и каузальной моральных удач противоречит ответственности, которой обладают субъекты действия. Поэтому единственным видом моральной удачи, который необходимо отрицать, является результирующая удача.

2) Наблюдаются расхождения между интуициями и естественными ожиданиями людей, с одной стороны, и принципом контроля, который, как утверждается, лежит в основе моральной ответственности, с другой. Но эти расхождения согласуются с каждым из видов удачи, кроме результирующей, и говорят нечто о морали как таковой — вне границ определенного контекста.

3) Человек может нести ответственность только за качество своей воли или свои воления, под которыми стоит понимать, в частности, намерения, желания, стремления и другие ментальные элементы, а также за свои действия.

4) Каждый из двух объектов моральной ответственности — воления и действия — является независимым от актуальных действий (в случае ментальных элементов), обстоятельств и результатов действий, и заслуживает положительной или отрицательной нравственной характеристики сам-по-себе.

5) Результирующая моральная удача не должна определять оценку моральной ответственности. При этом, хотя люди, которые реализуют одинаковые воления или действия, но достигают

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

Путаница обнаруживается только тогда, когда удача начинает влиять на оценочные суждения о человеке, который поступил определенным образом, когда такой человек вообще становится объектом моральных суждений несмотря на то, что контекстуальное пространство для его действий состоит из неподконтрольных ему факторов. Дана Нелькин отмечает: «моральная удача имеет место, когда агент [agent] может *обоснованно* выступать [can be *correctly treated*] объектом морального суждения, несмотря на тот нюанс, что существенный аспект того, за что его [морально] оценивают, зависит от факторов, которые он не контролирует» [Nelkin, 2019]². Обоснованность положения агента как объекта внешних моральных суждений указывает на такую характеристику вопроса, которая, в частности, и позволяет за ширмой занимательной головоломки, логической уловки или даже оксюморона³, разглядеть парадоксальность⁴ моральной удачи, которая делает ее исследование столь злободневным.

Виды моральной удачи и «принцип контроля»

В литературе выделяется четыре вида моральной удачи: конститутивная удача (constitutive luck), обстоятельственная удача (situational или circumstantial luck), каузальная или причинная удача (causal luck) и результирующая удача (resultant luck или consequential luck). Каждая из них выражает общую проблему и противоречит так называемому принципу контроля. Согласно этому принципу, «мы несем моральную ответственность только в той мере, в какой то, за что нас оценивают, зависит от факторов, находящихся под нашим контролем» [Nelkin, 2019]. Интуитивная достоверность принципа контроля рассыпается под интенсивным

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

² Классическое определение Томаса Нагеля звучит следующим образом: «там, где важный аспект человеческого действия зависит от неконтролируемых им факторов, а мы продолжаем воспринимать его в этом отношении как объект морального суждения, можно говорить о моральной удаче и неудаче» [Нагель, 2008: 176]. Предпочтение в статье определения Нелькин связано с акцентом на одном из важных аспектов моральной удачи — обоснованности морального суждения.

³ «When I introduced the expression of moral luck, I expected to suggest an oxymoron» [Williams, 1993: 251].

⁴ Следствия, выводимые из моральной удачи, идут в разлад с интуитивно приемлемыми условиями морального суждения, которыми мы привыкли руководствоваться: «Человек может быть морально ответственным только за то, что он делает; но что он делает в значительной мере определяется тем, чего он не делает; таким образом, он не несет моральной ответственности за то, за что он ответственен, а за что нет. (Это не противоречие, но парадокс)» [Нагель, 2008: 183–184].

количества вариантов развития будущего⁵. Человек постоянно обнаруживает себя в окружении событий, обстоятельств и нелепых случайностей, независимых от него, но связанных в настолько замысловатый узел, что его неспособно разрубить никакое проявление твердой силы индивидуального выбора. Но даже если мы принимаем истинность детерминизма, я склонен занимать ту сторону в конфликте, которую обычно называют компатибилизмом и которая в общем смысле постулирует совместимость свободы воли с детерминизмом. Следствие, проистекающее из провозглашения такой совместимости, которое интересует нас в первую очередь, заключается в том, что замкнутость субъекта в нескончаемой цепи причинности не устраняет доступность нравственного поведения и не уничтожает личной ответственности: «даже если мы каузально детерминированы действовать определенным образом, мы все равно можем действовать, исходя из желаний, которые нам приятно иметь, мы все равно можем действовать по хорошим или плохим причинам, и наши действия по-прежнему могут выражать наши ценности» [Khoury, 2018: 1374]. Поэтому вполне обоснованно рассматривать конститутивную, обстоятельственную и каузальную моральную удачу как позитивные. В конце концов, именно Я решаю, как Я отреагирую на определенные обстоятельства, какое решение приму и в какую сторону поверну сложившуюся ситуацию. Но вынести схожий вердикт в отношении результирующей удачи достаточно проблематично, а скорее всего, невозможно.

Результирующая удача отличается от остальных видов удачи не только логически, но и концептуально. Обстоятельства и внутренняя конституция человека имеют перспективную направленность, безразличную к результатам его поступков. Они подразумевают взаимодействие человека с определенными условиями, обрамляют его поведение в заданных обстоятельствах и под влиянием уникального темперамента. Это дает нам возможность признавать факт существования этих трех видов удачи не только и не столько без ущерба для моральной ответственности, но, более того, с откровенной пользой для нашей возможности поступать морально. Но результирующая удача охватывает результаты действий, она имеет ретроспективную направленность в том смысле, что мы стараемся постфактум разглядеть некоторую

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

⁵ Индетерминизм позволяет отрицать причинность, превращающую человека в заводную куклу из музыкальной шкатулки, которая вынужденно застревает в канители однообразного танца. Но независимые от вмешательства человека обстоятельства никуда не исчезают — люди в любом случае неперестанно находятся в тисках неподконтрольного их воле контекста.

Ситуации специально построены таким образом, что в них подлежит изменению все, кроме ментальных элементов (А), но, несмотря на это, выносимый моральный вердикт сохраняет первоначальную целостность.

Предположим, что (А) в каждой из ситуаций обладает одинаковыми интенциями. То есть в своих поступках он руководствуется единым набором желаний, стремлений и других ментальных элементов. Тогда, если мы говорим, что нет разницы между первой и второй ситуацией, необходимо распространить это утверждение и на третью ситуацию, потому что нахождение (А) в виртуальной реальности является для него точно таким же фактором удачи, каким является и пролетающая мимо птица во второй ситуации [Khoury, 2018: 1360]. Отсюда, в частности, дополнительно следует то, что в каждой из ситуаций (А) несет ответственность исключительно за направление своей воли, которая оказывается нечувствительной не только к результатам действий (вторая ситуация), но и к фактическому совершению действий как таковых (третья ситуация): «этот взгляд предполагает [только то], что ментальный компонент действия, который я называю волеием, метафизически обособлен от телодвижения и его дальнейших последствий, в том смысле, что он [компонент] может иметь место в отсутствии телодвижения или его последствий». Таким образом: «всякий раз, когда мы действуем, есть связанное [с этим действием] ментальное событие [волеие], и, в контексте действия, только волеия являются тем, за что моральные агенты несут ответственность» [Khoury, 2018: 1365]. Эти рассуждения затрагивают вопрос о взаимосвязи между волеием и действием.

В одном из своих эссе по философии действия Дональд Дэвидсон пишет: «Я щелкаю выключателем, включаю свет и освещаю комнату. Неведомо для себя я также оповещаю грабителя о своем присутствии в доме. Здесь мне нужно было делать не четыре вещи, но только одну, для которой было дано четыре описания» [Davidson, 2002: 4]. Это демонстрирует отсутствие принципиальной разницы между тем, что я включил свет в комнате и тем, что я оповестил грабителя — все это доступные описания одного действия, а именно движения моего пальца, с помощью которого я щелкнул выключателем. События, к которым приводит взаимодействие пальца и выключателя, зависят от того, что фактически произойти может и чего произойти не может: «наши примитивные действия, те, которые мы не совершаем, делая что-то еще, простые движения тела, — это единственные действия, которые существуют. Мы никогда не делаем ничего, кроме движений тела: все остальное зависит от природы [is up to nature]» [Davidson, 2002: 59]. Хури соглашается с подобной унификацией действия,

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

как можно быстрее. Наши оценочные суждения здесь затронут непосредственно факт превышения скорости вне зависимости от мотивов, которыми я руководствовался на момент принятия решения превысить скорость.

Я предполагаю, что мне могут указать на то, что релевантным элементом будет не воление успеть на сеанс, но воление превысить скорость, чтобы успеть на сеанс, и именно за него я буду нести ответственность. Прежде всего, я думаю, что такой взгляд на ментальные элементы как на дискретные единицы ошибочен. Мы не осознаем все этапы в некоторой ментальной последовательности в их отдельности. Когда (А) выражает воление выстрелить в (Б), он, в строгом смысле, воспринимает воление прицелиться и нажать на курок в общем потоке воления убить (Б), за которое (А) в дальнейшем справедливо понесет моральную ответственность. Точно так же, когда я превысил скорость, руководящим ментальным элементом будет желание успеть на сеанс, которое подразумевает (но не требует) превышения скорости. Таким образом, в первом случае этот холистический общий поток выражает исключительно желание успеть на сеанс, а во втором случае — желание убить. Я хочу сказать, что если говорить о деталях, то любое воление можно описать в его раздробленных частях, например, не воление убить, но воление занять позицию, чтобы убить, или воление надеть удобные перчатки, чтобы выстрелить, чтобы убить; тем не менее, кажется, все это лишь элементы единого целого, *примитивного* желания убить, и оценочное суждение направлено именно на него.

Вышесказанное имеет значение в области морали и не противоречит не только философии действия Хури, но и отрицанию результирующей удачи. Потому что в предложенном мной примере действие плохо само по себе вне зависимости от того, описанием какого воления оно является, а значит случайное событие, неудача в виде появления на пути автомобиля ребенка, не делает мое поведение более заслуживающим обвинения, чем если бы я благополучно добрался до кинотеатра.

Моральность моральной удачи

Если мы отрицаем существование результирующей моральной удачи, то должны объяснить, по какой причине между общей практикой разного отношения людей к одинаковым действиям, когда они тянут за собой разные последствия, и убедительным принципом контроля пролегал пропасть, во мраке которой растворяются теоретически справедливые моральные суждения.

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

влиянию внешних факторов, которая влечет за собой несовершенную предсказуемость результатов» [Walker, 1991: 19], то моральная удача перестает быть неразрешимой проблемой, если вообще сохраняет черты проблематичности. Принцип контроля на поверку оказывается куда более гибким инструментом, который не просто выделяет условия, при которых мы или другие люди становимся носителями ответственности, но и включает широкий спектр реакций — гнева, радости, страдания, уныния, шока, злости, воодушевления — как неотъемлемой части приписывания моральной ответственности: «поскольку мы можем винить людей только за их действия или бездействия, о которых нам известно, мы будем чаще винить людей, чьи неправомерные действия или ошибочное поведение приводят к плохим результатам, нежели тех, чьи действия не причиняют вреда» (Wolf, 2001: 7). Поэтому голословным будет заявление, что эти и другие реакции суть рудиментарные для нашей моральной диспозиции элементы: «правда моральной удачи, которую должен осознать рациональный, отзывчивый моральный агент, заключается в том, что ответственность пересиливает контроль, хотя и не каким-то одним или простым способом» [Walker, 1991: 19].

Этот взгляд пронизывает многие аспекты нашей жизни: мы хвалим людей, когда они справляются с незначительными или серьезными трудностями, которые спонтанно возникли в ходе игры случайности, благодарим их, если они по доброй воле помогают нам справиться с такими трудностями, и расстраиваемся или разочаровываемся, если они уступают перед нашествием первых и закрывают глаза на вторые⁷. Однако указанные реакции и требования в отношении поведения других людей не просто утверждают ответственность, но подразумевают вовлеченность субъекта сверх обыкновенного признания с его стороны того факта, что он ответственен за тот или иной результат своего поведения. Вновь обратимся к водителю, который сбил ребенка. Предположим, что он осознает свою роль в производстве этого печального факта, но высказывает мнение, согласно которому он не более виновен, чем тысячи других водителей, которым просто посчастливилось не столкнуться с пешеходом. Проблема будет заключаться не в том, что водитель «отказывается признать [ассерт], какую ответственность он объективно несет за смерть ребенка, но в том, что он не способен принимать [take] на себя ответственность за произошедшее в том смысле, который выходит за рамки [простого признания]...

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

⁷ О роли мотивов и психологических диспозиций в формировании оценочных суждений см.: [Черняк, 2009].

который не совершил убийства из-за птицы, «(он контролировал происходящее в той же степени)»⁸. Следовательно, продолжает философ: «поскольку степень ответственности зависит от степени контроля, [(А) в каждой из ситуаций] должен быть объявлен одинаково морально ответственными» [Zimmerman, 2002: 560–568]. Еnoch и Marmor видят разницу между «моральной порицаемостью (или похвальностью) [moral blameworthiness (or praiseworthiness)], которая... является исключительно функцией моральной ответственности и, следовательно, невосприимчивой к удаче, от уместности [appropriateness] или оправдания [justification] того, что мы будем называть связанными-с-виной(-похвалой) [blame-(or praise-) related] реакциями, такими как наказание, социальное осуждение и даже такие отношения-от-первого-лица [first-person attitudes], как сожаление или раскаяние» [Enoch, Marmor, 2007: 413–417]. Хури излагает более обобщенное, но содержательно идентичное мнение: «мой аргумент касается ответственности, понимаемой как степень, в которой агент заслуживает порицания или похвалы. Таким образом, хотя я утверждаю, что агенты не могут быть достойны порицания или похвалы за каузальные последствия своих волений, я не утверждаю, что они не имеют отношения к последующим обязанностям [duties] в значении будущих обязательств [obligations]. Тот факт, что желания человека приводят к конкретным результатам... порождает конкретные обязательства. Если желание [агента] причинило какой-то вред, то перед ним может встать обязанность предложить своего рода возмещения» [Khoury, 2018: 1375]⁹.

* * *

Моральная удача как философская проблема глубоко озадачивает. В данной статье я не стремился охватить все виды моральной удачи в их тотальности, в ней проанализированы только моральные импликация и логические следствия результирующей удачи. В качестве итогов исследования можно предложить несколько выводов:

⁸ Циммерман использует пример с Георгом, который не убил Хенрика из-за пролетавшей мимо птицы и Джорджем, который убил Генри: «George was in control of more things than Georg (his control had greater scope), but he was no more in control of what happened than Georg was (he was in control to the same degree)» [Zimmerman, 2002: 562]. Критику Циммермана в том, что касается выделения им степени и объема ответственности, предлагает Хури [Khoury, 2018: 1361–1363].

⁹ См. также статью Майкла МакКенна, который проводит различие между прямой (direct) и деривативной (derivative) ответственностью [McKenna, 2012], и книгу Томаса Скэнлона, который выделяет атрибутивную и субстантивную ответственность [Scanlon, 1998].

Х.С. Эмеретли
Об антропологии
удачи: объ-
екты моральной
ответственности
и нравствен-
ность случая

Конститутивная, обстоятельственная и каузальная удачи могут приводить к тому, что люди меняют алгоритм своих действий или поступают так или иначе, но всегда согласуют их с идеей моральной ответственности. Результирующая удача также может накладывать на людей дополнительные обязательства, но не должна влиять на их моральный статус. Поэтому существование этого вида удачи следует отрицать.

2. Все виды удачи совместимы с возможностью поступать таким образом, который можно считать нравственным в широком смысле. И даже если мы логически последовательно отрицаем существование результирующей удачи, как противостоящей ответственности, с нашей стороны вполне естественно ожидать определенной реакции — положительной или отрицательной — со стороны людей на результаты как своих, так и чужих действий.

3. Действия людей, точно также, как и многочисленные — намеренные и непреднамеренные, предусмотренные и непредусмотренные — результаты таких действий, являются описаниями их релевантных ментальных элементов или волений. При этом моральную ответственность человек может нести не только за релевантные ментальные элементы, но и за конкретные действия, если для данных обстоятельств невозможно подобрать релевантные ментальные элементы.

4. Воления людей (элементы ментальной жизни), а в некоторых ситуациях также их действия всегда предшествуют своим результатам и обладают определенным содержанием, о котором можно заранее сказать, является оно отрицательным или положительным в нравственном смысле. Тогда определенные результаты и случайные внешние факторы (удачи и неудачи), которые приводят к этим результатам, не могут и не должны становиться объектами моральной ответственности.

5. Каждый из видов моральной удачи согласуется с интуитивно достоверной практикой, согласно которой на людей могут накладываться неравные обязательства, если их идентичные действия привели к различным результатам. Но результирующая удача, в отличие от других видов моральной удачи, противоречит моральной ответственности. Именно поэтому ее необходимо отрицать.

Даже если мы проводим линию демаркации между результирующей удачей и остальными видами удачи, сохраняется широкий спектр вопросов, которые требуют тщательного изучения. Поэтому любая плодотворная работа, которая силится прояснить отдельные составные части феномена моральной удачи, дополняет карту своими линиями и стрелками, позволяя продвинуться на пути к выходу из интеллектуального тупика.

On the Anthropology of Luck: Objects of Moral Responsibility and the Morality of Chance

Kharlampy S. Emeretli

Postgraduate degree in Philosophy.

HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya str. bldg. 1, Moscow 115054, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9782-2390

kemeretli@hse.ru

Abstract. The article examines one of the concepts of a consistent theory of morality — moral luck. It occurs when a person’s moral standing is determined by factors beyond his control, or, in other words, by luck. However, all actions and their consequences are, to one degree or another, determined by such factors. In this aspect, moral luck is opposed to moral responsibility and disrupts the natural practice of human interrelationships. The problem arises: how can one be praised or blamed for certain actions or their consequences if they are partially or completely independent of his individual choice? This article is devoted to consideration of this problem. On the one hand, it argues against resultant moral luck — the kind that is associated with the results of actions. To complete this, the “control principle” and the nature of human action are analyzed. On the other hand, arguments are defended in favor of the significant importance of considering the factor of moral luck for the actualization of people’s moral behavior.

Keywords: moral luck, control, resultant luck, responsibility, mental elements, willings, action.

For citation: Emeretli K.S. On the Anthropology of Luck: Objects of Moral Responsibility and the Morality of Chance // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 103–120. DOI: 10.31857/S0236200724020067

Литература/References

Кант И. Основоположения к метафизике нравов // *Кант И. Соч. на нем. и рус. яз.: в 4 т. / под. ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.*

Kant I. *Osnovopolozheniya k metafizike npravov* [Foundations of the Metaphysics of Morals]. Kant I. *Soch. na nem. i rus. yaz.: v 4 t.* [Works in German and Russian: in 4 vol.], B. Tushling, N.V. Motroshilova (eds.). Vol. 3. Moscow: Moskovskii filosofskii fond Publ., 1997. P. 39–275.

Нагель Т. Моральная удача // *Логос*. 2008. Т. 64, № 1. С. 174–188.

Nagel T. *Moral'naya udacha* [Moral Luck]. *Logos*. 2008. Vol. 64, N 1. P. 174–188.

Черняк А. Моральная удача // *Логос*. 2009. Т. 70, № 2. С. 151–173.

Chernyak A. *Moral'naya udacha* [Moral Luck]. *Logos*. 2009. Vol. 70, N 1. P. 151–173.

Х.С. Эмеретли
Об антропологии
удачи: объекты
моральной
ответственности
и нравствен-
ность случая

- Davidson D. *Essays on Action and Events: Philosophical Essays Volume 1*. Oxford: Calderon Press, 2002.
- Enoch D., Marmor A. The Case Against Moral Luck. *Law and Philosophy*. 2007. Vol. 26, N 4. P. 405–436.
- Goldman A.A. *Theory of human action. Englewood Cliffs*. New Jersey: Prentice-Hall, 1970.
- Khoury C.A. The objects of moral responsibility. *Philosophical Studies*. 2018. Vol. 175, N 8. P. 1357–1381.
- Levy N. *Hard Luck: How Luck Undermines Free Will and Moral*. Oxford: Calderon Press, 2009.
- McKenna M. Moral responsibility, manipulation arguments, and history: Assessing the resilience of nonhistorical compatibilism. *Journal of Ethics*. 2012. Vol. 16, N 2. P. 145–174.
- Nagel T. Moral Luck. Nagel T. *Mortal Questions*. New York: Cambridge University Press, 1979. P. 24–38.
- Nelkin D.K. Moral Luck. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 19.04.2019 [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/moral-luck/#KinMorAss> (date of access: 27.07.2023).
- Scanlon T.M. *What we owe to each other*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
- Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*, D.D. Raphael, A.L. Macfie (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Walker M.U. Moral Luck and The Virtues of Impure Agency. *Metaphilosophy*. 1991. Vol. 22, N 1/2. P. 14–27.
- Williams B. Moral Luck. Williams B. *Moral Luck*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 20–40.
- Williams B. Postscript. *Moral luck*, ed. by D. Statman. Albany: State University of New York Press, 1993. P. 251–258.
- Wolf S. Moral of Moral Luck. *Philosophic Exchange*. 2001. Vol. 31, N 1. P. 4–19.
- Zimmerman M.J. Taking Luck Seriously. *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 99, N 11. P. 553–576.

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S0236200724020071

©2024 С.В. АНДИЕВ

ОТ ЛЕВОЙ МЕЛАНХОЛИИ К РЕАЛЬНОЙ УТОПИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ЛЕВЫЕ О БУДУЩЕМ

Андиев Султанбек Валерьевич — аспирант школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.
ORCID 0000-0001-8841-6964
andievsultanbek@gmail.com

Аннотация. Провал проекта социализма в XX веке привел к тому, что можно обозначить как потерю горизонта ожиданий. Люди все более ориентированы на настоящее, а будущее, если и рассматривается, то скорее как источник страхов и неуверенности, а не как возможность реализации человеческих устремлений и проектов. Разного рода методы «приватизации» своего жизненного пространства ведут к эскапизму от более глобальных социальных проектов. Даже сама идея утопии становится приватизированной в рамках текущего положения дел. Таким образом, наблюдается кризис представлений о будущем, который ставит под вопрос то, как человечество будет развиваться в дальнейшем. В этой ситуации дискурс о будущем среди современных левых приобретает важное значение для возможных социальных изменений, которые могут быть доступны обществу. Помимо этого, важную роль играет и то, как эти концепты влияют на представления о человеке и его месте в социально-политической системе. В данной статье предпринимается попытка реконструировать современное состояние утопии в левом социально-философском дискурсе. Для этого производится анализ таких

Цель данной статьи — описать актуальное состояние утопического дискурса современных левых, уделяя особое внимание проблеме исторически-мыслящего человека, которого неудачи левых проектов XX века оставили без права мечтать о будущем и возможном лучшем мире. Среди прочего мы рассмотрим такие концепты как «левая меланхолия», «воспитание желания» и «реальная утопия». Мы начнем с концепта левой меланхолии, так как она связана с настроем части левых, которые до сих пор находятся в упадническом настроении относительно возможностей изменения мира. Затем обратимся к идее утопии как «воспитания желания» и, наконец, рассмотрим некоторые проекты «реальных утопий».

Левая меланхолия: вчера и сегодня

Изначально термином «левая меланхолия» была озаглавлена рецензия Вальтера Беньямина на сборник стихов немецкого поэта и писателя, представителя «новой вещественности», Эрика Кестнера (1899–1974). Кестнер, по мнению Беньямина, лишь выдавал себя за левого пролетарского автора, хотя на самом деле держался «... слева не от того или иного направления, а вообще слева от всего подряд», а в его творчестве едва ли можно было найти хоть какие-то высказывания, которые относились к реальному пролетарскому движению [Беньямин, 2004: 379–380]. Кестнер никак не ответил на рецензию Беньямина, хотя можно предположить, что он о ней знал, так как они вращались в одних и тех же кругах берлинской богемы (о запутанных отношениях Кестнера и Беньямина [см., напр.: Крюкова, Коваль, 2021]).

В 1999 году к «левой меланхолии» как к состоянию левых обратилась в своем известном эссе «Сопrotивляясь левой меланхолии» политический теоретик Венди Браун [Brown, 1999]. С помощью этого концепта она пытается объяснить состояние, в котором оказались левые в конце XX века. По ее мнению, неудачи левых, частные успехи неолиберализма и общее доминирование правых связаны с провалом построения адекватного взгляда на современность, а концепт Беньямина сохраняет актуальность для описания существующего положения дел. Она отмечает, что сами по себе скорбь и грусть не являются патологическими реакциями и даже могут быть использованы в качестве средства мобилизации, что прекрасно понимал сам Беньямин. Меланхолия же представляет собой патологическую реакцию на утрату объекта любви. Браун проводит эти разграничения, используя психоаналитический подход Фрейда с опорой на его работу «Скорбь и меланхолия» [Фрейд,

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

в том, что в конце левых ожидает долгожданная победа [Traverso, 2016: 22]. По мнению Траверсо, Роза Люксембург хорошо поняла эту диалектику поражений, когда в одном из своих последних воззваний писала следующее: «Что показывает нам вся история революций нового времени и социализма? Первая вспышка классовой борьбы в Европе, восстание лионских ткачей в 1831 году, кончилась тяжким поражением; чартистское движение в Англии — поражением. Восстание парижского пролетариата в июньские дни 1848 году — сокрушительным поражением. Весь путь социализма — поскольку речь идет о революционных боях — усеян сплошными поражениями. И все-таки сама история ведет нас неудержимо шаг за шагом к окончательной победе! Где были бы мы сегодня без тех поражений, из которых мы черпали исторический опыт, познание, мощь, идеализм! Сегодня, когда мы непосредственно подошли к конечной битве пролетарской классовой борьбы, мы просто-таки опираемся на те поражения, *ни одного* из которых мы не могли избежать, ибо каждое из них — часть нашей силы и яности цели» [Люксембург, 1919].

Парадоксальным образом левая меланхолия проделала путь от негативной характеристики и упрека к тому, что можно обозначить как описательную и нейтральную оценку левых нашей эпохи, где уже нет места той революционной энергии, которую несли в себе прошлые поколения. Левая меланхолия — это своего рода защитный барьер, который позволяет левым продолжать существовать в мире, в котором исчезла уверенность в возможности альтернативы. Вместе с тем левые все еще могут черпать вдохновение из своих прошлых поражений, которые формируют фундамент, на котором может быть построена современная левая политика.

Утопия как воспитание желания

Другой возможной попыткой очертить утопическое видение в современности может быть названа позиция отношения к утопии как к воспитанию желания (*education of desire*). Впервые предложенная левым французским философом Мигелем Абенсуром, в дальнейшем она получила популярность благодаря британскому марксистскому историку Эдварду Томпсону, марксистскому культурному теоретику Реймонду Уильямсу и социальному теоретику Рут Левитас.

Абенсур впервые вводит этот концепт в своей диссертации 1973 года в связи с творчеством английского писателя-марксиста Уильямса Морриса и его знаменитой утопии «Вести из ниоткуда».

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

фантастика и утопия», в которой он занимается связью между научной фантастикой и утопической литературой. Уильямс различает четыре вида утопической литературы [Williams, 2005: 197]:

1. Рай, где описывается более счастливая жизнь где-то в другом месте.
2. Внешне измененный мир, где новый вид жизни стал возможен из-за непредвиденных природных событий.
3. Намеренная трансформация, где новая жизнь стала результатом направленных человеческих усилий.
4. Технологическая трансформация, где новая жизнь стала результатом научного открытия.

Эти типы утопической литературы могут пересекаться, а в случаях 3 и 4 их может быть трудно различить. Для прояснения различий Уильямс приводит примеры антиутопий, которые соответствуют четырем видам утопии и которые представляют собой их отзеркаленные версии. Действительная агентность присутствует только в третьем случае. Уильямс утверждает, что можно попытаться определить утопию и антиутопию через их инаковость по отношению к реализму, но указывает, что необходимо рассматривать их непрерывность и связь с реальностью.

Если же попытаться рассмотреть типы утопической литературы с этой точки зрения, то обнаруживается, что рай или ад на деле редко представляют собой утопическое или антиутопическое. В большинстве своем это проекции магического или религиозного сознания, которое безвременно и универсально, а потому недостижимо для человека. Внешне измененный мир также не всегда является утопичным или антиутопичным. Природные, магические или научные явления спасают или уничтожают, ограничивая при этом агентность человека. Только намеренная трансформация представляет собой утопический и антиутопический модус в строгом смысле, так как в них сохраняется агентность [Williams, 2005: 199].

Уильямс видит возросшую важность утопической литературы и утопии, которую оставил без внимания Энгельс, когда делил социализм на утопический и научный. Теперь утопия задает вектор желания. Уильямс ссылается на Абенсура, когда предлагает рассматривать изменения в утопической литературе, которые состоят в том, что вместо системной утопии альтернативной организации общества появляется более открытый эвристический дискурс альтернативных ценностей.

Систематическая утопия альтернативного образа жизни, по Уильямсу, основывается на двух диаметрально противоположных ситуациях: либо как утопия восходящего класса, который знает, чего хочет, либо как утопия увядающего класса, который придумывает для себя

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

относят сам аналитический марксизм к антиутопической мысли внутри социальной теории [Sousa Santos, 2020: 568].

В свой первый исследовательский период Райт фокусировался на том, что можно обозначить как классовый анализ современного общества. Райт утверждал, что современное общество представляет из себя не общество двух классов (пролетариата и буржуазии), а сложную структуру, где люди могут занимать «противоречивые классовые позиции», что вызвано дифференциацией собственности и сложной иерархией внутри современного капитализма и государства [Добринская, 2014: 45] (для более подробного анализа классовой структуры по Райту [Wright, 2000]).

Концепт «реальных утопий» возник в 1990-х годах и, по словам Райта, должен был решать проблему мышления новых антикапиталистических возможностей, которые появились после распада Советского Союза и дискредитации его экономической модели в глазах многих левых [Duououx, 2012: 4]. Реальные утопии должны дать ответ на то, каким может быть будущее вне рамок капитализма. Утопия в «реальных утопиях» означает стремление людей к выходу за пределы угнетения и несправедливости. Утопии становятся реальными в тот момент, когда помимо утопических устремлений берутся в расчет также и вопросы их практического установления и реализации, включая проблемы, которые могут возникнуть при воплощении идей в жизнь [Wright, 2011: 37].

Критическая и эмансипаторная социальная наука по Райту выделяется двумя позициями. Критическая позиция состоит в том, что признает множество форм человеческого страдания и недостаток процветания как результат функционирования существующих институтов и социальной структуры. Эмансипаторная позиция утверждает, что изменения существующих институтов и социальных структур в правильном направлении могут привести к снижению страданий и создать условия для человеческого процветания. Если первая позиция в ее самом общем изводе представляет собой нечто такое, что признается большинством социологов, то в ее более конкретных формах, когда называются источники страданий, она становится предметом споров. Вторая позиция куда более проблематична внутри социологии. Существует множество аргументов против радикальных трансформаций существующих институтов и социальной системы. Обычно эти аргументы исходят из того, что радикальные реформаторы не берут в расчет непредвиденные последствия своих реформ, что может привести к ухудшению существующего положения дел. Именно поэтому, по Райту, необходимо учитывать все возможные проблемы, которые могут возникнуть при трансформации институтов и структуры общества. Проект реальных утопий, таким образом, стремится

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

превратилась в авторитарный статизм, где само государство контролировало не только экономику, но и гражданское общество. Другим возможным вариантом альтернативы современному капитализму могут быть различные формы социал-демократического регулирования, социальной экономики (формы экономики, где государство не принимает непосредственного участия) и в конце концов социализм участия, где гражданское общество и государство совместно управляют экономикой [там же: 15–19].

В теории Райта существует три варианта изменения капитализма: разрыв, внедрение и симбиоз. Разрыв предполагает революционные изменения, которые направлены создание новых структур внутри общества. Это не обязательно насильственные изменения, они могут происходить и демократическим путем, хотя Райт и сомневается, что подобная модель изменений не будет носить авторитарного характера. Он указывает, что в странах либеральной демократии шансов на ее осуществление немного [Wright, 2010: 309–310]. Такой вариант внедрения изменений предлагает следующую картину: кумулятивное накопление малых изменений приводит к тому, что можно обозначить как качественное изменение в динамике и логике социальной системы. Этот процесс, скорее всего, не будет лишен конфликтов и борьбы за власть, поэтому в некоторых аспектах ему будут соответствовать стратегические элементы варианта разрыва. Само появление капитализма (как и изменение больших социальных систем) тесно переплетено с трансформацией феодального общества посредством внедрения [там же: 321–323]. Вариант симбиоза предполагает, что увеличение социального влияния нижних слоев общества наиболее стабильно тогда, когда помогает решать проблемы, которые стоят перед доминирующими социальными элитами (и наоборот: чем больше социальные достижения масс мешают социальным элитам, тем они более шатки). На практике такое понимание симбиоза находит свое выражение в том, что Райт обозначает как «классовый компромисс» [там же: 337–338]. В конечном счете каждая из этих стратегий играет важную роль в общем процессе трансформации социальной системы: стратегия внедрения может показать, что другое состояние возможно; стратегия симбиоза может открыть путь для стратегии внедрения; весь кумулятивный эффект подобного социального строительства может открыть путь для стратегии разрыва при неожиданных исторических условиях [там же: 365].

Подход Райта к утопиям, по мнению Рут Левитас, имеет ряд недостатков. Во-первых, анализ Райта практически не затрагивает саму утопическую традицию в социалистической мысли, ограничиваясь лишь парой ссылок на Мартина Бубера в контексте революционного процесса и внедрения изменений в жизнь с точки зрения марксизма и анархизма [Levitas, 2013: 143]. Во-вторых, понимание утопии у Райта

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

При этом надо отметить, что это далеко не все возможные подходы к мышлению об утопии внутри левой мысли (для обзора утопии в марксизме [Павлов, 2021b]). Тем не менее три данных подхода отражают современное состояние утопии в левой социально-философской мысли в трех различных аспектах: общем упадке левых (левая меланхолия), стремлении преодолеть этот упадок средствами социальной науки (реальные утопии) и сохраняющейся направленности на всеобщность изменений (утопия как воспитание желания). Человек как агент социальных изменений в рамках этих трех концепций получает возможность вновь взяться за изменение мира согласно своим желаниям, проектам и мечтам, осознавая всю ту сложность, которую ему оставила прошлая революционно-утопическая эпоха.

From Left Melancholy to Real Utopia: Modern Left About the Future

Sultanbek V. Andiev

Post-graduate Student of the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities.

HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya Str., 105066 Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0001-8841-6964

andievsultanbek@gmail.com

Abstract. The failure of the project of socialism in the twentieth century led to what can be designated as a loss of horizon of expectations. People are increasingly focused on the present, and the future, if considered, is more as a source of fears and uncertainty, and not as an opportunity to implement human aspirations and projects. Various methods of “privatization” of their living space lead to escapism from more global social projects. Even the very idea of utopia becomes privatized as part of the current state of affairs. Thus, there is a crisis of ideas about the future, which calls into question how humanity will develop in the future. In this situation, the discourse about the future among modern leftists acquires important values for possible social changes that can be available to society. In addition, how these concepts affect the ideas about a person and his place in a socio-political system also play an important role. This article tries to reconstruct the current state of utopia in the left social and philosophical discourse. For this, an analysis of such socio-political concepts as “left melancholy”, “utopia as education of desires” and “real utopia” is carried out. The conclusion is made of varying degrees of relevance and importance of these concepts for society as a whole and a person in particular.

Keywords: utopia, Marxism, melancholy, future, left, education of desire, Walter Benjamin, Raymond Williams, science fiction, presentism.

For citation: Andiev S.V. From Left Melancholy to Real Utopia: Modern Left About the Future // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 2. P. 121–135. DOI: 10.31857/S0236200724020071

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015.
Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST Publ., 2015.
- Abensour M. William Morris: The Politics of Romance. *Revolutionary Romanticism: A Drunken Boat Anthology*. San Francisco: City Lights Books, 1999.
- Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge: Polity, 2006.
- Brown W. Resisting Left Melancholy. *boundary 2*. 1999. Vol. 26, N 3. P. 19–27.
- Dean J. Communist Desire. *The ends of history: questioning the stakes of historical reason*, A. Swiffen, J. Nichols (eds.) Abingdon: Routledge, 2013. P. 5–22.
- Duovoux N. Analytic Marxism and Real Utopias An interview with Erik Olin Wright. URL: https://booksandideas.net/IMG/pdf/20121116_itw_wright.pdf. (date of access: 30.10.2023)
- Eagleton T. Utopia and its Opposite. *Socialist Register*. 2000. Vol. 36. P. 31–39.
- Furet F. *The Passing of an Illusion: the Idea of Communism in the Twentieth Century*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Hartog F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia Univ. Press, 2015.
- Jacobsen M. H., Tester K. Sociology, Nostalgia, Utopia and Mortality: A Conversation with Zygmunt Bauman. *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10, N 2. P. 305–325.
- Jacoby R. *The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy*. New York: Basic Books, 1999.
- Jameson F. *Archeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York: Verso, 2005.
- Levitas R. *The Concept of Utopia*. Oxford: Peter Lang, 2011.
- Levitas R. *Utopia as Method: the Imaginary Reconstruction of Society*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Nadir C. Utopian Studies, Environmental Literature, and the Legacy of an Idea: Educating Desire in Miguel Abensour and Ursula K. Le Guin. *Utopian Studies*. 2010. Vol. 21, N 1. P. 24–56.
- Sousa Santos B. D. The Alternative to Utopia Is Myopia. *Politics & Society*. 2020. Vol. 48. N 4. P. 567–584.
- Thompson E. Romanticism, Utopianism and Moralism: The Case of William Morris. *New Left Review*. 1976. N 99. P. 83–111.
- Thompson P., Žižek S. *The Privatization of Hope: Ernst Bloch and the Future of Utopia*. Durham: Duke Univ. Press, 2013.
- Traverso E. *Left-wing Melancholia: Marxism, History, and Memory*. New York: Columbia Univ. Press, 2016.
- Williams R. *Utopia and Science Fiction. Culture and Materialism*. London: Verso, 2005.
- Wright E.O. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Wright E.O. *Envisioning real utopias*. London; New York: Verso, 2010.
- Wright E.O. Real Utopias. *Contexts*. 2011. Vol. 10. N 2. P. 36–42.
- Wright E.O. Transforming Capitalism through Real Utopias. *Am Sociol Rev*. 2013. Vol. 78. N 1. P. 1–25.

С.В. Андиев

От левой меланхолии к реальной утопии: современные левые о будущем

DOI: 10.31857/S0236200724020088

©2024 Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

СОЦИАЛЬНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ В СОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ ЧЕЛОВЕКА

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. Научный сотрудник института образования и гуманитарных наук. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Российская Федерация, 236041 Калининград, ул. А. Невского, д. 14. ORCID 0000-0002-5820-7333 gtul@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка обобщения опыта осмыслений советского проекта нового человека, осуществленных в XXI столетии. Провозглашенное создание коммунистического общества предполагало не только ликвидацию частной собственности, развитие соответствующих социальных отношений. Эти радикальные преобразования одновременно формировали новое сознание у участников этого процесса и нуждались в активных его акторах. Такой радикальный антропологический эксперимент был весьма противоречив как по ходу его реализации, так и по результатам. С одной стороны, пропаганда и система

Статья подготовлена в рамках исследования «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда в Балтийском федеральном университете им. И. Канта; грант № 22-18-00591.

образования формировали и транслировали запрос на личность, способную к самостоятельным творческим действиям, взятию на себя ответственной инициативы, с другой — реальные практики социальной жизни регламентировались жестким контролем, пресекавшим любую самостоятельную инициативу. В результате первоначальный энтузиазм преобразований, а также потенциал первого собственного советского поколения были исчерпаны массовыми репрессиями. В конечном счете практики контроля и соответствующего социального отбора породили парадоксально сочетающиеся инфантильную безответственность и нетерпимость. Недоговороспособность, неумение и нежелание выстраивать горизонтальные отношения закрепили опыт решения всех вопросов исключительно через властную вертикаль посредством просьб, жалоб и доносов. Социум расслоился на два взаимодополняющих друга друга типа людей: тех, кто имеет чрезвычайно мало возможностей самостоятельного обустройства своей жизни, и тех, кто безответственно распоряжается этим человеческим материалом. В анализе используются материалы масштабного социально-философского исследования, реализованного С.А. Никольским, ряд социально-этических идей А.А. Зиновьева, а также прагмасемантический подход, позволяющий рассматривать смыслообразование как результат взаимодействия контекстов, задаваемых социально-культурными практиками. В результате проведенного рассмотрения советский опыт предстает убедительным уроком-предупреждением о следствиях формализации социальных отношений. Это особенно актуально применительно к условиям современной ситуации, когда социально-культурные практики в цифровом формате сводят смыслообразование к нормативным алгоритмам, «укрощая» субъектность — основной источник динамики смыслообразования.

Ключевые слова: антропологический идеал, личность, ответственность, прагмасемантика, советское, социально-культурный инжиниринг, социальность, субъектность, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Тульчинский Г.Л. Социальность и субъектность в советском проекте человека // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 136–152. DOI: 10.31857/S0236200724020088

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

Исходные соображения

Каждому человеку, любому обществу в той или иной степени свойственно стремление к развитию, изменению обстоятельств в лучшую сторону. Иногда это стремление вырастает в масштабные проекты переустройства общества путем реформирования или радикального преобразования основ социального существования. Подобные проекты становятся серьезными вызовами их инициаторам, участникам, требуют новых представлений человека о своем месте в мире, социуме, самом себе, возможных и

процессе с другими людьми. Но одно дело, когда эти практики меняются постепенно, «явочным порядком» интегрируя складывающийся опыт в новый социальный порядок, который становится равнодействующей воли и интересов. И другое — когда изменения оказываются программой некоего единого инжиниринга — не только социально-культурного, но и антропологического. А советский проект был именно таким — в ходе его реализации был проведен грандиозный эксперимент создания принципиально иного типа общества, предполагающего не просто культурную революцию, а формирование нового человека. Поэтому в этом случае ключевой вопрос формулируется следующим образом: кто занимается переустройством социума и других людей, откуда берутся такие «прогрессоры», и если они суть порождение этого же социума, то насколько новый проект они предлагают?

Предпосылки анализа

Уникальный советский культурно-исторический феномен с его типологически специфическим образом жизни, социального обустройства, самоопределения и позиционирования личности философско-антропологическими, морально-нравственными, социально-психологическими проявлениями не случаен для российской культуры, поскольку имеет в ней глубокие корни, воплощающие ее в почти эйдетически чистой форме. Предыстория этого проекта довольно основательна. Наверное, следует начать с апофатичности («пасхальности») восточного христианства, в котором позитивная божественная сущность в этом мире не дана — она его покинула, оставив надежду на спасение и воскресение [Есаулов, 2020]. Вследствие чего жизнь в этом мире, как и ее атрибуты (здоровье, благополучие, собственность, труд, право), ценностью не является. «Здесь и сейчас» — юдоль страдания, предуготовления к воздаянию в являющейся ценностью жизни иной: в потустороннем мире, светлом будущем, где-то еще, но не «здесь и сейчас»¹.

Эта глубокая «пасхальная» апофатичность проявилась и в российской художественной культуре, включая предмет ее особой гордости — литературу. Так, обширное исследование А.П. Давыдовым русской классической литературы (содержание и результаты более

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

¹ В катафатическом западном христианстве главным праздником является Рождество — празднование прихода божественной сущности в этот мир, в каждый дом, а дизайн храма носит изобразительно-телесный характер. Наверное, неспроста именно в рамках этой традиции возникло позитивное естествонаучное знание. Роли практик накопления в возникновении и эволюции катафатичности посвящены некоторые работы [подробнее см.: Травин, 2022; Тульчинский, 2022a].

средств массовой коммуникации и участия в социальной жизни. Что, собственно, и обеспечивалось советским режимом в его своеобразной мифократической форме. В Европе этот процесс начался раньше и шел не так бурно. В России же не оказалось ни полноценной элиты, ни гражданского общества — главных корректоров культуры массового общества. «Явился пренебрегший театральной рампой хор и принялся управлять жизнью. Только явился он не в античных одеждах, а в мужицких зипунах, солдатских шинелях и кожанках Чека» [Кантор, 2011: 204].

Однако было еще нечто важное, не улавливаемое с чисто экономической и политической точек зрения. Речь идет о том, что В.К. Кантор называет «фактором X» [там же: 205], связывая его с определенным антропологическим, психологическим типом, вышедшим на первый план. Речь идет о нарастании акцентирования актерства в реальной жизни. Эта тенденция отмечалась и чувствовалась на рубеже XIX–XX веков многими, а после катастрофы Первой мировой войны даже бросалась в глаза. Актерствовали «святой старец» Г. Распутин и «пишущий босяк» купеческий внук А. Пешков (М. Горький), футурист в «желтой кофте» В. Маяковский и стилизующийся под черного мага В. Брюсов. То же и в политике. Российские революционеры выступали под кличками, за которыми стояли не только требования конспирации. И. Джугашвили взял партийную кличку Коба в честь романтического разбойника из грузинского романа. Потом он стал Сталиным, а сын приказчика и внук купца В. Скрябин — Молотовым. «Театрализованным разбойником» называл Л. Троцкого П. Сорокин. Да и А. Гитлера, Б. Муссолини современники попервоначально называли шутами и клоунами, а их «перевороты» — буффонадами.

Однако дело даже не в трикстерстве (которое само по себе заслуживает отдельного внимания) — просто музилевский «человек без свойств» становящегося массового общества был очень пластичным и в этой своей пластичности чутко реагирующим на вызовы времени, включая акцентированно декларируемые идеалы. Похоже, дело не столько в каком-то злодее-тиране. Сам он оказывается ответом на масштабный запрос о том, как строить новую жизнь в ситуации рухнувших ориентиров. В ситуации, когда личность, как писал Г.Г. Шпет, «распускается», как кусок масла на сковородке (а когда российская «сковородка» была не раскалена?), возникает не только сладость ощущения «слиянности», но и готовности «слиться» в предлагаемые привлекательные формы.

В контексте обсуждаемой темы важен тот факт, что в первые два послереволюционных десятилетия сформировался особый тип (отчасти даже поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека».

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

культуры, посредством системы образования, принятой у нас с середины 1930-х годов, принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности [Щедровицкий, 2001]. И это было очень точное свидетельство. Само становление советского режима — и чем дальше, тем все больше — сопровождалось нарастающей регламентацией, неприятием способности именно к автономному ответственному поведению. В художественной литературе, кино, системе образования, системе пропаганды провозглашался свободный творец, тогда как в реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до глубоких седин не был хозяином своей собственной жизни.

С.А. Никольский прав: многое зависело от насилия и страха. Но их дополняли мощная пропаганда великих и славных идеалов, провозглашение советского человека как свободного творца, тогда как реальные границы свободы и ответственности сводились к границам кожно-волосяного покрова, хотя даже в них человек не был хозяином своей жизни, не говоря уже о стране. В этом плане кейс советского опыта противоречив. С одной стороны, налицо культурная революция, всеобщее образование, культ здоровья, гигиены (одна система канализации в Петрограде/Ленинграде чего стоит!), физкультура и спорт. С другой — в заорганизованном, идеологически контролируемом социуме это было проявлением заботы о «человеческом материале», но не о потенциале личностной субъектности. Такое общество расслаивалось на «прогрессоров» и этот самый «человеческий материал» — «новых людей», которые свободны, так как познали необходимость. Кто не осознал — тот враг народа, нежелательный элемент, агент, имеет прочие клейма, а то и сразу — 10 лет без права переписки. В результате запуганные люди решают свои проблемы не «горизонтально», а только через «вертикаль» самозванных «прогрессоров».

Сей усиленный властным нажимом процесс в конечном счете породил глубоко коренящиеся до наших дней, парадоксально сочетающиеся друг с другом инфантилизм, безответственность («выученная гражданская беспомощность») и нетерпимость. Люди оказались не способны к выстраиванию «горизонтальных» отношений, решению своих проблем самостоятельно. Была выработана привычка все вопросы — от производственных до личных — решать через «вертикаль», с помощью либо жалобы, либо доноса. В этом кроется и удивительная недоговороспособность. В спорах — и в бизнесе, и в политике, и в личной жизни — играют игры «с нулевой суммой»: все либо мне, либо тебе. Подготовленные медиаторы — специалисты по посредничеству

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

ритуалов, было названо «*communitas*» [Turner, 2012] и получило новое осмысление на материале майских событий 1968 года во Франции [Agamben, 1993; Nancy, 1991]. Такое состояние выходит на первый план во время революций, войн, иногда во время массовых мероприятий, грандиозных кампаний (например, коллективной травли).

Что же касается трех аспектов, векторов реализации социальности в жизни «человейников», то это зиновьевское обобщение порождает ассоциации с фроммовскими модусами бытия «иметь» и «быть», западными и восточными культурами управления и коммуникации у Г. Хофстеде [Hofstede, 2001] и Р. Льюиса [Lewis, 2018], двумя форматами этики В. Лефевра [Лефевр, 2003]. Поэтому (пост)советская коммунальность — не срыв в архаику, а акцентированный вектор социального бытия. Показательно совпадение этого различения и с недавним социологическим исследованием мотивации стартаперов в России и их коллег в Финляндии, Китае, Корее [Фантастические миры, 2019]. Иностранцы ориентируются на конечный результат (внедрение и монетизацию), отечественные — на процесс и признание таланта (но не конечного результата, так как выскочек не любят). Это объясняет, почему при таком большом количестве талантов российский бизнес и технологии не реализуются на родине, где остается удручающе низкий уровень производительности труда. А для конечного успеха надо выезжать (как, к примеру, П. Яблочков, И. Сикорский, В. Зворыкин... вплоть до Д. Бутерина).

Однако дело, очевидно, не столько в различении коммунального («быть») и делового («иметь») принципов управления по целям (по-американски) и по ценностным нормам (по-японски), сколько в их соотношении и дополнении, балансе. Цели определяют по шкале ценностей, которые задают поле возможного выбора, как дорожные правила задают общие правила, руководство которыми позволяет водителям достигать целей. Аналогичны соотношение и дополнительность целей бизнеса и норм корпоративной культуры. Да и А.А. Зиновьев полагал, что «хрен» западнизма не слаще «редьки» реального коммунизма: оба они насаждают консолидирующий ментальный план, обеспечивающий легитимность власти.

Такого рода социальности у А.А. Зиновьева противостоит индивидуальная мораль человека, выживающего в социальности. Либо растворяющегося в ней (отказ от субъектности человека «массового», «убежденного», по Р. Хофферу [см.: Хоффер, 2017]), либо использующего законы социальности в своих целях для

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

властной волей, претендующей на творение сущего из его отсутствия. Закрепленный Гражданской войной, коллективизацией, идеологией усиления классовой борьбы, которая подкреплялась репрессиями, этот опыт сказывается до сих пор. Более того, применительно к новым цивилизационным условиям он оказывается «пробой пера».

Информационно-коммуникативные технологии в цифровых форматах, пронизывающие все сферы современной социальной жизни, отчетливо выявляют две технологически подкрепляемые тенденции. С одной стороны, это невиданный ранее жизненный комфорт, обеспечиваемый широкой доступностью к каналам коммуникации. Одним из его следствий становится возможность непосредственной презентации эмоциональных переживаний, что оборачивается обилием непроверенной, ложной информации, порождающей конфликтность и агрессивность, доходящую до травли, практик «отмены» и т.п. Будучи подкрепленными широким использованием ИИ, эти процессы становятся мощным инструментом манипулирования, угрозой ущерба репутации, здоровью, благосостоянию, жизни. С другой стороны, это все разрастающаяся тенденция обеспечения безопасности, контроля, которая, опять-таки подкрепляемая технологически, порождает колоссальное искушение власти властью такого всеобъемлющего контроля.

Относительно проблемы субъектности обе тенденции технологически сливаются в формировании целостной, алгоритмически выстроенной среды, которую ее создатели называют «экосистемой» или «метавселенной». Здесь человек вынужден встраиваться в созданные заранее алгоритмы поведения и мысли, во все большей степени становясь не столько пользователем, сколько опцией этой среды [Тульчинский, 2023]. В рыночной среде большие данные порождает новый вид ренты («экзистенциальной»), когда самим фактом своего существования, включая потребление, человек оставляет данные, которые аккумулируются, обрабатываются и монетизируются. А в социальной среде личность вынуждена встраиваться в жесткие рамки контроля — от системы образования, сводящегося к тестам, до форматов социального рейтинга своего поведения, образа жизни. От человека требуется не осмысляющая рефлексия, а геймерская реакция, реализующая правильный алгоритм. Поле субъектности сужается до ее сердцевины и истока — эмоционального переживания жизненного процесса, восходящего к телесному опыту. «Новая животность» и «homo sacer», о которых ярко и убедительно пишет Д. Агамбен, обретают отчетливые формы [Агамбен, 2011].

В терминологии А.А. Зиновьева, западнистский «человеиник», акцентированный на экономические аспекты своего существования,

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

понимания человека, перспектив культуры и личности в контексте интенсивнейшей трансформации социального бытия в наше время. Цифровые технологии, формализующие социально-культурные практики, меняют не только экономику, политику, образование, но и весь образ жизни, в результате чего намечается некоторый дисбаланс в сторону технологически обеспеченного «укрощения» вменяемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности, в социальном — в перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности (при этом здесь на первый план выходит «менталитетный» аспект — специфика смысловой картины мира, консолидирующей конкретный социум, не способной к конструктивному взаимодействию с другими, зачастую им исключительно противостоящей).

Все вышеозначенное, как представляется, порождает новый запрос на гуманитарное знание, на институционализацию комплексной гуманитарной экспертизы не только и не столько последствий реализации новых технологий, но и целей, содержания и хода их разработок, а также процесса их внедрения, включая участие во всех этих этапах.

Sociality and Subjectivity in the Soviet Man Project

Grigorii L. Tulchinskii

DSc in Philosophy, professor, professor of the Department of Public Administration.

National Research University Higher School of Economics.

16 Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg 190008, Russian Federation.

Researcher of the Institute of Education and Humanities.

Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Alexander Nevsky Str., Kaliningrad 236041, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Abstract. An attempt has been made to generalize the experience of the understanding the Soviet project of the new man, carried out in the 21st century. The proclaimed creation of a communist society implied not only the elimination of private property, the development of corresponding social relations. These radical transformations simultaneously formed a new consciousness among the participants in this process, required active actors. This radical anthropological experiment was very controversial both in its implementation and in its results. On the one hand, propaganda and

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

- Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. Магадан: Новое время, 2020.
Esaulov I.A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [The Easter of Russian Literature]. Magadan: Novoe vremya Publ., 2020.
- Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Канон+, 2022.
Zinoviev A.A. *Faktor ponimaniya* [Understanding Factor]. Moscow: Kanon+ Publ., 2022.
- Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011.
Kantor V.K. “*Krushenie kumirov*”, ili *Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii)* [“The Crash of Idols”, or Overcoming Temptations (The Formation of Philosophical Space in Russia)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011.
- Лефевр В.А. Алгебра совести / пер. с англ. В. Лефевр, Е. Юдиной. М.: Когито-Центр, 2003.
Lefebvre V.A. *Algebra sovesti* [Algebra of Conscience], transl. from Engl. by V. Lefevr, E. Yudina. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2003.
- Никольский С.А. Переустройство общества и пересоздание человека: крах иллюзий // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023а. Т. 7, № 2. С. 203–222.
Nikolsky S.A. Pereustroistvo obshchestva, peresozdanie cheloveka: krakh illyuzii [The Reorganization of Society, the Re-Creation of Human: The Collapse of Illusions]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2023a. Vol. 7, N 2. P. 203–222.
- Никольский С.А. Советское. Идея и практика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023б.
Nikolsky S.A. *Sovetskoe. Ideya i praktika* [Soviet. Idea and Practice]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2023b.
- Никольский С.А. Советское. Философско-литературный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.
Nikolsky S.A. *Sovetskoe. Filosofsko-literaturnyi analiz* [Philosophical and Literary Analysis]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024.
- Советское бытие: От укоренения до преодоления: Коллектив. науч. моногр. / науч. ред. Т.С. Злотникова, С.А. Никольский. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022.
Sovetskoe bytie: Ot ukoreneniya do preodoleniya: Kollektivnaya nauchnaya monografiya [Soviet Life: From Rooting to Overcoming: Collective Scientific Monograph], ed. by T.S. Zlotnikova, S.A. Nikolsky. Yaroslavl': YGPU Publ., 2022.
- Травин Д.Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.
Travin D.Ya. *Kak gosudarstvo bogateet: putevoditel' po istoricheskoi sotsiologii* [How a State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology]. Moscow: The Gaydar Institute Publ., 2022.
- Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ // Политическая концептология. 2022а. № 3. С. 29–48. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.3.2948

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА: НОВАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ ОБЕСЦЕНИВАНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Кажберова Варвара Валентиновна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Проблемной НИЛ факультета журналистики Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1.
ORCID 0000-0001-8732-8479
kazhberovavv@gmail.com

Аннотация. Современная реальность такова, что социальные медиа — сайты с возможностью комментирования, социальные сети, сайты знакомств и отзывов, тематические форумы, википедии — неотъемлемая часть жизни каждого человека. Число пользователей таких медиа непрерывно увеличивается, особенно «взрывной» рост наблюдается в последние два года. Действительно, онлайн-общение многопланово, гибко, динамично и удовлетворяет многие потребности человека. Но в то же время многократно увеличивается риск обезценивания личности, что становится одной из ключевых проблем современного общества, его этики и морали. В итоге на фоне глобальных медиапроцессов (медиа-тизации, цифровизации, информатизации) происходит десакрализация ряда профессий, а на индивидуальном уровне — девальвация личности. Эти тенденции противоречат представлениям о современной медиасреде как о развитом гуманитарном пространстве. В статье намечены возможные пути решения обозначенных проблем: среди них наращивание медиакомпетенций, создание «экологических» медиапродуктов, совершенствование технологий, специализаций, норм и рекомендаций.

62% — десктопами, 22% — смарт-ТВ, 20% — планшетами [там же]. Среди программ и приложений лидируют социальные сети, мобильное видео и ТВ, мессенджеры, банки, интернет-магазины.

По данным ежегодного отчета Global Digital 2021, социальными сетями пользуются уже около 68% населения, проводя в них в целом не менее 7 часов в день, включая работу. Из них 3,5 часа люди через мобильный Интернет общаются, переписываются, просматривают видео, играют в игры [Global Digital 2021. **We Are Social и Hootsuite, 2021**]. При этом существенно увеличилось время, которое люди проводят в социальных медиа: если в 2015 году оно составляло 1 час 50 минут, то сейчас в среднем 2,5 часа в день. Причем в социальных медиа не только общаются: 42% пользователей в России активно ищут там информацию, включая сведения о товарах и услугах. Так, больше половины представителей молодого поколения 16–24 лет сообщили, что ищут бренды в соцсетях, а не в поисковых системах [там же].

Люди постепенно переходят на социальные медиа и для получения информации: так, по данным ВЦИОМ, в 2021 году 35–59-летние представители общества (61–64%) продолжили активно смотреть ТВ, но пользуются и Интернетом; напротив, 69% молодежи в возрасте 18–24 лет и 48% 25–34-летних совсем не смотрят ТВ, предпочитая Интернет (с 2018 года группа предпочитающих Интернет возросла более чем вдвое) [Медиапотребление россиян: мониторинг]. 36% пользователей узнают новости из онлайн-СМИ, 37% — из социальных сетей. При этом 31% читают новости в Интернете ежедневно и даже несколько раз в день; 24% — практически каждый день. Однако сейчас категорию активных пользователей социальных медиа составляет не только молодежь, но и люди среднего возраста, особенно 50-летние и старше [там же]. При этом почти все пользователи соцсетей зарегистрированы как минимум на двух разных платформах, в среднем на одного человека приходится около семи аккаунтов [Global Digital 2021. **We Are Social и Hootsuite, 2021**].

В целом все больше людей, особенно молодых, предпочитают онлайн-активность офлайну (например, по данным Deloitte, 56% россиян выберут просмотр фильма онлайн вместо посещения кинотеатра). Возможно, здесь добавляется влияние пандемии коронавируса — она ускорила переход многих услуг и развлечений в онлайн-формат, а также сделала более явными многие тренды медиапотребления.

Современные теории поколений и анализ практик медиапотребления позволяют разделить пользователей на группы по ценностям и убеждениям, формируя в каждой из них портрет медиапотребителя. Так, пользователи 38–57 лет (поколение X) пользуются

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

Интернетом, но не «живут» в нем, предпочитая обилие форматов и платформ, качественный и познавательный контент. Люди в возрасте 17–37 лет, или поколение Y (активные пользователи Интернета и социальных медиа), ценят обилие и плюрализм мнений, независимость медиа, имеют преимущественно визуальное восприятие (мультимедиа, инфографика). Предпочтительные платформы для них — социальные сети и мессенджеры. Наконец, поколение Z (подростки до 17 лет) выбирают образовательный контент, понятные объяснения, мобильные приложения (с возможностью просмотра в социальных медиа и мессенджерах), не воспринимая при этом коммерческие проекты, манипуляцию, рекламу [Олешко, 2020; Strauss, 1992]. Портреты медиапотребителей, карты их предпочтений помогают понять, почему растет популярность социальных медиа и как эти медиа влияют на самознание человека.

Новая ценность личности, обусловленная развитием социальных медиа

На современном этапе развития общества ценность человеческой жизни не подвергается сомнению: это зафиксировано как в национальных (Конституция РФ), так и международных документах (например, Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года; Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 года).

Говоря о новой ценности человека, в контексте этой статьи мы имеем в виду не базовую ценность личности как таковую, а информационную, медийную ценность, которая была совершенно иной у абсолютного большинства людей еще 10–12 лет назад.

Потребности в успешном социальном общении, общественном признании, уважении и самоуважении входят в круг базовых потребностей человека, что отметили многие исследователи еще в середине XX века [Маслоу, 1999]. Однако в эпоху социальных медиа эти потребности также трансформируются, переходя в онлайн. Так, например, за последние два года число пользователей социальных медиа в России возросло на 30%, достигнув 64 млн человек в 2020 году (по итогам 2021 года — 66 млн человек) [см.: Brand Analytics 2021], и этот рост только частично можно объяснить распространением пандемии коронавируса. Каким образом социальные медиа влияют на понимание человеком своей ценности? Объясним это на примерах.

Именно в социальных медиа человек чувствует себя не только реципиентом — пассивным потребителем информации, но и полноценным актором — действующим лицом. В эпоху традиционной журналистики (середина – конец XX века) тоже существовала «обратная связь», например, в виде встреч с читателями или писем в редакцию. Однако читатель, как правило, видел в журналисте человека, имеющего совершенно иной, отличный от своего, медийный статус. Журналист обладал информационной властью: решал, что, как и когда ему осветить. Обычный читатель не мог даже представить, что журналисту можно, например, диктовать, о чем и как ему нужно писать. Сегодня каждый человек может вести блог или влог, публиковать посты, паблики, создавать и размещать UGC-контент (в переводе с английского языка «users generated content» — контент, созданный пользователями, или гражданская журналистика в социальных медиа (в противовес контенту профессиональных редакций СМИ). Общение в связке «человек — журналист» происходит, скорее, на равных. Более того, иногда читатель даже чувствует себя несколько выше, на правах «социального заказчика» тех или иных тем, материалов, движений мысли. Вчерашний читатель СМИ, современный пользователь соцсетей, блогер часто дает профессиональному журналисту советы, критикует его, оценивает. Безусловно, все это повышает медийную ценность человека — как в собственных глазах, так и в глазах окружающих, а также влияет на структуру контента и технологии подготовки материалов СМИ. В целом журналисты готовы все чаще прислушиваться к мнению активной аудитории, гибко реагировать на ее запросы, несмотря на ряд ограничений. Главным ограничением использования социальных медиа как полноценного источника информации остается сложность фактчекинга: материалы гражданской журналистики, созданные непрофессионалами, часто содержат фактические ошибки, мнения вместо фактов, а иногда и фейки. Все это снижает доверие к UGC-контенту, несмотря на такие его преимущества, как неангажированность, локальная повестка, скорость передачи.

Пример

Вам нужно было изменить угол зрения, опросить тех, кто находится на Украине... где же ваша беспристрастность? И почему вы не спросили у беженцев про сбитый боинг? (Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация сохранены. — В.К.) (Из комментариев к посту журналиста со ссылкой на его статью о беженцах Донбасса, март 2022 года.)

Высокая степень персонализации информационных, коммуникационных и медийных технологий подчеркивает уникальность

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

TrendNero 2021]. При этом число тех, кто набрал менее 10 тыс. подписчиков, столь же велико и их количество также растёт². Возможность поделиться мыслями и чувствами, личными лайфхаками, найти единомышленников и даже фолловеров также позволяют человеку почувствовать себя более значимым.

Социальные сети предоставляют неограниченные возможности самореализации в самых разных профессиональных, тематических и социальных направлениях. Если человек не имеет достаточно навыков, времени и мотивации для ведения собственного блога (страницы, группы, публика), он легко может найти площадки для общения и коммерции. Например, занимающиеся шитьем, вязанием, декорированием или созданием украшений на сервисе «Ярмарка мастеров» могут общаться с другими мастерами и пользователями, а также продавать свои работы. «Знатоки города» могут поделиться своим опытом, поставить оценку кафе, ресторанам, театрам, сервисам, медицинским и иным учреждениям. Существуют многочисленные группы и публики любителей литературы (и писателей), истории, психологии, философии, домашних животных и др. Во многих социальных медиа есть возможность обучения, тьюторства, обмена опытом, а также последующего сбыта товаров и/или услуг. Увлечение может стать дополнительным заработком или даже новой профессией человека, причем никто не ограничивает его в выборе интересных ему направлений. На уровне мотивации ряд исследователей относят «принадлежность к группе» к числу новых базовых потребностей человека [Kenrick, 2010].

Социальные медиа дают возможность выстроить свой «мир» и управлять им, сконструировать реальность, необходимую человеку. Если другой пользователь (публик, группа) в эту реальность не вписывается, его можно удалить, заблокировать, отписаться от него. Невозможность детальной проверки личности позволяет

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

² В рамках этого исследования мы не рассматриваем такую мотивацию, как желание заработать. Заметим лишь, что заработок в социальных медиа доступен не каждому. Некоторые платформы, например, «Яндекс.Дзен», после своего старта в 2014 году предложили достаточно привлекательные программы монетизации, однако для ощутимого эффекта блогеру нужно набрать значительное число просмотров. Непрозрачность системы в целом (алгоритмы показа, выбор тем и т.д.), высокие трудозатраты (посты необходимо писать ежедневно), непредсказуемая реакция аудитории (невозможно объяснить, почему одни блогеры становятся популярными, а другие, схожих тематик и направлений, терпят неудачу), отсутствие прямой зависимости между знаниями и талантами блогера и его успехом (на успех влияют не только знания, но и, например, стиль подачи, тональность, чувство юмора, умение общаться с подписчиками и т.д.) способствуют тому, что в общей массе блоги остаются увлечением и дополнительным источником дохода, но не бизнесом.

далеко не все отрицательное воздействие напрямую связано именно с личностными (ценностными) изменениями.

В России идентичных по длительности наблюдений и исследований не проводилось. Однако периодические «срезы» впечатлений пользователей в целом подтверждают общую тенденцию. Согласно одному из последних опросов (2021 год), 49% людей испытывают негативные эмоции, пользуясь социальными медиа, о чем свидетельствуют данные исследования платформы Perfluence, сервиса психотерапии Zigmund.Online и агентства аналитики ResearchMe (респондентами стали пользователи от 18 до 55 лет — более 5 тыс. человек) [Исследование... 2022]. Так, 34% пользователей признались в зависимости от онлайн-платформ, 26% сообщили, что были расстроены негативными сообщениями (агрессией, оскорблениями) в свой адрес. Были отмечены также такие состояния и чувства, как тревога, зависть, усталость, раздражительность [там же]. Существуют не только количественные, но и качественные исследования, которые подчеркивали риски обезличивания общения в социальных медиа, анонимности, асоциальности, потери приватности, обмана и мошенничества [Ефимова, 2016]. В целом подобные исследования появляются регулярно с 2010 года [Салимовский, 2011; Солдатова, 2020; Grigoriev, 2022].

Безусловно, все эти факторы важны и могут взаимно влиять друг на друга. И все же в рамках этой статьи автор считает необходимым обратить внимание на риск обезличивания как один из наиболее опасных, затрагивающих «ядро» личности. В настоящий момент этот риск в современных исследованиях специально не акцентируется. По мнению автора, сохранение личности человека — важный показатель зрелости общества, его гуманистического развития. Напротив, девальвация ценности человека — наиболее травмирующий вид психологического насилия. Нарушения, развивающиеся после такого вида воздействия, затрагивают все уровни функционирования человека, провоцируют устойчивые изменения в структуре личности [Аптикиева, 2020].

Кроме того, есть основания считать, что риски девальвации личности существенно возросли в последние годы, когда общество столкнулось с серьезными социальными, медицинскими и политическими вызовами.

Так, одним из наиболее дискуссионных вопросов стали меры против коронавируса COVID-19, которые включали вакцинацию населения. Анализ комментариев пользователей социальных медиа показал, что эта тема вышла за рамки медицины и здравоохранения и приобрела ярко выраженные ценностные, политические и экономические черты; в ходе обсуждения пользователи демонстрировали высокий

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обезличивание личности?

Конечно, состояние стресса, шока, паники, стремление защитить собственные ценности и границы являются естественными для человека и отчасти ими объясняется накал эмоций в социальных медиа — они в этом случае только отражают ситуацию в социуме.

Помимо естественных настроений и побуждений впервые масштабно проявилась такая тревожная тенденция, как попытка сведения личности собеседника только к его позиции по одному из вопросов («личность» = «позиция»), запрет на иные мысли и чувства, неспособность увидеть оттенки смыслов. Эти проявления относятся к черно-белому мышлению и могут быть зафиксированы и в офлайн-общении. Тем не менее в реальной жизни намного реже встречаются ситуации, когда люди, незнакомые или малознакомые, внезапно стали бы агрессивно выяснять позиции друг друга по актуальным вопросам. Возможность анонимности, легкость установления контакта и выхода из него, мобильность и скорость реагирования, при всех их преимуществах, делают социальные медиа идеальной средой для идейного давления, насилия и агрессии.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что все преимущества социальных медиа, перечисленные выше, могут иметь обратную, негативную сторону.

Так, возможность быть актором, действующим лицом информационного поля в своем максимальном развитии оборачивается иллюзией, в которой действие заменяет смысл. Об этом эффекте говорил Г. Дебор, описывая общество спектакля, где человек не является собой — он воплощает модель образа жизни, которую хочет видеть общество [Дебор, 2000]. В крайнем своем выражении идея спектакля, шоу доходит до полного отрицания ценности жизни и здоровья акторов: например, пользователи социальных медиа, блогеры все чаще рискуют жизнью, делая селфи. За последние 13 лет наша страна оказалась по этому показателю на третьем месте в мире, причем в последние годы произошел рост: только за шесть месяцев 2021 года погиб 31 человек, что уже составляет 10% от числа всех погибших с 2008 года [Международный рейтинг IQ Foundation с 2008 по 2021 год].

Обесценивание человека, его личности, эмоций и переживаний демонстрируется на ток-шоу, где элементы исповеди и самоисповеди, прилюдных откровений, раскаяния, катарсиса являются обязательной частью программы. Это опасно еще и тем, что полностью размывается граница между личным и общим, сакральным и массовым. В итоге в последние десять лет мы можем наблюдать «практически беспрецедентный подъем, взрыв интереса к частной, скрытой, тайной составляющей чужой жизни» [Князева, 2021: 73],

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

мнений оборачивается тем, что в медиасреде легче самоутвердиться не эксперту, а человеку, имеющему «модную» точку зрения, активную жизненную позицию, интересный стиль изложения. Напротив, каждый пользователь, имеющий реальные профессиональные или социальные достижения, не защищен от риска их обесценивания, профанации знаний, искажения смыслов⁵. При этом профессиональный статус особенно важен для человека, поскольку, в отличие от социальных ролей, не проигрывается, а зарабатывается, символизируя сумму его достижений, интеллектуальную и социальную ценность [Мертон, 2006]. Обесценивание этого аспекта личности может нанести человеку тяжелую психологическую травму.

Наконец, легкость самоопределения, свобода участия в разных группах, пабликах, подписках на блоги также имеет оборотную сторону: в каждой из этих групп социальные роли становятся все более акцентированными, очерчиваются все более жестко. Ожидания от каждого конкретного человека в группе (паблике, блоге) четко детерминированы. Чем более узкой и нишевой является специализация группы (паблика, блога), тем чаще всего строже правила, более регламентировано поведение участников. Это полностью соотносится с социологическими теориями: такое свойство групп было отмечено еще в контексте эволюционных теорий. Например, согласно правилу Ш. Депере, группа, развиваясь в направлении специализации, должна идти по пути все более узкой и глубокой специализации [цит. по: Северцов, 1987: 265–266]. Это, в свою очередь, приводит к неравномерности развития: одни участники группы значительно обгоняют других.

В итоге человек практически нигде, за редкими исключениями, не может проявить свою личность в полной мере — как индивидуальную совокупную целостность качеств, знаний и навыков. С одной стороны, потребность принадлежать к группе относится в современном обществе к одной из базовых, особенно среди молодых людей. С другой стороны, растет потребность личности

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

⁵ Это приводит к тому, что настоящие эксперты, профессионалы, люди с высоким научным потенциалом часто не готовы широко делиться знаниями в медиасреде, не понимают ее требований и форматов. Получается, при видимом плюрализме мнений в социальных медиа господствует профанация знаний, их тотальное упрощение. Это приводит к неуважению рядового медиапотребителя в целом, попыткам манипуляции сознанием. Так, по данным Лиги безопасного Интернета, в 2020 году были обнаружены более 33 тыс. недостоверных сообщений, с фейками столкнулись 88% пользователей и 71% такой информации поверили. В 2021 году число фейков возросло в два раза; источниками фейков чаще всего выступали социальные медиа. Все это привело к появлению законов о фейках (в 2020 и 2022 годах).

наиболее активно проявили себя во время пандемии коронавируса: например, в два-три раза возросло число фейков, экстремально (до 50% и более) увеличилась доля агрессивных и враждебных сообщений в ряде пабликов, сообществ и групп. Таким образом, на текущем этапе цивилизационного развития, когда гуманистические ценности признаны бесспорными, человечество не только не может полностью справиться с этими угрозами, но хотя бы замедлить их прогрессирующее распространение. Это тревожная тенденция, поскольку человечество производит все больше информации: так, если в 2020 году в мире объем информации измерялся 59 зеттабайтами (ZB), что составляет 59 трлн гигабайт, то в 2025 году человечество воспроизведет уже 175 зеттабайт [Шевцев, 2021].

Учитывая эти противоречивые проявления новых медиа, представляется, что в числе решений, которые могут быть выработаны человечеством, могут стать:

- наращивание медиакомпетенций всеми участниками коммуникации, включая рядовых пользователей: в числе *hardskills* можно предложить базовые навыки фактчекинга, методы психологической защиты, техники формирования вокруг себя и близких безопасной, но достоверной информационной среды (во время пандемии, например, курсы по фактчекингу предложили многие СМИ, медиасообщества и волонтерские организации); необходимо информирование потребителей (включая детей, подростков) о рисках онлайн-коммуникации, о базовых правилах «техники безопасности» в Сети;

- создание все более детальных и практических этических рекомендаций медиавзаимодействия, а далее — «экологических» сообществ и групп, основанных на общих ценностях и соблюдении правил площадок диалога, нишевых проектов;

- появление новых профессий: медиапсихологов, социологов, лингвистов, консультантов, коучей, аналитиков, которые будут оказывать помощь и сопровождать потребителя на всех этапах информационного взаимодействия;

- совершенствование международных и национальных кодексов, деклараций, хартий, направленных на гуманизацию медиакоммуникации;

- развитие технологий безопасности и кибербезопасности на разных уровнях, включая Big Data.

Медиаспециалисты, опрошенные автором статьи в рамках исследовательского проекта по здоровью человека во всех аспектах (включая психологическое, социальное здоровье), отметили, что риски, о которых шла речь в статье, также могут быть отчасти снижены при помощи создания независимых центров

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

Artikieva L.R. *Posledstviya psihologicheskogo nasilija dlja raznyh vozrastnyh kategorij* [Consequences of Psychological Violence for Different Age Groups]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. N 1 (224). P. 6–13.

Баширов Т.А. Нелинейное мышление и гуманизм в современном обществе // *Философия*. 2018. № 9 (95). С. 55–58.

Bashirov T.A. *Nelinejnoe myshlenie i gumanizm v sovremennom obshhestve* [Nonlinear Thinking and Humanism in Modern Society]. *Filosofija*. 2018. N 9 (95). P. 55–58.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.

Bell D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya* [The coming Post-Industrial Society: the Experience Of social Forecasting], transl. from English, ed. by V.L. Inozemcev. Moscow: Academia Publ., 2004.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2000.

Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo* [In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social], transl. from French by N.V. Suslov. Ekaterinburg: Ural'sk. Gos. Un-t Publ., 2000.

Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики // *Культурное наследие России*. 2014. № 2. С. 3–8.

Volkov V.N. *Postmodern i ego osnovnye harakteristiki* [Postmodern and its Main Characteristics]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2014. N 2. P. 3–8.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

Goffman E. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [Presenting Yourself to Others in Everyday Life], transl. from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-C Publ.: Kuchkovo Pole Publ., 2000.

Гуревич П. Десакрализация мозга // *Философская антропология*. 2015. Т. 1, № 1. С. 6–19.

Gurevich P. *Desakralizacija mozga* [Desacralization of the Brain]. *Filosofskaja antropologija*. 2015. Vol. 1, N 1. P. 6–19.

Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М.: Радек, 2000.

Debord G. *Obshhestvo spektaklja* [Society of the Spectacle], transl. from French by S. Ofertas, M. Jakubovich. Moscow: Radek Publ., 2000.

Ефимова Г.З., Зюбан Е.В. Влияние социальных сетей на личность // *Мир науки*. 2016. Т. 4, № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-lichnost/viewer> (дата обращения: 28.07.2022).

Efimova G.Z., Zyuban E.V. *Vliyanie social'nyh setej na lichnost'* [The Influence of Social Networks on Personality]. *Mir nauki*. 2016. Vol. 4, N 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-lichnost/viewer> (date of access: 28.07.2022).

Исследование: 49% россиян испытывают негативные чувства от использования соцсетей // *Sostav*. 19.01.2022. URL: <https://www.sostav.ru/publication/>

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа:
новая ценность
или обесценивание личности?

Mediapotreblenie rossijan: monitoring [Media Consumption of Russians: Monitoring]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (date of access: 15.03.2022).

Международный рейтинг IQ Foundation с 2008 по 2021 год. URL: <https://newsbeezer.com/franceeng/study-found-that-at-least-379-people-have-died-taking-a-selfie-since-2008/> (дата обращения: 17.08.2022).

Mezhdunarodnyj rejting IQ Foundation s 2008 po 2021 god [International IQ Foundation Ranking from 2008 to 2021]. URL: <https://newsbeezer.com/franceeng/study-found-that-at-least-379-people-have-died-taking-a-selfie-since-2008/> (date of access: 17.08.2022).

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. М.: АСТ: Хранитель, 2006.

Merton R. *Social'naja teorija i social'naja struktura* [Social Theory and Social Structure], transl. from English by E.N. Egorova and others. Moscow: AST Publ.: Hranitel' Publ., 2006.

Олешко В.Ф., Мухина О.С. Поколенческие различия в восприятии информации современных массмедиа // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 1. С. 125–142. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11026> (дата обращения 15.09.2022).

Oleshko V.F., Mukhina O.S. *Pokolencheskie razlichija v vosprijatii informacii sovremennyh massmedia* [Generational Differences in the Perception of Information in Modern Mass Media]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*. 2020. Vol. 5, N 1. P. 125–142. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11026> (date of access: 15.09.2022).

Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского; пер. с англ. Е. Молодцовой и др. М.: Академический проект, 2002.

Parsons T. *O social'nyh sistemah* [On Social Systems], ed. by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky, transl. from English by E. Molodcova et al. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2002.

Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой. М.: Прогресс, 1985.

Peccei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human Qualities], transl. from English by O.V. Zakharova. Moscow: Progress Publ., 1985.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011.

Prokhorov E.P. *Vvedenie v teoriju zhurnalistiki* [Introduction to Journalism Theory]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2011.

Савинова О.Н. К вопросу о трансформации функций журналистики // Медиаскоп. 2010. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/660> (дата обращения: 20.12.2021).

Savinova O.N. *K voprosu o transformacii funkcij zhurnalistiki* [On the Question of the Transformation of the Functions of Journalism]. *Mediaskop*. 2010. Iss. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/660> (date of access: 20.12.2021).

Салимовский В.А., Ермакова Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 71–80.

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

- Шкондин М.В. Система средств массовой информации как фактор общественно-го диалога. М.: Пульс, 2002.
- Shkondin M.V. *Sistema sredstv massovoj informacii kak faktor obshhestvennogo dialoga* [Mass Media System as a Factor of Public Dialogue]. Moscow: Pul's Publ., 2002.
- Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216–227.
- Epstein M.N. *Informacionnyj vzryv i travma postmoderna* [Information Explosion and Postmodern Trauma]. *Zvezda*. 1999. N 11. P. 216–227.
- Boroon L., Abedin B., Erfani E. The Dark Side of Using Online Social Networks: A Review of Individuals' Negative Experiences. *Journal of Global Information Management*. 2021. Vol. 29, iss. 6. URL: <https://www.igi-global.com/pdf.aspx?tid=276942&ptid=262210&ctid=4&oa=true&isxn=9781799872627> (date of access: 24.09.2022).
- Brand Analytics 2021. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (date of access: 25.03.2022).
- Brand Analytics 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-aggressiveness-2021/> (date of access: 04.04.2022).
- Global Digital 2021. We Are Social и Hootsuite 2021. URL: file:///C:/Users/Asus-PC/Downloads/Digital_2022_Russian_Federation.pdf (date of access: 15.03.2022).
- Grigoriev O.G., Kuznetsova Y.M., Nikitina E.N., Smirnov I.V., Chudova N.V. Causative-Emotive Analysis. Part I. Emotional Reactions of Social Networks Users Research. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. Vol. 43, iss. 3. P. 114–121.
- Kenrick D.T., Griskevicius V., Neuberg S.L., Schaller M. Renovating the pyramid of needs: contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5, iss. 3. P. 292–314.
- Lash S. *Critique of information*. London: SAGE Publications, 2002.
- Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society. *The Communication of Ideas*, ed. by L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 32–51.
- Mediascope AdIndex City Conference 2021. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/cd5/Adindex%20City%20Conference%202021%20Mediascope.pdf> (date of access: 03.03.2022).
- Strauss W., Howe N. Generations. *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Harper Perennial, 1992.
- TrendNero 2021. URL: <https://trendhero.io/ru/blog/skolko-blogerov-v-rossii-v-2021-godu/> (date of access: 11.08.2022).

В.В. Кажберова
Человек и социальные медиа: новая ценность или обесценивание личности?

DOI: 10.31857/S0236200724020103

©2024 И.А. МАТВЕЕВА

ЗНАХАРСТВО И КОЛДОВСТВО В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Матвеева Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры «Музыка и методика преподавания музыки» факультета педагогики, психологии и социальных наук.

Пензенский государственный университет.
Российская Федерация, 440026 Пенза, ул. Красная, д. 40.

ORCID 0000-0001-5351-3561
redkina1983@rambler.ru

Аннотация. Исследуется магическая традиция, актуально присутствующая в селах Пензенской области. Представленные современные экспедиционные материалы раскрывают прежде неизвестные грани в традиции сельских лечебных и колдовских практик. На основе мифологических рассказов, быличек носителей традиции и репортажей с ними выделены устойчивые характеристики знахарей и колдунов Пензенской области. Один из таких элементов — «дар» — рассматривается как избыточная жизненная сила, позволяющая колдуну вредить людям, а знахарю исцелять различные болезни. Впервые раскрывается система последовательного усиления жизненной силы знахаря и колдуна. Запреты и ограничения, постоянная ритуальная практика, сновидение и оборотничество выступают частями системы, в результате функционирования которой усиливаются магические способности. Особое внимание уделяется мифологическим рассказам о превращениях колдунов и знахарей в «огненного змея» — светящийся шар. В частности, обнаружены его новые образы и функции. Так, установлено, что светящийся шар — это промежуточная форма в череде магических превращений. Конечный образ связан с человеком, который вступает в контакт с колдуном или знахарем. Варьируется и функция «змея» — из вредоносного существа он трансформируется в нейтрального и даже положительного персонажа. Последовательная реализация всех элементов магической системы

приводит к созданию «сверхчеловека», одновременно существующего в пространстве двух «миров» — реальном и мифологическом.

Ключевые слова: Пензенская область, традиционная культура, фольклор Пензенской области, знахарь, колдун, «огненный змей», знахарство, колдовство.

Ссылка для цитирования: Матвеева И.А. Знахарство и колдовство в Пензенской области: современное состояние магической традиции // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 174–191. DOI: 10.31857/S0236200724020103

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Магическая традиция колдовства и знахарства уже свыше столетия — один из наиболее актуальных предметов исследования в науке. Колдуны и знахари, их необыкновенные способности и «волшебные» помощники, ритуальные действия и заговорные тексты и сегодня привлекают внимание специалистов в различных областях научного знания [Виноградова, 2000; Мазалова, 2011; Писаренко, 2013; Христофорова, 2010]. Вместе с тем на условной этнографической карте обследованных территорий остается еще множество «белых пятен». Одно из них — Пензенская область.

Как известно, Пензенский край — сложный по своему этническому составу регион. Здесь на протяжении нескольких столетий чересполосно проживают русские, мордва, татары, чуваша. И если изучение песенного фольклора, ритуалов семейного и земледельческого циклов этих народов нашло отражение в современной научной литературе, то знахари, колдуны и их деяния описаны исключительно дореволюционными собирателями [Докучаев, 1910; Масловский, 1895; Озерецкий, 1874; Смирнов, 1882]. В этой связи цель настоящей статьи — представить магическую традицию Пензенской области в ее современном бытовании.

Основой для настоящего исследования послужили данные, полученные участниками этнографических экспедиций от носителей традиции — колдунов и знахарей, а также сведения от респондентов, испытывавших на себе магическое воздействие различного рода (см. приведенный в конце статьи Список населенных пунктов Пензенской области, где проходили этнографические экспедиции). Сведения «вторичного» происхождения (пересказы мифологических сказаний, услышанных когда-то от кого-то) в статье не использовались. Записи этнографических материалов производились автором статьи в основном в русских селах Пензенской области в 2004–2023 годах и находятся в его личном архиве.

Анализ собранного за 19 лет полевых исследований в Пензенской области фактологического материала позволяет говорить о том, что затронутая в изложении проблематика выходит далеко за рамки сугубо этнографической методологии. В частности, исследования показали, что магическая традиция, равно как и ее носители, продолжает жить вовсе не в сказочно-мифологическом прошлом, а «здесь и сейчас», в современных реалиях XXI века. Целые слои населения (преимущественно сельского) воспринимают магию, колдовство, знахарство и прочие агритуы так называемых магических практик отнюдь не только и не столько

Вышеизложенное служит ярким свидетельством того, что в современной фольклористике закономерно утвердился общий подход к ритуальным специалистам. Он обусловлен тем, что и знахари, и колдуны обладают универсальной магической силой и могут совершать деяния обоюдной направленности — и «на добро», и «на зло» [Мазалова, 2015; Левкиевская, 1999; Добровольская, 2001]. В целях развития этого утверждения знахари и колдуны Пензенского края, их «профессиональные» навыки и личностные характеристики рассматриваются в статье как явления одного порядка.

В настоящее время ритуальными специалистами в пензенских селах оказываются люди *разных возрастов*, совсем не обязательно пожилые. Так, известны «молодые» колдуны и знахари 35–45 лет. А в одном из районных центров зафиксирован случай детского колдовства, когда в роли начинающей колдуньи выступила девочка 10 лет: *«Моей внучке один раз сделали [порчу]. Внучке лет 8–9 было, падашила к ней девачка — а той лет 10, навернае, маленька пастарше, с другова парядка. “Ой, какие у тебя волосы красивые”. И на валасам внучку гладит, гладит. Ну, что ты — на следующий день Анютка наша слегла — прыщик пад мышкой, чирей — “сучье вымя”. И температура, и все балит... И пока сорок этих чирьев не сашли, внучка так и балела. А эта девачка одна-единственная [из всех подруг] пришла к нам дамой и узнала, как у Анечки састаяние»* (с. Русский Камешкир). То, что дети могут быть причастны магической традиции, подтверждается и материалами из других регионов [см., напр.: Поповкина, 2008: 74].

Общим для сел Пензенского края является также *социальный статус* колдунов и знахарей. Сегодня это обычные люди, часто имеющие образование: врачи, учителя, счетоводы, бухгалтеры, клубные работники, краеведы. Все они в глазах односельчан лишены какого-либо негативного или таинственного ореола. Знахари считаются одними из самых уважаемых людей, а отношение к колдунам скорее нейтральное, иногда даже сочувственное: *«У нас в Графинина был калдун. Ему слова сказать нельзя — все исполнится. И вот он мне сам признавался: “Жизни мне никакой нету — хоть глаза закрывай и рот не открывай”. Сам маялся»* (с. Пашково). Хотя еще в 1950–1960-е годы колдунов опасались, а в некоторых случаях откровенно боялись. Часто это приводило к тому, что человек в сельском обществе становился изгоем: *«Мой родственник дедушка Лабарев был колдун. И его боялось все село. Идет он по Кардаву, и все шарахаются, все разбегаются. А мне моя мама даже говорила: “Убегайте все с улицы, колдун идет”»* (с. Кардаво).

По *внешнему виду* колдуны и знахари ничем не отличаются от своих односельчан. Это физически здоровые люди (соответственно своему возрасту) без видимых ограничений здоровья. В частности, среди пензенских магических специалистов отсутствуют инвалиды, утратившие ту или иную часть тела или пережившие тяжелые операции. По всей видимости, наличие хорошего здоровья — одно из базовых качеств как целителей, так и колдунов и только в силу обстоятельств (физиологическое недомогание или недомогание, ставшее следствием ритуальных действий) те и другие на некоторое время могут прекратить практику.

заболевания существовали свой обряд и свой заговор¹, то теперь знахарем часто используются один текст и один ритуал на все случаи жизни: *«Дети плачут маленькие, неприятность какая — гарюет человек так, хоть в петлю лезь, или забалел — температура — я “умываю” и все прaxодит. Адин раз у нас телок забалел, лежит падыхает — я его умыла, и он палелжал немножка и встал»* (с. Воскресеновка).

В качестве примера универсального заговора приведем текст, посредством которого лечат у людей кожные заболевания, воспаления глаз (конъюнктивит), депрессию, боли в животе, ревматизм, детские истерики, а также у крупного рогатого скота несложные болезни: *«Черный глаз — уйди от нас, карий глаз — уйди от нас, серый глаз — уйди от нас, любимый глаз — уйди от нас. Как утренняя заря и вечерняя уходят от нас, так все крики и невзгоды [называется имеющееся заболевание] уйдите с раба Божьего [называется имя больного]»* (с. Матчерка). Эффективность лечения в этом случае зависит от количества проведенных ритуалов, которое в разных селах варьируется от одного — трех (при несложных заболеваниях или легком воздействии колдуна) до шести — одиннадцати (при тяжелых и длительных болезнях или порче «на смерть»).

Ритуальные действия знахаря также зачастую сводятся к простым манипуляциям. В пензенских селах известны четыре типа таких действий:

- движения, которыми как бы «убирают» («стягивают», «снимают» или «выдавливают», по местной терминологии) болезнь;
- движения по кругу против часовой стрелки;
- троекратное переkreщивание больного;
- прикладывание руки к больному месту без каких-либо движений.

Иногда в арсенале знахаря имеется относительно сложный ритуал, который требует некоторой подготовки. Так, непосредственно перед сеансом исцеления особым образом подготавливается святая вода: *«Наливаешь воды полбакала, берешь щепотку соли — так, немножечка, — и вот так крестом сыплешь в воду. И говоришь: “Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа”. Крест-накрест, три крестика так. А потом три спички зажигаю. Аду, потом втарую, потом третью. И немножко не доходя до пальцев бросаю каждую в воду. А уже потом начинаю заговор говорить»* (с. Пашково).

Колдовские ритуалы также не отличаются особой сложностью. Самыми распространенными способами негативного воздействия являются:

- сглаз как результат чрезмерной похвалы;
- посыл дурных мыслей «по ветру»;
- порча через предметы (нитки или пряжу, поломанные иголки или булавки, ткань или бумагу и др.), еду или напиток;
- подклад (коровий, козий навоз).

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

¹ Например, в XIX веке в селах Пензенской губернии бытовали заговоры от истечения кровью, зубной боли, горячки, рахита и других заболеваний [Масловский, 1859; Тихомиров, 1877; Докучаев, 1885].

В пензенских селах «дар» является общим термином, обозначающим «волшебную» силу и колдунов, и знахарей. Вот что сообщают респонденты из двух достаточно удаленных друг от друга сел: *«Когда колдун умирает — он должен “дар” передать кому-то близкому. За ним этот “дар” не закреплен и когда он умирает, то должен его передать кому-то близкому в своем роду»* (с. Мамадыш); *«У нас был один колдун, знал много... Как он “дар” свой передал — не могу ничего сказать, просто слышал такой разговор. Но у нас был такой разговор, что когда он умирал, то он умереть долго не мог. И открывали трубу — все заслонки выдвинули. Иначе никак. Выходит, что он не передал “дар”»* (с. Кардаво).

По всей видимости, «дар» — это жизненная сила, которой в том или ином объеме обладает каждый человек. Передача преемнику дополнительной жизненной силы осуществляется в момент ее высвобождения — незадолго до смерти колдуна или знахаря. При этом обязателен непосредственный контакт: преемнику следует подержать умирающего за руку или передать ему какой-либо предмет (стакан с водой). Сегодня «дар» целенаправленно передается только близким родственникам, почти всегда сыну или дочери, реже внукам или племянникам. И только если колдун/знахарь одинок, жизненная сила передается любому человеку без какого-либо магического обучения.

В настоящее время в Пензенской области носители традиции никак не связывают обретение магической силы с отречением от бога и православных святых или с общением с чертями и бесами, что характерно для других регионов России [Мазалова, 2013]. Так, на вопрос о происхождении «дара» у представителей его рода потомственный колдун В.А. Моисеев отвечает: *«Я думаю, что это связано со сверхъестественной силой, божественное что-то, конечно»* (с. Кардаво).

По получении дополнительной жизненной силы и освоении комплекса теоретических знаний ритуальный специалист приступает к полноценной практике. При этом по мере усиления «дара» практикующий обретает *новые качества*, например способность видеть необычайно яркие, волшебные сны, осознанно действовать в них. Сны эти обычно хорошо запоминаются и могут иметь фантастический, волшебный сюжет: *«Сколько раз я по небу летал! Я во сне летал не один раз, и не десять, а много-много раз! Именно по Кардаву летал взад-назад — как будто по-настоящему лечу!»* (с. Кардаво).

Довольно часто в фантастических снах присутствуют умершие родственники, которые зовут сновидца с собой. Как известно, обычному человеку ни в коем случае нельзя соглашаться на это приглашение — явившийся во сне покойник уведет человека на «тот» свет, и человек на самом деле умрет. А вот колдун, наоборот, воспринимает общение с умершими как должное и даже может отправиться с ними в дорогу: *«Я во сне часто вижу упокойников. Как хорошо, хоть и во сне, а я увидел человека, которого здесь нет и который умер давным-давно. Бывают сны, что я с покойниками куда-то ухожу. Я во сне иду-иду-иду с покойником в сторону кладбища. И он уходит на кладбище, а я просыпаюсь. Это хороший знак, у нас считается, что я еще поживу»* (с. Кардаво).

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

шар галаватой и с хвостом. И лятить вот тах-та — виль-виль-виль!» (с. Большая Ижмора).

О том, что «змей» — еще одна ипостась колдуна/знахаря, свидетельствуют рассказы очевидцев данного явления: «А ведуны, между прочим, летают — я сама видела! Как шар такой продолговатый по небу летит. И сейчас [в 2022 году] есть» (с. Мамадыш). А на прямой вопрос, как можно объяснить это явление, вовлеченные в магическую традицию люди однозначно отвечают: «Шар — это точно не душа умершего» (с. Воскресеновка). Они убеждены, что в такую форму «чернокнижники могут оборачиваться. У нас здесь свиной одна бегала. И в шар, в змея оборачиваться она тоже могла, да-да, раньше такое было» (с. Казачья Пелетьма).

Попадая в дом к тоскующему, «змей», или «летун» принимает образ недавно умершего человека. Примечательно, что эти разные формы видит не только один тоскующий человек, но и другие родственники, а также посторонние люди, находящиеся в это время в доме: «У маей мамы была подружка. И у этой подружки мужа задавила поездом. И вот как-то заходит подружка эта в конюшню и маму мою завет: “Аксютка, иди сюда, тут Захарка”, — это муж ее покойный. Мама зашла в конюшню, поглядела, что Захарка навоз чистит и убегла» (с. Лебедевка).

В доме светящийся шар трансформируется не только в мужской образ, но и в любой другой, в зависимости от того, кто и по кому тоскует. Так, «змей» может предстать в образе покойных матери или отца, жены, взрослого сына, дочери и даже ребенка: «Адна женщина у нас беременная была и рябенка патеряла, и срок бальной был. И стала на эту ребенка таскавать. И он к ней прилятел: все вакрыг асвятил! Сперва асвятил, а потом запытел, ну вроде как ребенок. Женщина эта: “Госпади Иисусе Христе”, — и он аб крылец сразу ударился и изашел, змей этот» (с. Большая Ижмора).

Помимо разнообразных образов покойников пензенские версии демонстрируют и иное — их социально приемлемое поведение. Например, дочь видит сон о том, что умершая мать беспокоится о своей корове и пытается ее подоить: «У маей подружки мать памярла и подружка па ней таскавала. И вот подружка ляжет спать, а покойная мать придет — и к корове, вроде падаить: “Дуня, Дуня”» (с. Большая Ижмора).

Почти всегда «змей», или «летун» приносит с собой гостинцы. И если в рассказах 2000-х годов это были конфеты и печенье, завернутые в узелок, то в наше время «благосостояние» образов покойников явно улучшилось. Так, «змей» в образе заботливого покойного сына «приносит» матери и своим детям в качестве угощения «торт» и «макаронь»: «Это было у нас в доме. У меня муж умер. Мне 29 лет было и у меня две дочки маленькие. И свекровь с нами жила. И вот она по нем, па сыну, па маему мужу таскует и таскует. И он стал к ней ходить. Ну, я захажу как-то в избу, а тут матрас как-то не так лежит. Я падняла матрас-та, а там вот такой курышок навоза каровьева замороженный — зимой ведь дело было, и салом: саломинка к саломинке лежит. А свекровь мне и гаварит: “Пришел сын, пришел сам. Принес торт и макароны. Гаварит: “Сваришь с ребятишками”» (с. Низовка).

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

обрядов приводит к увеличению жизненной силы, которая в свою очередь обеспечивает выполнение деяний нового уровня.

Может показаться, что ритуальная сторона пензенской магической традиции в настоящее время сильно редуцирована. Простые ритуалы, один заговор или молитва от нескольких заболеваний, отсутствие сакрального значения — все это на первый взгляд подтверждает сложившееся впечатление. Но сами сельские жители считают, что чем сильнее знахарь или колдун, тем меньше текстов, атрибутов и обрядов они используют в своей практике. Так, одна из сильнейших камешкирских знахарок за один сеанс помогает сразу трем больным. Она укладывает их на пол, окропляет святой водой, шепчет молитву и просто водит над ними рукой. При этом результат ощутим сразу: одна из «вовсе неходячих» женщин сразу после такого сеанса смогла самостоятельно передвигаться при помощи клюки (с. Русский Камешкир).

Аналогичное явление наблюдается и со стороны колдунов. Если в начале своего магического пути колдун использует различные предметы и практикует разные формы работы с ними, то в дальнейшей практике такой необходимости не возникает. Достаточно точно сформулированного и конкретно направленного колдовского пожелания, чтобы человек тяжело и надолго заболел. Можно лишь предполагать, что именно единообразие действий и их многократное воспроизведение играют основополагающую роль. Четкость выполнения предписаний и получение того или иного результата на новом уровне закрепляют позицию знахаря или колдуна в магической традиции.

Следствием описанного процесса становится появление у практикующего ведуна сновидений. Конечно, способность видеть необычайно яркие, волшебные сны возникает спонтанно у многих людей, но только сельские маги трактуют такие сны как показатель усиления своих способностей. То, что сновидения до сих пор относятся пензенскими ведунами к категории сакрального знания, подтверждается намеренным замалчиванием этого аспекта. Так, и знахари, и колдуны либо уходят от ответа и меняют тему разговора, либо отрицают то, что они видят во сне что-либо необычное.

Связь снов, в которых фигурируют умершие, с реальным миром проявляется в способности колдуна/знахаря к принятию их образов. На то, что мертвец из сна и образ покойного, которого видит тоскующий человек, представляют собой явления одного порядка, указывает С.М. Толстая [Толстая, 2015]. При этом различные образы умерших, их «человеческое» поведение, проявляемое в сочувствии к некогда близкому человеку, заботе о нем, желании оберегать его, свидетельствуют о двойственной природе оборотничества. В этом контексте целесообразно привести развернутый фрагмент репортажа, где именно целитель демонстрирует «волшебные» качества — является к близкому человеку, в реальности находясь за сотни километров от него, хотя и не меняет при этом своего облика: *«У меня крестная была, водой лечила, умывала. Очень близкий мне человек, моя вторая мама. У меня по отцу родственники с Челябинска, вот и она тоже в Челябинске тогда жила. И один раз она меня уберегла, когда я уже здесь жила и беременная ходила.*

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

новые возможности, но и проходит своеобразную инициацию, после которой может действовать и развиваться в строго заданном направлении. И в этом случае магическая традиция предстает перед нами как активная и динамичная система. Многолетняя активная практика и вовлеченность в необъяснимые с рациональной точки зрения процессы необратимо изменяют личность колдуна/знахаря. В мифологическом плане реализация всех элементов системы приводит к созданию «сверхчеловека», одновременно существующего в пространстве двух «миров» — реальном и мифологическом. В практическом плане меняется роль магической традиции: она становится субъектом, создающим объект — своего носителя.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Список населенных пунктов Пензенской области, где проходили этнографические экспедиции

Большая Ижмора, село Земетчинского района. Респонденты Т.С. Тимохина (1928 г.р.), А.С. Логинова (1924 г.р.) — русские. Экспедиция И.А. Редкиной, Н.А. Рябовой. 28.08.2004²

Воскресеновка, село Пензенского района. Респонденты Н.В. Антипова (1946 г.р.), Т.Н. Егорова (1958 г.р.), Л.И. Сахарнова (1965 г.р.), И.Б. Жаркова (1968 г.р.) — русские. Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Борисова, А.Ю. Мареевой. 03.04.2023

Земетчино, поселок городского типа. Респондент Е.К. Рыжова (1921 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной, Н.А. Рябовой. 28.08.2004

Казачья Пелетьма, село Лунинского района. Респондент Т.А. Сыровкина (1986 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Н.В. Оськиной, А.Г. Прошиной и др. 11.06.2023

Кардаво, село Городищенского района. Респондент В.А. Моисеев (1939 г.р.) — русский. Экспедиция И.А. Матвеевой, Л.Ю. Ряшенцевой. 26.07.2022

Кулясово, село Камешкирского района. Респондент А.П. Ревескина (1983 г.р.) — мордовка (эрзя). Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

Лебедевка, село Пензенского района. Респондент А.С. Дуренкова (1941 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 03.08.2006

Левашовка, село Пензенского района. Респондент А.М. Пузанова (1929 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 16.08.2005

Мамадыш, село Камешкирского района. Респонденты Т.С. Савельева (1941 г.р.), М.И. Ледяева (1954 г.р.) — мордовки (эрзя). Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

² Здесь и далее в списке после указания каждого населенного пункта приводятся имена респондентов, их год рождения и национальность, а также имена участников и дата экспедиции.

Матчерка, село Земетчинского района. Респондент З.И. Богатырева (1963 г.р.) — русская (колемазка³). Экспедиция Н.А. Зверевой, И.А. Матвеевой. 30.07.2022

Низовка, село Каменского района. Респондент А.А. Лапшина (1947 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Ю.А. Перетрухиной, Ю.В. Волковой. 31.07.2015

Пашково, село Земетчинского района. Респондент А.П. Желудкова (1944 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Н.А. Зверевой, А.А. Карачаровой. 18.10.2020

Русский Камешкир, село Камешкирского района. Респондент М.П. Деянова (1940 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

Старая Каменка, село Пензенского района. Респондент С.Н. Никонова (1914 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 17.08.2005

Старый Карлыган, село Лопатинского района. Респондент Г.Г. Баткаева (1982 г.р.) — татарка. Экспедиция И.А. Матвеевой. 26.01.2023

Sorcery and Witchcraft in the Penza Region: Current State of the Magical Tradition

Irina A. Matveeva

CSc in History of Arts, Senior Lecturer of the Department of Music and Methods of Teaching Music, Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Sciences.

Penza State University.

40 Krasnaya Str., Penza 440026, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-5351-3561

redkina1983@rambler.ru

Abstract. The magical tradition, that is actually present in the villages of the Penza region, is being investigated. The presented modern expeditionary materials reveal unknown facets in the tradition of rural healing and witchcraft practices. On the basis of mythological stories, tales and reports with the bearers of the tradition, stable characteristics of healers and sorcerers of the Penza region are highlighted. One of these elements — “gift” — is seen as an excess of life force that allows the sorcerer to harm people, and the healer to heal various diseases. For the first time, a system of successive strengthening of the vitality of a healer or sorcerer is revealed. Prohibitions and restrictions, constant ritual practice, dreaming and shape-shifting are part of the system, the result of which is the strengthening of magical abilities. Particular attention is paid to mythological stories about the transformation of sorcerers and healers into a “fire serpent” — a glowball. In particular, new images and functions of the “snake” have been discovered. Thus, the glowball is an intermediate form in a series of magical transformations. The final image is associated with a person who comes into contact with a sorcerer or medicine man. The function of the “serpent” also varies — it transforms from a harmful creature into a neutral and even positive character. Consistent implementation of all elements of the

³ Самоназвание небольшой субэтнической группы, входящей в состав Мещёры и компактно проживающей на северо-западе Пензенской области (подобно цуранам и ягунам).

magical system leads to the creation of a “superman”, simultaneously existing in the space of two “worlds” — real and mythological.

Keywords: Penza region, traditional culture, folklore of the Penza region, healer, sorcerer, fire serpent, healing, sorcery.

For citation: Matveeva I.A. Sorcery and Witchcraft in the Penza Region: Current State of the Magical Tradition // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 174–191. DOI: 10.31857/S0236200724020103

Литература/References

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993.

Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture* [Ritual in Traditional Culture]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993.

Базлов Г.Н. Поверья об «огненном змее» в Тверской области // *Живая старина*. 1996. № 4(12). С. 49–51.

Bazlov G.N. *Pover'ya ob "ognennom zmee" v Tverskoi oblasti* [Beliefs About the “Fiery Serpent” in the Tver Region]. *Zhivaya starina*. 1996. N 4(12). P. 49–51.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Vinogradova L.N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk Demonology and Mythoritual Tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000.

Десяткина Т.П., Панфилова С.С. Образ и функции Змея в народных представлениях мордвы // *Вестн. марий. гос. ун-та*. 2011. Т. 15, № 1(41). С. 79–85.

Devyatkina T.P., Panfilova S.S. *Obraz i funktsii Zmeya v narodnykh predstavleniyakh mordvy* [The Image and Functions of the Serpent in the Folk Representations of the Mordovians]. *Bulletin of the Mari State University*. 2011. Vol. 15, N 1(41). P. 79–85.

Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в несказочной прозе // *Мужской сборник*. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М.: Индрик, 2001. С. 95–105.

Dobvol'skaya V.E. *Narodnye predstavleniya o koldunakh v nesказochnoi proze* [Folk Ideas About Sorcerers in Non-fairy tale Prose]. *Muzhskoi sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoi kul'ture* [Men's Collection. Iss. 1. Man in Traditional Culture]. Moscow: Indrik Publ., 2001. P. 95–105.

Докучаев Н. Село Бояркино Городищенского уезда. Историко-статистическое описание // *Пензенские епархиальные ведомости*. Часть неофициальная. 1885. № 19. С. 9–18.

Dokuchaev N. *Selo Boyarkino Gorodishchenskogo uезда. Istoriko-statisticheskoe opisanie* [The Village of Boyarkino, Gorodishchensky District. Historical and Statistical Description]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1885. N 19. P. 9–18.

Докучаев Н.А. Село Вырпаево Саранского уезда Пензенской губернии. Историко-статистический очерк // *Пензенские епархиальные ведомости*. Часть неофициальная. 1910. № 24. С. 1025–1031.

Dokuchaev N.A. *Selo Vyrypaevo Saranskogo uезда Penzenskoi gubernii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [The Village of Vyrypaevo, Saransky District, Penza Province. Historical and Statistical Essay]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1910. N 24. P. 1025–1031.

Левкиевская Е.Е. Знахарь // *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 347–350.

Levkievskaya E.E. *Znakhar'* [Witch Doctor]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*: v 5 t. [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol.]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. P. 347–350.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

- Поповкина Г.С. Знахари и знахарство у восточных славян юга Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2008.
- Popovkina G.S. *Znakhari i znakharstvo u vostochnykh slavyan yuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Healers and Witchcraft Among the Eastern Slavs of the South of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2008.
- Русинова И.И. Лексика колдовства, знахарства, русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022.
- Rusinova I.I. *Leksika koldovstva, znakharstva, russkikh mifologicheskikh tekstov kak osobaya ideograficheskaya sfera: kompleksnoe issledovanie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Vocabulary of Witchcraft, Healing, Russian Mythological Texts As a Special Ideographic Sphere: A Comprehensive Study: Diss. ... DSc, Philology]. Perm': Perm State National Research University Publ., 2022.
- Смирнов Н. Суеверия простого народа и борьба с ними пастырей // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1882. № 24. С. 4–10.
- Smirnov N. *Sueveriya prostogo naroda i bor'ba s nimi pastyrei* [Superstitions of the Common People and the Struggle of Pastors Against Them]. *Penzenskie eparkhial'nye ведомosti. Chast' neofitsial'naya*. 1882. N 24. P. 4–10.
- Тихомиров Ф. Тихая вода (случай из практики деревенской знахарки) // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1877. № 16. С. 639–657.
- Tikhomirov F. *Tikhaya voda (sluchai iz praktiki derevenskoi znakharki)* [Quiet Water (A Case from the Practice of a Village Healer)]. *Penzenskie eparkhial'nye ведомosti. Chast' neofitsial'naya*. 1877. N 16. P. 639–657.
- Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
- Tolstaya S.M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2015.
- Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2010.
- Khristoforova O.B. *Kolduny i zhertyvy: antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and Victims: An Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia]. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2010.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Научный журнал

Человек

2024. Том 35, номер 2

Учредители: Российская академия наук, Институт философии РАН

Издатель: Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр-кт, д.14

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Н.Б. Афанасов*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Сдано в набор 08.04.2024. Подписано к печати ?.?.2024

Дата выхода в свет ?.?.2024

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberaton Serif, Carlito

Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 125 экз. Заказ № 20/6а

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Подписной индекс — 39443

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Сальвадор Дали. Археологический отголосок "Анжелюса" Милле. 1935. Музей Сальвадора Дали. Сент-Питерсберг, Флорида, США

На четвертой странице обложки: Константин Коровин. Охотино. 1916. Частная коллекция

18+